

Генри Кеннет Балмер

Охотники Джундагая

Нелегко находить входы в иные Измерения, а тем более помогать другим людям проходить через них. Такое под силу только Проводникам — людям, способным с помощью своей внутренней энергии отыскивать нужные пространственно — временные порталы. Однако уникальные способности этих людей могут стать мощным оружием в руках мошенников. На Проводников началась настоящая охота! Находчивость, взаимовыручка, умение выживать в сложнейших ситуациях — вот основные качества, которыми обладают герои романов Кеннета Балмера.

Глава 1

Весь день Йенси работал в скучной и утомительной конторе, поэтому вечерами он любил посещать спортивный клуб и поддерживать тело в форме, занимаясь борьбой и карате, а также упражнять остроту глаза стрельбой по мишени. Он довольно неплохо стрелял и столь же неплохо знал дзю-до, и когда случалось, что дни соревнований по этим видам спорта совпадали, ни одна команда не хотела его отпускать.

— Слушай, Ки, — терпеливо говорил ему Макси Фельдштейн, разводя руками. Сквозь стеклянные двери клуба, в фойе которого они стояли, виднелся пейзаж зимнего Манхэттена во всей его черно-белой контрастности. — Ты же можешь пострелять в «Игреке», а потом успеть вовремя вернуться сюда. Я поставлю твой выход в конце...

— Это значит, придется брать такси.

— Ну так замечательно! Клуб себе это вполне может позволить. Будешь бороться с Тигром О'Мэли.

— Я ему кое-что должен, — задумчиво заметил Йенси.

Фельдштейн просиял.

— Так-то лучше, Ки!

— Ну, тогда ладно, Макси. Ставь меня в списки.

Тимоти, он же самозванный «Тигр» О'Мэли, нуждался в хорошей взбучке и Йенси чувствовал тепло в животе и совсем не подобающее цивилизованному человеку удовольствие при мысли об этой перспективе.

В «Игреке» его команда отстрелялась хорошо, и лично Йенси набрал вполне удовлетворительное число очков. Образ Тигра О'Мэли маячил перед ним, когда он смотрел в прицел, укрепляя его глаз и руку. Винтовка выплевывала огонь, неподвижно зажатая каменной хваткой.

Он даже превзошел Роки, чемпиона команды по скорости выхватывания револьвера, который также неплохо управлялся с карабином, и это заставляло Йенси с еще большим нетерпением ждать предстоящего поединка с О'Мэли. Роки держал у себя дома, в Бруклине, «Маузер» калибра 0.423 и время от времени они лениво обсуждали, как рано или поздно поедут в Африку, пострелять по настоящей мишени, сопоставимой размерами с человеком...

— Дай О'Мэли лишнего тычка от моего имени, Ки, — крикнул Роки, когда Йенси бросился к такси, подкатившему к обочине, со своим старым «Винчестером», Модель 72, в брезентовом чехле под мышкой. Такси тронулось с места, провизжав шинами и унося клиента, подсевшего с другой стороны.

— Проклятие! — взвыл Йенси в гневе.

Он огляделся вокруг, но, как всегда и бывает в таких случаях, не увидел больше поблизости пустых такси. Йенси пригнул голову, защищаясь от режущего ночного ветра, и двинулся быстрым шагом по тротуару. Идти было не так уж далеко, особенно для настолько подготовленного физически человека, как он, а мысль об О'Мэли согревала его. Йенси пересек улицу и направился в переулок, который должен был вывести его к следующему кварталу и помочь таким образом избежать значительного крюка. Он держался настороже, на случай, если появятся уличные грабители, и был уверен в своей способности искалечить любого, кто осмелится ему досаждать, голыми ли руками или иначе. Заряженная винтовка под мышкой окажется неожиданным аргументом для хитрого парня с пистолетом, так что...

Но к тому, что Йенси вдруг увидел, он все-таки оказался неподготовлен.

Он даже сначала не поверил тому, что видит. А увидел он, как из дверей неожиданно выпадает молодая девушка в каком-то безумном наряде стриптизерки и бросается бежать, крича и визжа, по продутому ветром переулку. Горло ее охватывал ошейник, к которому была прикреплена длинная, тонкая и блестящая цепочка.

Йенси разинул рот. Затем из той же двери появился человек, державший другой конец цепочки. Он был одет в меховую шубу, несколько напоминавшую женскую, и металлическую шляпу с гребнем. Лицо его, темное само по себе, находилось к тому же в тени, но стоило пробежать по нему случайному отблеску света, и глаза незнакомца сверкнули так, что Йенси невольно напрягся и сжал покрепче винтовку.

Человек прокричал что-то, показавшееся Йенси неразборчивым — голос у него оказался хриплым и грубым — а потом ударил девушку по лицу. Единственное слово, которое Йенси разобрал, звучало как «стихла!», и в следующий миг Йенси с криком прыгнул вперед, зная, что он богом проклятый идиот, раз вмешивается во что-то, никак его не касающееся, но совершенно бессильный себя остановить.

Вид побелевшего лица девушки, гневного и страдающего, совершенно необычайно подействовал на Йенси в том глухом ночном переулочке.

Человек нажал рычажок на браслете, украшавшем его запястье, и девушка изогнулась, дугой выгнув спину, выпятив грудь и раскрыв рот в крике.

Человек в мехах закричал на нее снова — и опять-таки Йенси разобрал лишь единственное слово, напоминающее по звучанию «джундагай». И еще раз повторил: «стихла». Если это слово не служило грубым выражением презрения, то Йенси не приходилось самому изрыгать в свое время некоторое количество таких выражений. Он устремился вперед. А потом, потом... О нет, вне себя мысленно прокричал Йенси, это же безумие!

Ибо девушка и человек — исчезли.

Йенси с глупым видом огляделся вокруг. Исчезли, пропали, сгинули без следа. Что он видел, то видел. Все-таки Йенси заглянул в темный дверной проем, прошел через переулок, чтобы осмотреть подворотню напротив. Они никак не могли туда попасть, чтобы он не увидел, как они двигаются — а они ведь не двигались! Только что они стояли здесь и боролись, миг — и их не стало.

Люди не исчезают так просто с лица Земли, не правда ли? Ветер все дул, холодный и липкий. Йенси поднял повыше воротник пальто. Не было никакого смысла здесь околачиваться. К тому же Тигр О'Мэли ждет. Но... но... Вызывать полицию тоже бессмысленно. К тому времени, как она сюда прибудет, Йенси уже и сам перестанет верить в свою историю. Доказательства, парень, где доказательства? Он еще немного поискал в переулке — бессистемно и нехотя. Девушка могла уронить какую-нибудь часть этого дурацкого наряда, сплошь из одних лоскутков, финтифлюшек и бусинок — но Йенси не ожидал ничего найти, и это реалистичное ожидание полностью подтвердилось.

Глядя вдоль переулка и готовясь уходить, Йенси вдруг услышал шаги и обернулся так резко, что поскользнулся и чуть не потерял винтовку.

В панике исполнив акробатический трюк, чтобы удержаться на ногах и в то же время не выронить оружие, а заодно еще и вскидывая его рефлекторным движением, чтобы в любой момент суметь воспользоваться им для защиты, Йенси умудрился-таки сохранить равновесие. Приблизившийся к нему человек держал руку в кармане, а лицо его выглядело злым и нетерпеливым, вовсе не готовым легко терпеть всяких идиотов.

— Прошу прощения, вы здесь сейчас никого не видели? — любезно спросил новоприбывший.

Йенси догадался, что это его естественная манера выражаться, а такое свирепое выражение на его лицо наложило сильное беспокойство о чем-то. Он носил стильные очки без оправы, а его подтянутая атлетическая фигура, облаченная в английское пальто и движущаяся с уверенной легкостью, выдавала человека, не прекращающего тренировок.

— Да... Нет! — ответил Йенси и еще сильнее почувствовал себя дураком.

Улыбка у этого человека была по-настоящему приятной. Он сказал:

— Понятно. Стало быть, они здесь появились, а потом вновь исчезли. Вот только куда, хотел бы я знать, куда? Последнее замечание явно было им адресовано самому себе.

Йенси вдруг озарила свежая мысль. Он сглотнул слюну.

— Если я вам скажу, что видел, как мужчина и девушка, оба очень странного вида, неожиданно появились здесь, а потом... исчезли, вы, наверное, подумаете, будто я какой-нибудь чокнутый...

— Вовсе нет. Конечно, лучше вам больше никому этого не рассказывать. Никто вам не поверит.

— Но вы верите?

— Конечно. Иначе я не стал бы с вами сейчас разговаривать, не так ли?

Йенси сжал покрепче завернутую в брезент винтовку, остро чувствуя, как иррациональность, полнейшая нелепость всего этого заливают его, как мыльная пена — тарелки в механической мойке.

— Все эта чертова четверть дюйма, — проворчал он.

— Прошу прощения?

— Ничего.

Йенси был ростом в пять футов, одиннадцать и три четверти дюйма.

За несколько месяцев до того, как ему исполнилось двадцать один, он измерял себя по крайней мере тридцать раз в день, влезал на лестницу в доме своих родителей и становился к потертому измерителю роста, выпрямляясь вдоль планки. Все знают, что когда тебе исполняется двадцать один, ты перестаешь расти; а для Йенси эта недостающая четверть дюйма означала нечто такое, чего он не мог объяснить словами: словно она должна была отворить волшебные окна в иную сферу воображения, словно она каким-то образом

преобразит его и дополнит. С тех пор он ни разу не побеспокоился измерить свой рост.

Новоприбывший отошел от Йенси и принялся осматривать переулок. Голову он держал чуть набок и напомним Йенси принимающего пса.

— Меня зовут Престайн, — сказал он вдруг. — Не будете ли вы так любезны, мистер?..

— Йенси, — ответил Йенси.

Он не собирался рассказывать этому парню, да и вообще не рассказывал никому, что его зовут вовсе не Киром, как полагали все, называвшие его Ки. Причина, по которой мать и отец называли его Клодом, была частью и крохой причины, по которой он так и не вырос на эту злосчастную четверть дюйма.

— Мистер Йенси, не будете ли вы так добры сказать мне, где именно они исчезли?

Безумие происходящего уже полностью овладело Йенси. О'Мэли обождет — отправить его броском на мат можно будет и позже. Эта история, похоже, окажется более захватывающей.

— По-моему, вот здесь, — с сомнением проговорил Йенси.

— Я тогда был несколько... озадачен.

Престайн вежливо засмеялся. Он по-прежнему излучал ауру настоящей спешки, но целиком и полностью себя контролировал. Он перешел в то место, которое указал Йенси, и лицо его тотчас напряглось.

— Да, мистер Йенси. Это было здесь. Благодарю вас, вы мне очень помогли. Престайн исчез.

— О, только не это! — взвыл Йенси. Он прижал руки к глазам. Когда он их отнял, Престайна по-прежнему не было. Либо ему как можно скорее нужно нанести визит «дурному доктору», либо вся вселенная сошла с рельсов. Здесь происходило что-то чрезвычайно странное.

Оттуда, где начинался переулок, донесся звон металла о металл, шаги и девичий голос, ясный и быстрый:

— По-моему, Боб пошел сюда. Он быстро учится, но еще пока не очень хорошо чувствует следы.

— Конечно, до тебя ему далеко, Сара, ведь ты... — здесь второй голос перешел на другой язык, выходящий за пределы понимания Йенси.

Он обернулся, чтобы встретить идущих с глубоким, но неискренним смирением.

К нему приближались трое. Йенси просто стоял, и будь что будет.

Первой шла девушка, молодая, чрезвычайно подвижная и симпатичная, с гладкими волосами медового оттенка и мягким, скромным, невинным выражением лица — это наверняка была Сара.

Мужчины: один невысокий, едва на дюйм выше Сары, зато невероятно широкий и мощный, просто по-варварски мощный, с загорелым дьявольским лицом и веселыми моргающими глазками — этаким ходячий заряд динамита, одетый в какую-то кольчугу под рубиново-окрасным плащом и державший в руках длинный меч, которым на вид был способен раскроить противника сверху донизу. Второй — Ки Йенси, не добравший четверти дюйма до шести футов, вынужден был задрать голову, чтобы как следует рассмотреть этого гиганта, чей огромный торс облекали металлические доспехи, соединенные кожаными завязками и который держал такой огромный топор, что Йенси мысленно заморгал, стоило ему подумать, что будет, если лезвие такой ширины и тяжести вопьется в обычную человеческую плоть и кровь. Они переговаривались друг с другом грубыми, хриплыми и веселыми голосами — странные слова перелетали от одного к другому, словно кремовые пирожные в немом фильме.

— Фезий! Оффа! — укорила их Сара. — Мы же должны следовать за Бобом, а не...

Низенький человек — назвать его просто «маленьким» не поворачивался язык — пробубнил ей что-то на ухо, в ответ на что Сара стукнула его по плечу и захихикала. Йенси, стоявший в ошеломлении с открытым ртом, заметил, что у каждого из них на голове надето нечто вроде украшенного драгоценными камнями обруча; а потом девушка вежливо

обратилась к нему, рассказывая что-то про бал-маскарад.

— О, конечно, конечно, — согласился Йенси, не двигаясь с места. Он знал, что ноги его сейчас не понесут. Откуда же взялась эта троица?

— Если вас интересует, видел ли я здесь кого-нибудь, — заявил Йенси, — то ответ: да. Самым первым был этот тип в жестяной шляпе и в шубе, и еще с девушкой, а потом некто, назвавший себя Престайном...

— Ага! — воскликнула Сара. — Добрый старый Боб. Он должен был оставить нам какой-нибудь ключ.

— Ключ?

— Вы сказали ему свое имя?

Йенси овладела паника.

— Да, — ответил он, чувствуя, как колотится сердце. — А что, мне не следовало?

— Конечно, следовало. А теперь скажите нам.

— Кло... То есть, я хочу сказать, Ки Йенси.

— Отлично, Ки. По-моему, я знаю, куда отправился Боб. А именно...

Фезий рявкнул что-то твердое и острое, как бритва.

— Да, да, Фезий, лапочка. Мы отправляемся. Я думаю, Боб перешел в Зонсферах или в Шосунат. Скоро мы это выясним. Точно на том же месте, где ранее Боб Престайн и человек в шубе с прикованной девушкой, все трое исчезли. Йенси прижался спиной к стене, выставив перед собой винтовку и мысленно бросая вызов любому, кто может возникнуть перед ним из ничего. Болело горло. Должно быть, у него шарики за ролики заехали! Наверняка!

Когда человек в шубе и прикованная к нему девушка вновь появились в переулке, всего в нескольких футах оттуда, где он стоял, Йенси понял, что не обезумел. Все это на самом деле. Это происходит в действительности. Как одурманенный, он направился к материализовавшейся парочке; в голове у него крутились самые разнообразные слова и фразы. Человек заметил его приближение и жестоко потянул за цепочку. Девушка закричала.

Углом глаза Йенси заметил две фигуры, образовавшиеся в подъезде, там, откуда в первый раз вышел человек с девушкой. Еще один человек, одетый, как и первый, и тоже с прикованной к нему девушкой, выскочил там прямо из воздуха. Мгновение сцена оставалась неподвижной, а все ее участники рассматривали друг друга.

Потом из уст двух неизвестных полились злобные слова. Они нажимали кнопки на своих браслетах, и две девушки откликались на эти нажатия — извивались, кусали губы, бились, словно рыбы на конце лески.

— Прекратите! — закричал Йенси, не совсем понимая, что он имеет в виду, или хотя бы, что собирается делать. Девушки завизжали. Мужчины подались вдруг назад, отодвигаясь от Йенси и сближаясь друг с другом. Йенси оглянулся через плечо, на подъезд, откуда, по-видимому, появлялись эти люди. Он посмотрел — и мысли его остановились. Там появлялись твари.

Вначале, но лишь на крошечную долю секунды, Йенси принял их за очень массивных людей, одетых в длинные, вышедшие из моды подпоясанные дождевики и бесформенные широкополые шляпы. Потом он увидел глубокие, хищные, горящие ненавистью красные провалы на месте глаз. Увидел отвратительные протянутые когтистые лапы, лапы, покрытые желто-зеленой чешуей, лапы с двумя длинными пальцами и коротким противостоящим, увенчанными длинными кроваво-красными когтями. Он увидел странное фиолетовое свечение, окаймлявшее каждую чешуйку. Йенси видел, как тянутся эти порождения ужаса — и понял, что они тянутся к нему.

С хриплым криком Йенси шагнул назад и столкнулся с двумя людьми, одетыми в шубы. Те столкнулись с девушками. На мгновение все они безнадежно запутались, толкая друг друга, и все первобытные страхи ада обрушились водопадом в душу Ки Йенси, хлынули и затопили ее, меж тем как эти чудовища с хищными глазами кинулись в его сторону. Он попытался высвободить винтовку, но та застряла между оголенными ногами одной из девушек. Йенси дернул. От бестолкового рева и визга раскалывалось ночное небо над

головой. Йенси почувствовал, что падает. Он падал сквозь то место, где должен был находиться тротуар. Йенси почувствовал болезненный удар по спине, а потом оказалось, что он лежит на пластинах клепаного железа и смотрит вверх, на оранжевое небо и полыхающее в нем синее солнце.

Глава 2

Должно быть, он потерял сознание от силы удара при падении, а то и вовсе убится. Йенси лежал, раскинув руки, наполовину оглушенный, пока в голове у него не прекратились вспышки. Немного спустя он попытался на пробу пошевелить руками и ногами, а в последнюю очередь — головой. Он питал совершенно твердое убеждение, что голова отвалится, если он станет слишком резко ею трясти.

Прямо под ним лежал один из людей в шубах. Тело его было на ощупь вялым неестественно вывернутым. Пальцы Йенси угодили во что-то теплое и липкое, и он уселся, застонав от боли, пронзившей локоть, и поспешно стер кровь о шубу покойного. Он чувствовал себя препаршиво. Эти чертовы колокола продолжали названивать, а фейерверки грохотать и разрываться у него в черепушке.

Йенси ненадолго закрыл глаза; когда же он снова без особой охоты открыл их, это странное покрытие из клепаного металла и ярко-синее солнце все еще были на месте. Мягкий, задыхающийся голос пробормотал что-то ему на ухо, и Йенси дернулся, как будто слышал рев сирены.

— Э?

Лицо девушки было напряжено и хмурилось, ее синие глаза затуманились от страха. Жалкие клочки, составлявшие ее одежду, висели лохмотьями. Другая девушка, лежавшая без сознания, как и второй мужчина, была одета несколько основательней, но и ее костюм относился к тому же типу — лоскутки, кружавчики, бусинки и побрякушки. Йенси подобные наряды никогда особо не нравились.

Девушка задвигалась, морща лицо — как догадался Йенси, из-за болезненных ушибов, причиненных падением. Она пошарила в волосах погибшего, сняв с него дурацкую стальную шляпу, и извлекла обруч, переливающийся под лучами синего солнца сиянием драгоценностей. Все лица в здешнем освещении имели синеватый оттенок, словно под водой.

Девушка надела обруч на голову Йенси, аккуратно пристроив его поудобнее — прикосновение ее мягких ладоней не было неприятным — и приговаривая:

— ...теперь она может в любой момент послать за нами своих тругов. Я их так боюсь, что просто сил никаких нет, а бедненькая Зельда лежит там вся синяя, да еще эти два гнусных валкина здесь и...

— Погоди минутку, — рассеянно проговорил Йенси.

Он поднес руку ко лбу и заморгал. Это же все совершенно не настоящее — и однако у него не исчезало мерзкое ощущение, что он не проснется в комнате, которую снимал для жилья, в собственной уютной постели, готовый отправляться в эту богом забытую нью-йоркскую контору. Здесь — уж точно не Нью-Йорк, в этом-то он был уверен.

— Но графиня...

— Этот человек, — сказал Йенси, тяжело сглатывая. — Он ведь умер.

— Хвала Уботху! Однако, второй Валкини еще дышит. Скорее возьми у этого нож и перережь ему глотку, пока он не очнулся!

— Чего? — Йенси видел, как вздымается ее грудь под тоненькой серебристой тканью. Девушка нисколько не шутила. — Нельзя же убить человека, просто взять и убить... вот так. С неприятным горловым звуком девушка выхватила из-за пояса у мертвеца длинный нож и кинулась к человеку, который был еще жив. Она замахнулась, но блестящая цепочка обвилась вокруг ее руки, задержав смертельный удар как раз вовремя, чтобы Йенси успел неуклюже перекатиться и схватить ее за руку.

— Стой! Ради бога! Что происходит?

Девушка боролась, сиюсь освободиться. Нож зловеще поблескивал в лучах синего солнца; края его были угрожающе наточены.

Удерживая ее извивающееся тело, Йенси столкнулся с телом человека в шубе. Его рука, шарившая в попытках ухватиться получше за ускользающие, как ртуть, формы, наткнулась на браслет человека, лежавшего без сознания, и случайно нажала на рычажок.

Девушка напряглась. Ее ладони распрямились, как спущенные пружины. Нож упал, звякнув о металлический пол. Девушка выгнула спину, ее лицо исказилось, тело содрогалось в неуправляемой муке. Йенси поспешно распрямился, отпустив рычажок. Когда девушка бессильно осела с отчаянным вскриком, он подхватил нож и, не найдя места получше, сунул его за брючный ремень. При этом он заметил, что с его пальто сорваны все пуговицы.

— Дурак! Когда он придет в себя, он тебя убьет!

— Да погоди, просто погоди минутку. Дай мне перевести дух.

— Дурак!

Йенси вынудил себя встать, опершись при этом на винтовку — оскорбление честного оружия и причина возможного для него ущерба, которого Йенси никогда не допустил бы при более обычных обстоятельствах — и огляделся. У него захватило дух. Клепанные металлические пластины составляли гигантский пол, протянувшийся в три стороны насколько хватало глаз. С четвертой стороны они возносились в небо на высоту, этак вдвое превышавшую высоту Эмпайр Стейт Билдинг. Йенси моргал глазами под палящим светом синего солнца. В оранжевом небе ни облачка, на металлической поверхности — ничего кроме них самих, не за что зацепиться взгляду слезящихся глаз. Йенси обернулся к своим новоявленным спутникам. Девушка, слабо всхлипывая, подползла ко второй девушке, той, которую, должно быть, звали Зельда, и пыталась привести ее в чувство. Блестящие цепочки отсвечивали здесь серебряно-синим. Какого цвета могут быть волосы девушки, Йенси описать был не в силах; они выглядели бледно-голубыми, как разбавленные чернила. Она похлопывала Зельду по лицу и по рукам, тяжело дыша, явно очень напуганная. Ну как? Не напуган ли Ки Йенси до чертиков? Еще как напуган!

Зельда застонала. Йенси посмотрел на нее. Ее волосы, казавшиеся фиолетовыми, были должно быть, на самом деле, рыжими. Короткая стрижка открывала уши, резко контрастируя с длинными голубыми локонами другой девушки. Зельда открыла глаза. Глаза эти, бывшие темно-карего цвета, произвели глубокое впечатление на Йенси, меж тем, как их владелица повернула голову, озирая сцену. В последний раз Йенси видел это лицо — и тогда же он видел его в первый раз — когда умерший уже человек ударил ее по лицу и назвал «стихлой».

— Ну же, Зельда, ну. Нам подвернулся настоящий шанс. Мы прихватили лопуха, который ничего не знает об Измерениях, и нас преследуют труги. Графиня погонит их дальше, ты же ее знаешь!

— О каком шансе ты говоришь? — свирепо осведомился Йенси. Ему не нравилось, когда его называли лопухом, хотя остального он и не понял. — Если эти твари за нами гонятся...

— Труги! — воскликнула Зельда, садясь. Нелепые бусы на ней забренчали и Зельда с недовольной гримасой сорвала их и швырнула на металлический пол. Бусы, подпрыгивая, раскатились. Зельда потянулась. — Но шанс у нас есть, Джорин, и шанс неплохой. Однако, — Зельда вновь огляделась, и между бровей ее обозначились крохотные хмурые морщинки, — это не Джундагай.

— Да, по-моему, это Торвальт, или, может быть, Кафаргуэлин. Я почувствовала Врата так быстро, а труги приближались и я... я просто протолкнула нас.

Зельда похлопала Джорин по руке.

— Ты правильно сделала. Но Соломон скоро нас почует.

Надо двигаться дальше, и побыстрее. Это шанс, которого мы ждали так долго.

— А как насчет этого лопуха?

Зельда холодно посмотрела на Йенси. Тот почувствовал, как его плоть дымится под ее

взглядом — странное ощущение физического контакта, которое он не мог ни понять или объяснить, ни принять, хотя бы и желая того.

— Первое, что нужно сделать — разомкнуть эти презренные железные ошейники с их цепочками, — твердо сказала Зельда.

— Да, о да, — подтвердила Джорин.

Они энергично обшарили лежащих мужчин, разыскав маленькие ключи, которыми отомкнули петли, прикрепленные к железным ошейникам у себя на шеях. Второй поворот ключей отмыкал сами ошейники. Две девушки с воодушевлением сбросили железные ошейники и стянули полоски розового шелка, предохранявшие, хотя и неэффективно, их шеи от натирания железом. Следы, оставшиеся у них на шеях, выглядели в синем освещении красными, как сырое мясо.

Зельда глубоко вздохнула.

— Хорошо... — начала было Джорин.

— Да, — перебила Зельда.

— А теперь слушайте-ка, — заявил Йенси. — Я хочу...

Зельда безразлично взглянула на него.

— Пожалуй, мы не можем бросить его с этими гнусными Валкини. Скоро здесь объявятся труги. Удивляюсь, что Соломон до сих пор нас не нашел. Так что...

— Один есть поблизости, Зельда. Я его чувствую — вон там, — Джорин указала на вертикальную металлическую стену, казавшуюся просто иррациональным продолжением металлического пола.

— Да, — Зельда кивнула. — Небольшой, но достаточный.

Она нагнулась, забрала нож у своего мертвеца, сняла с него ремень, на котором висел в кобуре большой и уродливый автоматический пистолет, и затащила его на собственной стройной талии, застегнув на не использовавшиеся доселе дырочки. Джорин сделала то же самое. Пока она снимала ремень, ее бывший хозяин, тот, которого она пыталась убить, пошевелился и застонал. Затем он открыл глаза.

— О! — выкликнула Джорин, отшатываясь. — Я же говорила, что его надо убить!

Зельда с безразличным видом извлекла пистолет. Йенси напрягся. Девушка нагнулась и опустила пистолет на висок Валкини. Глаза его вновь закрылись.

— Ты... ты убила его, Зельда?

— Не знаю. Это неважно. Пошли, — и Зельда зашагала к загадочной металлической стене.

Джорин охотно последовала за ней. Так как ничего другого не оставалось, Йенси припустил следом. Зельда даже головы не повернула, чтобы посмотреть, идет он или нет. Глядя теперь на девушек со спины, Йенси заметил, что у каждой из них на спине поверх тонкой серебристой материи пришит широко раскрытый глаз из ярко-алой ткани. Йенси задумался, что бы это могло значить. Несмотря на молодость, он был достаточно умен, чтобы понимать, что все происходящее содержит в себе глубокий смысл, несмотря, казалось бы, на все доказательства противного — смысл, который будет иметь для него в ближайшем же будущем последствия, равнозначные жизни и смерти.

Далее, он не мог не заметить, как пистолеты опасно низко оттягивают ремни на бедра девушек и как интересно движутся на них эти ремни при ходьбе. Впрочем, именно в этом месте Йенси как раз с легкостью удавалось не отвлекаться мыслями от главной темы.

Он решил, поскольку больше решать-то было и нечего, пойти вместе с девушками и постараться узнать, что за чертовщина происходит. Он находился в такой части мира, которая совершенно не была ему знакома. Он не думал, что пролежал без сознания так долго, чтобы его могли переправить сюда в бесчувственном состоянии. Нет, он был перенесен куда-то... куда-то в иное место... в какое-то место, вышедшее из кошмарных снов...

К тому же то, как он вдруг стал понимать Джорин, когда она надела этот украшенный драгоценностями обруч ему на голову. Этот обруч, должно быть, нечто вроде переводчика с

языка на язык. Ну да ладно, решил Йенси, все равно рано или поздно ему придется вернуться в свою скучную старую контору, а раз у него в спутниках этакая пара дамочек, то лучше уж позже, чем раньше.

Эта мысль заставила его осознать, чем занимаются девушки.

— Эй! — заорал он. — Куда это вы направляетесь? Впереди только эта дурацкая стена...

Джорин обернулась, чтобы ответить ему, но Зельда схватила ее за руку и поволокла дальше. Их обутые в тапочки ноги не издавали, опускаясь на металл, ни малейшего звука; ботинки же Йенси громко бухали, напоминая о том, что давно нуждаются в починке.

Джорин подняла взгляд, вертя головой на ходу из стороны в сторону, словно флюгер под порывистым ветром. Йенси это живо напомнило поведение Боба Престайна тогда, в переулке. Зельда прибавила шагу, изменив направление ходьбы таким образом, чтобы пересечь отделяющее их от стены расстояние как можно скорее.

Джорин, задышавшись, выдавила:

— Это... По-моему, это по ту сторону стены!

— Нет, это большие. Есть еще маленькие Врата с этой стороны, как раз, по-моему, возле стены.

— Хвала Уботху за это!

Почувствовав нараставшее напряжение в этой дикой сцене, с каждым новым мигom становящейся все безумнее, Йенси поспешил поравняться с девушками. Они отлично натренированы, эти привольно бегущие птички. Йенси вспотел в своем пальто, однако не бросал его. Черт подери, в Нью-Йорке его грыз холод! Но... но ведь он же не в Нью-Йорке, верно? И едва ли туда вернется, если путь преграждают эти труги. Йенси пришлось побежать, чтобы не отстать. Винтовку он зажал под мышкой.

Мысль об этих ужасных тварях, исторгнутых темной пропастью больного воображения, заставила Йенси оглянуться через плечо. Ничто не шевелилось на этой странной металлической равнине.

Синее солнце, светившее с оранжевого неба, отбрасывало вперед их бегущие тени. Странная стена, таким образом, до последнего метра оказывалась на свету. Девушки начинали уже понемногу задыхаться. Зельда держалась за бок, в котором, догадался Йенси, у нее кололо. На него произвело большое впечатление, как быстро Зельда оправилась после их падения. Сам он до сих пор чувствовал жужжание в голове, а тело болело от ушибов. Тот, кто умер, оказался внизу и тем самым спас остальных.

— Врата всегда располагаются близко друг от друга, так нам говорили в Академии, — испуганно сказала Джорин. — Я не чувствую маленькие, только большие по ту сторону стены. Ох, Зельда — где же они?

— Они есть, но маленькие, маленькие. На одного зараз.

— А лопух как же?

Они почти уже добрались до стены. Йенси достаточно разобрался в их речах, чтобы понять, что Врата, о которых говорили девушки, были выходом из этого дурдома — а с риском, что он может привести в какой-нибудь свихнутый заком еще похуже, приходилось просто смириться за неимением сколько-нибудь очевидной альтернативы. Йенси должен был убедиться, что девушки возьмут его с собой.

— Эй, девчата, вы ведь не оставите здесь своего дружка, верно? Тругам на съедение и все такое?

— Ладно, — согласилась Зельда. — Мы тебя возьмем, но если ты вздумаешь чинить неприятности... Заканчивать ей не было надобности.

— Вот они! — закричала Джорин. — Я чувствую. Мы можем спастись!

Они бросились к стене сломя голову, преследуемые ужасным чувством, что вот-вот труги начнут катапультироваться в этот мир сквозь ворота, которые они только что оставили. Времени оглядываться не оставалось.

В сияющей синевой стене показалась трещина толщиной с волосок.

Это растворялась дверь, раздвигаясь, словно зрачок, становясь все шире и шире. В отверстие протиснулась гигантская металлическая жабо-образная тварь, опиравшаяся на негнувшиеся стальные ноги, скорчившаяся, постреливающая тонким стальным языком. Ее глаза-линзы злобно разглядывали бегущих. С шорохом отпущенных внезапно пружин, тварь прыгнула к ним, взвившись в воздух.

Глава 3

С ужасным чувством, что все пропало, Йенси одновременно едва не захихикал, вспомнив Тигра О'Мэли. Напрягшиеся лапы послали массивное тело вверх и огромная жабо-образная тварь взвилась в воздух. Стальной язык дрожал и змеился, готовый подхватить людей и отправить их в жадную металлическую утробу.

Джорин завизжала, а Зельда свирепо толкнула ее вперед, прямо на этого стального Молоха. Йенси втянул голову в плечи и ринулся следом. У него на глазах Джорин исчезла; потом Зельда схватила его за руку, дернула, Йенси полетел носом вперед — и растянулся в грязи, под хлещущими струями проливного дождя. Зельда грохнулась на Йенси сверху, в очередной раз вышибив воздух из его легких.

Они сидели в полутьме, под проливным дождем, ослепляемые сверканием прорезающих небо молний и оглушаемые раскатами грома, перекатывающимися среди облачных массивов и все смеялись, смеялись и смеялись, не в силах остановиться. Вокруг раскинулся охваченный бурей лес, качающийся и гнущийся под ветром. Струи дождя с шипением ударяли по широким листьям и сбегали вниз по стволам, воздвигавшимся на необыкновенную высоту.

Они упали на раскисшую тропку между двумя огромными стволами и грязь кругом кипела и бурлила под струями бегущей воды, ежеминутно подпитываемыми миллионами тонн, вновь рушащимися с неба.

Зельда перестала смеяться раньше других, подавив нервную реакцию на страх своей более сильной волей, и откинула волосы со лба. Молния вновь расколола небо. Тонюсенькие одежки девушек с этими широко раскрытыми алыми глазами, намалеванными на спинах, облепили их кожу. Йенси начал было снимать пальто, но Зельда странным небрежным жестом остановила его.

— Мне казалось, вы уже достаточно вымокли, — смущенно пробормотал Йенси.

— Ну, это... очень рыцарственно с твоей стороны, лопушок. Но мы должны следовать дальше по Измерениям. Графиня не отпустит нас без борьбы, я-то ее знаю! Йенси потряс головой — вода заливала ему глаза.

— Кто?.. — начал было он.

— Давайте уйдем из-под дождя, — капризно потребовала Джорин.

Они прошлепали по бурлящей грязи и воде к одному из деревьев и с сомнением уставились вверх. Можно было вскарабкаться вверх по этому покрытому трещинами и бороздами стволу, а если первые ветки находятся футах в пятидесяти от почвы, так ведь тем они безопаснее? Джорин поставила босую ногу на первый уступ в коре; ее тапочки были заткнуты за пояс.

— Нет, подожди, — приказала Зельда. Она размышляла.

Джорин, опустив побледневшее и усталое лицо, воскликнула:

— Неужели ты чувствуешь Врата, Зельда? Я устала. Я промокла и я несчастна. Разве мы не можем найти среди веток местечко, чтобы поспать?

— Будет ли это безопасно? — осведомился Йенси.

— Я не с тобой говорю, лопух, — язвительно отозвалась Джорин.

— Слушай-ка, — раздраженно заметил Йенси. — Меня зовут Ки Йенси, а не «лопух».

Зельда кивнула, продолжая вглядываться в извивающиеся струи дождя. Шум все нарастал, среди деревьев стояли журчание и плеск.

— Я полагаю, поблизости должны быть Врата. Они всегда, как правило, собраны

вместе. Но не все Проводники способны почувствовать, какое именно измерение находится за Вратами. По-моему, этот мир — Мирциний. Деревья, листья — я была здесь один раз с графиней.

— Этот мир? — Йенси по-прежнему чувствовал, что сейчас не время проявлять неуклюжесть, однако, не мог больше следовать по дороге, ведущей для него к прозванию лопуха.

— Мы путешествуем между измерениями, Ки, — объяснила Зельда своим холодным, отстраненным тоном. Ей явно в любом случае было на него наплевать. — Мы обладаем способностью переносить предметы — и людей тоже — из одного мира в другой. Ты, должно быть, читал о параллельных вселенных и плоскостях существования в книжках своего мира — Земли.

— Конечно. Но ведь это... это же ерунда!

— Ты ведь здесь, Ки. И это на самом деле.

Он сдался. Он действительно был здесь. Это неоспоримо.

— Мы пойдем дальше или мы будем спать? — заворчала Джорин.

— Вон туда. По-моему, эти Врата должны вести в Яндаркар. По крайней мере именно оттуда мы пришли, когда нас вел Соломон — в тот раз с графиней. С нами тогда были ее люди и лодка. Это была большая работа.

— Но если мы переместимся в Яндаркар, нет никакой гарантии, что мы окажемся в безопасности. Неизвестно, в какие новые неприятности мы можем вляпаться! — с этими словами Джорин поднялась еще на пару ярдов над покрытой грязью землей.

Чувствуя, как наваливается на него усталость, Йенси готов был с ней согласиться. Однако перед лицом решимости, жившей в Зельде, он не стал выражать вслух своих сомнений. Эта девушка успела произвести на него впечатление, и осознав это, Йенси обеспокоился.

— Труги нас все равно почуют, Джорин. Иникон был дурак, как и твой академик, думая, что он может предать графиню. Соломона не обмануть. Если ты хочешь остаться здесь, вместе с Йенси, то на здоровье. Я же отправляюсь в Яндаркар, а потом — домой!

Чтобы решить, к которой из девушек он готов присоединиться, Йенси понадобилось меньше времени, чем занял бы удар сердца. Он шагнул прочь от дерева и твердо сказал:

— Если ты возьмешь меня с собой, Зельда, то я хотел бы пойти дальше.

— Ну вот, — фыркнула Джорин, соскальзывая вниз по стволу, что стоило ей оцарапанного бедра и клочка полупрозрачной серебристой ткани. — Раз уж вы так... За последние час-два Йенси услышал множество имен, фактов и прочих интригующих сведений, каждое из которых он старательно запомнил. Он знал не хуже любого, как важны имена — как они попросту жизненно важны, если ты хочешь как следует устроиться в мире. Насколько же они важнее при путешествиях между Измерениями — то есть между разными мирами! Если здесь тебя вдруг подведет память, то по всей вероятности ты не просто не сможешь устроиться — ты скорее всего погибнешь. Все трое тащились, расплескивая грязь, поливаемые дождем, по тропе между деревьями. Повсюду журчала и хлюпала вода. Усталость Йенси была не просто физической усталостью, потому что он не только способен был отвести глаза от фигурок девушек, столь откровенно видневшихся сквозь мокрую серебристую ткань — он не мог даже представить в ту минуту, будто между ними может что-то произойти. Должно быть, подумал он, эта омертвевшая, сгнившая область у меня в голове — это страх, страх и ужас, и ужасное ожидание того, что может произойти в следующую минуту. Йенси брел, погруженный в унылое настроение.

Эти девушки называли себя Проводниками обладали странной способностью переносить себя и других из одного мира в другой сквозь плоскости реальности. Экая чушь! Теперь они стояли в луже под деревом, которое некоторое время назад было сожжено молнией, так что его ствол торчал, точно гнилой зуб, покрытый грибами и быстрорастущей порослью из подлеска. Джорин быстро кивнула, как птичка в клетке.

— Ход здесь, Зельда. Но слабый: я не могу почувствовать, куда он ведет.

Зельда нахмурилась. Ее мокрое от дождя лицо, белое и изможденное, впервые выдало слабый намек на то, что ей известно, что такое страх и поражение. Она глубоко вздохнула — по мнению Йенси, это выглядело очаровательно — и произнесла твердым, спокойным голосом:

— По-моему, не в Яндаркар. Иногда Проводник легко может почувствовать измерение сквозь Врата, иногда лишь с трудом, а иногда вообще не может. Это никак не связано с уровнем способностей Проводника, такое случается даже с лучшими.

— Ты самая лучшая, Зельда, — поспешно выдохнула Джорин.

— Может быть, — отмахнулась та, стараясь сохранить спокойствие. — Врата слабые, очень слабые. Однако вместе, Джорин, мы справимся.

Зельда положила руки на плечи Джорин и лицо ее окончательно побелело, став похожим на маску. Йенси овладела паника.

— Эй! — воскликнул он, кидаясь к ним, так как понял, что они делают и с новой остротой ощутил льющий на голову дождь, грязь, чавкающую под ногами, весь этот абсолютный ужас обступившего его чуждого, гигантского леса. — Эй! Не оставляйте меня!

Зельда отняла одну руку от Джорин и забросила ему на плечо. Йенси жадно ухватился руками за талии девушек, совершенно не обращая сейчас внимания на теплое податливое прикосновение их плоти и заботясь лишь о том, чтобы они забрали его с собой из этого неведомого мира. Все трое сдвинулись поплотней. Пистолет Джорин сильно и болезненно вдавился в бедро Йенси, но тот пренебрег этим мелким неудобством, слишком хорошо понимая, что может произойти, если его сейчас бросят. Он чувствовал, как напряглись девушки. Он почувствовал быструю, странную и тошнотворную дрожь у себя в желудке, а потом оказалось, что он стоит, уцепившись за девушек, на мощеной камнями улице с низенькими домами-мазанками по обе стороны, и от них с визгом удирает рослая широколицая женщина, несшая коромысло с двумя ведрами воды от деревенского насоса — сплошное мелькание развевающихся юбок да расплескивающие воду ведра. Раннюю зарю прорезало громкое пение петуха.

— Блаттераддл! — взывала Зельда, утаскивая спутников прочь с центра улицы. Они метнулись в проход между коническими соломенными кровлями. — Надо же нам было так засветиться. Теперь они вообразят, будто все демоны Хакимовой Ямины явились за их бессмертными душами!

Для Зельды это был настоящий взрыв.

Бегом, спотыкаясь, они нырнули в узкое отверстие, между тем, как с площади вокруг деревенского насоса доносились, подгоняя их, громкие крики и стук деревянных башмаков по мостовой. Значит, их видели и другие. Оказавшись в помещении, беглецы различили в полутьме солому, какую-то сбрую и поблескивание меди. В углу стояли ведра и метлы. На балке лежали высокие, допотопные деревянные седла. Из стойл беглецов рассматривали беззлые карие глаза на длинных, прекративших временно жевать лошадиных мордах. Каждое из бочкообразных, коричнево-белых тел держалось на шести длинных лапах, а лошадиные морды сидели, оказывается, на длинных шеях, изгибающихся с простодушным любопытством. Высокие остроконечные уши, покрытые пучками белой шерсти, подрагивали.

— У-упс! — булькнул Йенси. — Это что еще за скотина?

Джорин хихикнула. Зельда свирепо пихнула ее.

— Вот задняя дверь. Идем!

Каким-то странным образом и очень по-человечески чувство страха в Йенси видоизменилось таким образом, что, преследуемый целой деревней рассвирепевших мужиков, вооруженных дубьем и вилами, он вновь почувствовал себя в нормальном человеческом мире. Это было доступно его пониманию. Задняя дверь распахнулась. Там стоял молодой человек, тупо уставившийся на них. Он был одет в грубый, мешковатый кафтан и кожаные гетры, а ноги у него были босые и грязные, с застрявшей между пальцев соломой. Зельда схватила его, прижав левой рукой поперек горла, а своей сильной правой

рукой продемонстрировав ему нож.

— Ни звука, дружок, а то горлышко твое — чик-чирик!

Парень в ужасе издал горловой звук.

— Режь его и пошли отсюда! — воскликнула Джорин, нетерпеливо пританцовывая.

— Эй-эй... — начал было Йенси.

Зельда слегка ослабила хватку.

— Что это за место? — спросила она, вертя поблескивающим лезвием ножа в луче света, падавшем сквозь щель между разошедшихся досок.

Парень сглотнул. Лицо у него было цвета пепла от костра зимним утром.

— Недородовка.

— Да не деревня, весь мир, дурень!

Тот вновь булькнул.

— Ханруматт, с позволения вашей милости.

— Это, должно быть, название известной ему части измерения, — фыркнула Джорин. — Пошли, Зельда, во имя светлого Уботха!

Снаружи доносились голоса, переходящие в громкие крики — возбужденные, пронзительные, полные охотничьего азарта — а то и в рев. Добрым обитателям Недородовки нечасто удавалось так поразвлечься перед завтраком.

— Н-не убивайте меня! — взмолился парень. — Король Фроркс забирает всех в рекруты, и я должен пойти. Жанни меня отпустит — это важно.

— Пусть лучше погибнет на своей дурацкой войне, чем от твоего ножа! — высказался Йенси несколько резче, чем намеревался.

Зельда бросила на него безразличный взгляд. То, что он говорил, ничуть не могло поколебать ее решений. Джорин выглянула в щелку возле двери. То, что она увидела, заставило ее выгнуть плечи. Вся троица выглядела, словно мокрые и постепенно обсыхающие крысы.

— Они идут сюда. Если мы побежим, то сможем вернуться к Вратам раньше, чем они туда доберутся.

— Ну ладно, — Зельда решительно кивнула.

С быстротой, которая могла бы принести ей в спортивном клубе неоспоримое звание королевы по быстроте выхватывания оружия, она упрятала нож и выхватила пистолет, которым, гораздо раньше, чем парень успел сообразить, что происходит, огрела его по черепу. Бедняга осел, и Зельда тотчас отвернулась, предоставив ему грохнуться на солому. Прятать пистолет в кобуру она не стала.

— Приготовились, — бросила Зельда. — Бегите так, будто за вами гонятся Псы из Дворца Хакима. Как только добежим до Врат, сразу переходим. И имей в виду, Ки, — закончила она, даже не дав себе труда поглядеть на Йенси, — если тебя там не окажется в момент перехода, ты останешься здесь один. Йенси кивнул. Он и сам это понимал.

Затем, поскольку бывший лопух успел толику поумнеть, он задал вопрос:

— А нет ли где-нибудь здесь поблизости более удобных этих, как вы их там называете, Врат?

Зельда ответила на это лишь мимолетной вспышкой презрения. Она не могла сейчас позволить себе отвлекаться на его банальности.

— Нет, — коротко сказала она подходя к двери и выглядывая наружу. — Пора! Бегите, как Псы Хакима! Они побежали — как Псы Хакима или попросту сломя голову. Оказалось, что это одно и то же.

Стоило им выбежать на мощеную площадь посреди деревни, как собравшийся там народ издал триумфальный вопль. Вилы взблеснули в жидких лучах раннего утреннего солнца. Дреколье взметнулось. Взвихрились подолы, замелькали толстые крестьянские ноги. Деревня Недородовка всем миром неслась на них, алкая крови.

Мчались также, рыча на бегу, собаки, а также другие животные чуждого и нелепого обличья, с лаем и воем. Три невольных спутника бежали к невидимым вратам посреди

мощной площадки.

Пес щелкнул зубами возле колена Йенси, тот ответил сильным пинком и пошатнулся, задыхаясь. Пригнув голову, он рванулся следом за девушками. Один бог знает, что с ним может случиться, если он окажется пойманным в этом мире, словно в ловушке. Скорее всего, селяне попросту разорвут его на куски, как посланца местного царя демонов. Оказавшись у Врат, беглецы вцепились друг в друга, тяжело дыша. От их тел и мокрой одежды уже шел пар. Волосы падали на их лица. Они судорожно перевели дыхание, а потом, с тошнотворным ощущением, как что-то переворачивается в желудке, Йенси вместе с девушками вновь очутился среди грязи и бегущей воды, вновь увидел бурю, хлещущую по веткам деревьев Мирциния.

Однако сквозь шум ливня доносились раскатистые звуки, которых они прежде не слышали в этом Измерении.

— Угууу! Огого-о!

Джорин завизжала куда пронзительнее, чем Йенси приходилось когда-либо от нее слышать. Она бешено извивалась у него под мышкой.

Лицо Зельды ясно говорило: что бы это такое ни было, оно куда смертоноснее, нежели все, что Йенси в силах вообразить.

Между деревьями появилась бегущая прямо на них группа людей — нет, не людей, а созданий. Каких-нибудь пять футов шесть дюймов ростом, с широкими жабыми мордами и желто-серыми клинообразными щечками, чуть отливающими синевой вокруг челюстей; облаченные в красноватую металлическую броню и конические шлемы с ленточками кожи и пучками волос на остриях; бегущие на толстых кривых лапах, они размахивали короткими мечами листовидной формы и выглядели чертовски готовыми совершить убийство.

— Они нас прикончат! — голосила Джорин.

— Но если мы вернемся! — взвыл Йенси.

Они угодили между Псами Хакима и бескрайним синим морем.

— Я... — заколебалась Зельда. — Мы должны...

Тут-то на Йенси и обрушилась последняя, отчаянная паника. Зельда, сама Зельда дала слабинку!

Глава 4

Густая, темная кровь хлынула Йенси в глаза, застыв зрение, и на один ужасный миг ему показалось, будто одно из ужасных созданий метнуло в него копьё, угодив прямо в лоб. Затем тьма рассеялась и он вновь увидел мир, как бы сквозь видоискатель камеры с красным фильтром.

— Черт! — взревел он. — С меня хватит!

Он сорвал брезент с «винчестера» и передернул затвор. У него в магазине сидело двадцать «коротышек», а пульки двадцать второго калибра смогут разве что пощекотать этих чудовищ, но по крайней мере, он их заставит держаться подальше, даст девушкам время как следует подумать. Когда винтовка толкнула его в плечо и переднее создание, выронив меч, схватилось обеими лапами за то место, где только что была его морда, Йенси услышал более мощный, глухой выстрел автоматического пистолета. Зельда, держа пистолет обеими руками, выстрелила еще раз и третье существо упало.

Джорин все еще визжала.

Зельда грозно прорычала посреди суматохи:

— Во имя твоего отвратительного Уботха, Джорин! Это же хонши! Стреляй в них, властапранг ты эдакий!

— Какие слова! — укоризненно проговорил Йенси, стреляя снова и снова.

— А ты, дружок, в последний выстрел промазал! — и Зельда быстро положила три пули, свалившие с ног троих хонши.

— Угу-гу! — рычали оставшиеся хонши, еще бегущие к ним под дождем на своих

коротких кривоватых лапах. Еще четверо пали — один продолжал бежать, даже когда зеленые потроха уже свисали по обе стороны его панциря — но, несмотря на потери, они все бежали со своими короткими листовидными мечами, низенькие, уродливые, готовые нанести удар в живот снизу вверх.

Наконец-то к грому огня защищавшихся прибавился треск пистолета Джорин, но, несмотря на красивые воинственные фразы, которыми они обменивались, хонши продолжали приближаться. Пара зазубренных копий вылетела из задних рядов атакующих и воткнулась в грязь.

— Мы должны вернуться! — крикнула Джорин.

Пистолет в ее тонких руках сильно прыгал. Первыми двумя выстрелами она промахнулась, а потом попала одному хонши в верхнюю часть груди. Тяжелая пуля прошла навылет. Эти пистолеты были сорок пятого калибра, слишком тяжелые для девушек, и однако Зельда до сих пор ни разу не промахнулась.

— Да, — согласилась Зельда. Она потянула за спусковой крючок, ее пистолет ответил щелчком и Йенси, выпуская девятнадцатую пулю, понял, что пора отступать.

— У них только вилы да палки, — заметил он. — А не вот ЭТО!

Йенси был мокрым и разгоряченным. Серебристая ткань смялась в его руке, когда он потянулся к Зельде. Джорин ухватила за Йенси. Прижавшись друг к другу, они перенеслись сквозь пространство, разделявшее измерения. Тошнота пронзила Йенси внутренности, и вновь раннее утреннее солнце Недородовки излило на них свои водянистые лучи. Они стояли на валунах площади, рядом с деревенским насосом. Обитатели деревни убегали прочь.

— Мы смылись — и они смылись, — хрюкнул Йенси.

— Но они вернутся, — возразила Джорин. — Я этих деревенских знаю. Надо бежать!

— Аминь, — согласился Йенси и бросился в конец деревенской улицы, туда, где она исчезала между двумя покосившимися домишками, чтобы вновь появиться чуть дальше в виде извилистой дороги, уходившей к невысоким холмам, обрамлявшим горизонт.

— Я не чувствую в той стороне никаких Врат! — крикнула Зельда.

— Врата! — взвыл Йенси. — Я бы хотел, чтобы между мной и этими... этими тварями хонши пролегло как можно более значительное расстояние. Не доверяю я этому шнырянию между мирами.

Джорин издала было сердитое восклицание, но Зельда хихикнула.

— Ну ладно, лопушок. Я думаю, на этот раз ты прав.

Гнилое яблоко вылетело из полутемного прохода и расплющилось о голову Джорин. Она быстро повернулась с побелевшим лицом и стояла так, в нерешительности. Потом, когда в дверях задвигалась неясная тень, Джорин подняла свой пистолет, прицелилась и...

И Зельда толчком заставила ее опустить оружие.

— Нет, Джорин. Это простые люди. Не то, что хонши.

Пусть живут.

Джорин пробормотала что-то себе под нос, но послушно припустила рысцей на край площади. Йенси, качая головой, последовал за ней. Что такое с Зельдой? На самом деле она грубая, крутая, не знающая сомнений и колебаний воительница, или же ей, как всем, ведомы человеческие эмоции? Йенси вспомнил, как она извивалась на конце блестящей цепочки и решил перефразировать свой вопрос. Обитатели деревни остороженько собирались на краю линии домов и смотрели в нерешительном молчании, как трое идут по грязной дороге в направлении холмов. Потом, стоило первому взгорочку скрыть их из виду, старец в халате потряс клюкой и прокричал:

— Подождите, вот услышит об этом король Фроркс!

Йенси крикнул в ответ, куда может пойти король Фроркс. Ни одна из девушек не подумала покраснеть. Обе были согласны.

На ходу Йенси задумчиво перезарядил ружье. У него оставалась сотня «коротышек», а поскольку он любил эксперименты, при нем была еще упаковка длинных и упаковка

Длинных Винтовочных. Желая иметь как можно больше выстрелов в запасе без перезарядки, Йенси вновь заполнил магазин двумя десятками «коротышек». Перезаряжать трубчатый магазин — дело довольно хитрое. Если бы им пришлось прорываться здесь с боем, пришлось бы ему взмолиться о коробчатом магазине, который можно просто приклепнуть, дернуть затвор и все готово.

— Славненькое ружьишко, — сказала Джорин. — Но всего лишь игрушка. Я видела, что она делала с хонши. И если тебе каждый раз понадобится столько времени на перезарядку, ты попадешь в переplet, если мы снова угодим в какой-нибудь...

— Она хихикнула. — Да, клянусь кривой ногой Брата Корже!

Йенси знал, что у него нет права спорить. Он видел, как умело она управлялась с сорок пятым и знал, что эта девушка разбирается в огнестрельном оружии. Ну что ж, приятно было узнать о ней хоть что-то. Он сохранил брезентовый чехол и начал было заворачивать винтовку, решив, что вычистит потом, но Зельда остановила его.

— Нет, Ки. Она может пригодиться здесь.

Она проделала что-то быстрое и решительное со своим платьем и вытянула длинный кусок зеленой шелковой ленты. Заинтригованный, Йенси обвязал ленту вокруг ствола и приклада и сумел таким образом закинуть винтовку за левое плечо. Боеприпасы он рассовал по карманам пальто, которое очень скоро вынужден был скинуть и нести, перебросив через другое плечо. Солнце пригревало. Они шагали вперед по грязной дороге. Вот он — идет по грязной дороге неизвестно куда, в мире, о существовании которого не знал несколько часов назад, пьяный от усталости и все-таки бредущий вместе с двумя потрясанными крошками, тела которых облеплены обрывками одежды. Э, парень — а ведь по такому-то вы с Роки и сходили с ума!

— А не лучше ли и вам перезарядить оружие? — заметил он.

Зельда не улыбнулась.

— Я это уже сделала, Ки. А ты, Джорин?

Джорин поспешно ответила:

— Нет... ох, я забыла!

Йенси не заметил, как Зельда перезаряжала пистолет. Она специалистка, это точно. Джорин неуклюже возилась со своим оружием, умудрившись уронить пару пуль, потом подобрать их и вложить в верхнюю часть магазина. Зельда нахмурилась.

— Нет, нет, Джорин! К ним пристали кусочки грязи, их заклинит — дай-ка мне!

Глядя на плоские автоматические пистолеты, Йенси не смог опознать их системы, и это было довольно странно, даже если он и не был таким спецом по оружию, как хотел бы. На ходу они бессвязно переговаривались, припоминая обрывки старых разговоров, лопающиеся пузырьки словесной пены; усталость почти полностью лишала их разговоры смысла. Когда они заметили дремлющую в солнечных лучах рошу, Зельда подытожила:

— Здесь мы отдохнем. В лесу спутаем след. Забросаем листьями. Надо же нагулять аппетит, прежде чем мы найдем пищу.

— Да уж, — мрачно ответил Йенси, голодный, как волк. — Пожалуй что.

— Но что, если, — возразила Джорин, оглядываясь, — что, если крестьяне или еще кто-нибудь погонятся за нами?

— Я их услышу, — ответила Зельда, разбрасывая ломкие сучья вокруг найденной ими берлоги между корнями дерева. Пригнув ветки, они устроили себе почти что шалаш. Ни единой мысли о сексе, по крайней мере, ни единой, которая что-либо значила бы в тот момент, не пришло в голову Йенси, когда он улегся и почти тотчас уснул. Проснулся он, когда солнце как раз собиралось опуститься за горизонт. Все тело одеревенело, болело и саднило, а в желудке ощущалась пустота размером с большой зал Центрального Вокзала. Он застонал.

— Вот, — сказала Зельда, приближаясь к нему. Она бросила ему нечто, выглядевшее точь-в-точь, как куриная ножка, аппетитно поджаристая, а уж благоухающая просто немыслимо. — Ешь. Через полчаса выступаем.

— Э? — пробормотал Йенси, приподнимаясь на локте. Он погрузил зубы в ножку, и хотя мясо оказалось все-таки не курятиной, вкус был божественным.

— Вода вон в том листе, — продолжала Зельда. — Джорин сейчас моется в ручье. Твоя очередь последняя. Я уже готова.

— Ну, — сказал Йенси сам себе, — этого и следовало ожидать, не так ли?

Эта Зельда — поистине крепкий орешек. После того, как Йенси умылся, поел и напился и непосредственно перед тем, как тронуться в путь, они держали военный совет. Йенси, как младшего по званию, демонстративно игнорировали.

— Ясно, что мы не можем возвращаться в Мирциний через эти ворота в Недородовке, — сказала Зельда своим твердым, спокойным голосом. — Труги и хонши перекроют там все пути. Так как эти два тупых академика попытались предать ее — словно в их силах обмануть эту суку! — она будет в такой злобе, что проулыбается двадцать четыре часа в сутки.

Ки Йенси задал умный вопрос:

— Спать, значит, не будет?

Зельда окатила его ледяным взглядом.

— В моем мире день и ночь продолжаются тридцать два часа. А теперь будь так любезен, Ки, заткни свой глупый рот, ладно?

Несмотря на прямой приказ, челюсть у Йенси осталась отвисшей. Конечно, это было очевидно, но он как-то до сих пор не сознавал этого с такой ясностью...

— Так вы не с Земли? Не с моей Земли?

— Да не строй из себя дитя, дружок. С какой стати?

— Да, пожалуй, что так. И все-таки. Жалко.

Джорин хихикнула.

Йенси почувствовал, что непрочь завалить ее и показать ей кой-чего. Но на глазах у Зельды он никак не мог на такое решиться.

— А теперь слушайте. Наш единственный шанс — найти другие Врата. Мы обе опытные Проводники, так что это не должно оказаться так уж невыносимо трудно.

— Врата часто встречаются группами, — вставила Джорин.

— Но все равно остается множество одиночных. Нас хорошо обучили в Академии.

— Да уж, нас обучили там хорошо! — отозвалась Зельда с нескрываемой ненавистью. Джорин задрожала.

— Это было ужасно, но мы выжили и теперь мы свободны!

Йенси сглотнул.

— Вы, девочки, происходите из одного и того же изме... э-э... то есть мира?

— Нет. Джорин родом из Кивастрии.

— А ты, Зельда? Из какого мира явилась ты?

Та задрала подбородок.

— Я? Я из Эттора, величайшего мира во всех Измерениях!

— Хм, — произнес Йенси и мудро решил пока помолчать.

— Мы можем отыскать новые Врата и таким образом найти дорогу домой.

— А откуда, — вновь перебил Йенси, думавший о своем, — откуда взялись эти труги? И хонши? Зельда поджала губы.

— Хонши — из Хонша, ясное дело, откуда же еще? Но насколько всем известно, только графиня имеет там прямые связи. Что касается трюгов, — она изящно пожала плечиками. — Никто не знает. Если бы кто-то знал, я уверена, организовали бы кампанию по их истреблению.

— Отлично сказано, — заметил Йенси с чувством.

— Как только мы найдем Врата, — сказала Джорин, выковыривая из зубов остатки своей порции псевдо-курятины, сплевывая и затем немедленно изображая отвращение к собственному неженственному поступку, — мы сможем решить, что нам с тобой делать, лопушок.

— Спасибо, — отвечал разгневанный Йенси. — А каким образом мне вернуться на

Землю, если ты отправишься в Кивастрию, а Зельда вон смоеся в свой Эттор? А? Зельда поднялась, высокая и необыкновенно привлекательная в свете догорающего заката.

— Это все можно утрясти, когда мы окажемся в безопасности. А сейчас... — она остановилась, приложив руку к губам; но всем уже был слышен доносившийся с дороги храп животных и звон металла, а также размеренное пыхтение усталой тягловой скотины, переваливающейся с боку на бок. Йенси с девушками подкрались к опушке рощицы и выглянули.

Мимо проезжала кавалерийская колонна. Детали снаряжения были неразличимы на расстоянии, но достаточно хорошо виднелись скакуны на шести тонких лапах и с лошадиными головами на извивающихся шеях, а также грозные склоненные пики, чернеющие на фоне закатного неба.

Когда колонна на рысях скрылась из виду и из слышимости, три путешественника между измерениями расслабились.

— Это за нами! — прошептала Джорин, вновь ударяясь в панику.

— Нет! — сердито фыркнула Зельда. — Если б так, они прочесали бы этот лес. Нет, мне сдается, что это рекруты короля Фроркса отправляются на свою войну.

— Значит, Жанни с ним уже распрощалась, — негромко заметил сам себе Йенси.

— Когда война на носу, дружок, стало быть, надо драться, — Зельда похлопала себя по кобуре с пистолетом. — Здесь нет места для эмоций. Мы у себя в Этторе понимаем это.

— Да, — согласился Йенси, вставая. — И мы на Земле тоже, но нам это не нравится.

— Это потому что у вас в целом культура слабая и упадочная.

— Это мне тоже приходилось слышать.

— Если я вернусь целой и невредимой в Эттор — вернее, когда вернусь — то снаряжу большое войско, чтобы пройти с ним по Измерениям. Нужно целиком искоренить графиню, уничтожить следы всех ее злодеяний, перебить хонши, тругов и ее матросов с барки, разрушить все ее гнусные дворцы и шахты! О, тогда, Ки Йенси, тогда наступит день расплаты!

— Конечно, а что будет после всего этого? Герои-завоеватели смиренно вернутся домой? Или пройдут с огнем и мечом по всем остальным Измерениям? А?

— Ты не понимаешь таких вещей.

— Ну, — сказала Джорин, очень светски фыркая, — я уверена, что мыто в Кивастрии не желаем иметь ничего общего с этими ужасными измерениями!

Вспомнив, как вела себя эта девушка, когда они свалились на клепаную металлическую равнину, как она требовала, чтобы он проткнул ножом академика-валкина, Йенси заключил, что его спутницы немало претерпели от руки этой неведомой злонамеренной женщины, которую они называли графиней. Они шли по дороге сквозь дышащую ветерками ночь, настороженно стараясь уловить, нет ли какого-либо признака кавалерии, теперь уже, должно быть, изрядно опередившей их. Шли молча, сберегая силы и разыскивая отверстия, ведущие из одного мира в другой.

Когда Зельда тихо произнесла: «Впереди Врата», Йенси вздрогнул.

Джорин кивнула.

— Большие, но куда же они ведут?

Зельда покачала головой.

— Не знаю. Они затуманены. Но мы должны сквозь них пройти. Слишком большой переполох мы устроили в этом Ханруматте. Еще одно измерение — скоро мы должны вернуться в пределы карты!

— Очень хорошо.

Все вместе, они стояли на краю Врат, ведущих в очередной неведомый мир — дружеский или же враждебный?

Глава 5

— Клянусь красным носом Брата Корже! — нетерпеливо воскликнула Зельда. — Сейчас не время для колебаний! Но Джорин мешкала.

— Это место... Здесь тихо. Не спеши, мы же не знаем, что там, за этими Вратами.

— Конечно, не знаем! Если хочешь, я пойду одна, или пойду разведую, если ты боишься!

— Я иду с тобой, — сразу же сказал Йенси.

— Нет! — пискнула Джорин. — Вы же не бросите меня здесь одну...

— Ну, так и хорошо. Пошли, — и Зельда исчезла.

Джорин бросила быстрый отчаянный взгляд на Йенси и ее лицо начало твердеть.

— Эй! — громко вскрикнул Йенси. Он поспешно прижался к девушке, обхватив ее тело за что попало, и они вместе покатались по придорожной траве. Джорин извивалась, а Йенси сжимал ее все тесней, отплевываясь от набившихся в рот светлых волос. Если он не прижмется к ней, не обнимет ее тесно-тесно, Джорин выскользнет из его рук, как дым. Голос хлестнул их, как бичом.

— Вы что, не могли подождать, чтобы насытить свою похоть? Вот чем они занялись, стоило мне повернуться к ним спиной!

Джорин взвыла и больно пнула Йенси. Тот отнял одну руку от ее бедра, а другую — от алого глаза, нашитого у нее на спине, и заорал.

— Если вы думаете, будто я интересуюсь вами, как САМКАМИ!..

— Поднимайтесь, вы, оба!

Было по-прежнему темно.

— Это что за?.. — начал Йенси.

— Мы перешли. Но где мы — одному Рыжему Хакиму ведомо.

— Хвала Уботху, что ничего не случилось!

— Только и знаете обе, что божиться, — поддел их Йенси.

Теперь, убедившись, что он по-прежнему вместе с девушками, Йенси чувствовал гигантское облегчение. Представить только, что они перешли бы и бросили его одного! Только они владеют ключами, отмыкающими врата между Измерениями; для Йенси они — ключ к дому.

Все трое всматривались в окружающий мрак. Раз уж Ки Йенси оказался затерянным среди Измерений, ему хотелось бы видеть в этом шанс попутешествовать в компании двух роскошных девушек, романтическую идиллию. Вот они шагают по освещенным солнцем долинам, пируют за лучшими блюдами, которые могут предоставить различные миры, вот он пресыщается любовью... Да только выходило все иначе.

— Давай, лопух! Шевели обрубками. По-моему, в этом мире уже рассветает и нам надо найти убежище. Ветер как-то странно пахнет.

Йенси и сам чувствовал странный запах, от которого пробирала дрожь — неприятный, мясной, как будто в морге. Следом за Зельдой и Джорин он двинулся по сухой равнине, коричневой и голой под беззвездным небом. Не слишком благоприятное начало для походов в новом мире.

Нужно запомнить свой путь по всем этим Измерениям. Нужно знать, который Портал куда ведет. Заблудившись, можно проискать дорогу домой целую вечность. Эти невеселые мысли нисколько не улучшали настроения Йенси, пока они брели по мрачной равнине, а этот могильный смрад бил им в ноздри. Он размышлял, где же он сейчас относительно Нью-Йорка и клуба, пытаясь мысленно восстановить все свои перемещения в пространстве безотносительно к прохождениям между измерениями. Мысли пробуксовывали, не в силах разобраться в этом клубке. Когда они, миновав последние Врата, окажутся на Земле, он с одинаковым успехом может появиться в Бруклине, здорово ошеломив Роки, или же посреди моря, что было бы, мягко говоря, неприятно.

Те Врата, которые вели из Мирциния в Ханруматт, были — как это девушки говорили? — слабыми. Да, именно слабыми. Йенси не думал, чтобы это имело какое-то отношение к их физическому состоянию, скорее, как он предполагал, означало уровень их

способности переносить людей и предметы из одного мира в другой. Есть возможность, всего лишь небольшая возможность, что Проводник, переносивший следом за ними тругов и хонши не справится с тем, что удалось Джорин и Зельде. Может быть... Йенси беспокойно оглянулся через плечо. Пути назад не было, уж это точно.

Вот он и смирился со всеми этими небывалыми событиями в чужих землях и строит планы, как остаться в живых, тогда как меньше суток назад сидел за этим чертовым столом в чертовой нью-йоркской конторе. Йенси кротко размышлял, настолько ли уж конторская служба ему не по душе.

Всему виной эта распроклятая четверть дюйма. Станный и тревожный в этих обстоятельствах звук пронзил ночь и одновременно из темноты впереди выделился сгусток более темного мрака. Трое остановились. Потом Йенси улыбнулся — непонимающе, но с облегчением. Безошибочно узнаваемое, в предутренней мгле разносилось, разбрасывая множество эхо, пронзительное, однако искусное пиликанье на губной гармошке. Грошова свистулька дерзко и уверенно выводила бойкую мелодию, ловившую свой собственный хвост в лабиринте нот. Зельда водила стволом автоматического пистолета.

— Клянусь гнилым дворцом Рыжего Хакима! Что это?

— Ничего особенного, — Йенси двинулся дальше. — Если хочешь немножечко сплясать, вот тебе подходящий случай.

— Это музыка, — сказала Джорин серьезно и с убеждением.

— Музыка! — фыркнула Зельда.

— Конечно, — Йенси продолжал идти по направлению к темному силуэту, оказавшемуся горой каменных развалин с круглым отверстием, отчасти заваленным обвалившейся кладкой. — Может, там мы найдем компанию.

— Может, тебе и знаком инструмент, который производит эти унылые звуки, — твердо сказала Зельда. — Но это еще не делает играющего на нем союзником!

Йенси остановился.

— Клянусь стариной Уботхом и стариной Хакимом, ты права!

Губная гармошка разразилась пронзительной трелью.

Трое скитальцев осторожно двинулись вперед.

Йенси сбросил с плеча винтовку.

Первый солнечный луч окрасил небеса на востоке, проявив линию высоких холмов на фоне переливчатых розовых, зеленых и лимонных оттенков. В небе висело несколько шоколадно-коричневых облаков, плоских и похожих на кольца дыма. По мере того, как всходило солнце, его лучи заливали все большее пространство протянувшихся на запад сухих, недобрых, пересеченных земель. Нигде среди этих оврагов и изъеденных скальных обрывов, этих пыльных впадин и проплешин каменистой пустыни не блеснула вода.

Губная гармошка смолкла. Какое-то животное, подобного которому Йенси, как он знал, никогда не встречалось, издало глубокий горловой мяукающий звук, а потом донеслось топотание копыт, лап или когтей, или чего-то вовсе неизвестного. В круглом отверстии посреди каменной стены появился человек, живо пробиравшийся сквозь завалы. Лицо его заросло густой бородой, а плечи под кольчугой бугрились мышцами. Он увидел троицу и замер. Рука человека медленно потянулась к поясу.

— Мы не причиним тебе вреда! — крикнула Зельда. Она твердо шагнула вперед. — Если бы мы замыслили недоброе, мы убили бы тебя в тот миг, когда ты показался. Йенси на миг подивился, что это стало с девой-тигрицей, которая сначала убивает, а вопросы задает потом. Он подозревал, что этот человек способен ответить на вопросы не без успеха.

— Кто вы такие? Что вам здесь нужно? — голос незнакомца ясно доносился до них, твердый и уверенный. — Все уже убиты. Почему вы задержались?

Рука его непрерывно двигалась к поясу. Йенси знал, что если Зельда на это вскорости не отреагирует, не миновать им перестрелки. Он приподнял винтовку, взялся за затвор и бесшумно передернул.

— Мы путешественники, в этой стране недавно, — крикнула Зельда. Восходящее

солнце вызолотило ее грудь и плечи, просветило огнем рыжие волосы. — Хотим поговорить с тобой. Резко, словно удар хлыста, рука человека взметнулась от талии. Прежде, чем он успел нажать на спусковой крючок пистолета, который сжимал в кулаке, пуля Йенси угодила ему в предплечье. Руку незнакомца отбросило, пистолет отлетел в грудку камней. Зельда вздрогнула и пригнулась, гневная, ненавидящая, готовая к насилию.

— Ах ты, грязь из Хакимовой Ямины! — вскричала она. — Да я...

— Ох, Зельда! — взывала Джорин.

Йенси вспомнился тот случай в лесу, когда они смотрели на атакующих хонши и ему показалось, будто Зельда не в себе, хотя тут же пришлось изменить мнение, когда она начала стрелять с большим искусством и точностью. А теперь вот это. Она была совершенно не готова к тому, что человек может вдруг в них выстрелить, как будто при таких обстоятельствах угроза, исходящая от ее собственного пистолета должна переполнить благоговением одинокого мужика с пушкой за поясом. Возможно, всего лишь возможно, что обитатели измерения Эттор весьма уязвимы под жесткой коркой своей милитаристской гордыни. Зельда продемонстрировала человеку свой пистолет и заговорила, едва шевеля губами, выплевывая слова сквозь сжатые зубы.

— Попробуй еще раз сотворить что-нибудь в этом роде, дружок, и я всажу в тебя пулю так, что ты много часов пролежишь под солнцем, прежде чем сдохнуть! Йенси подобрал оружие незнакомца, оказавшееся револьвером, и испытал потрясение. Это был «Смит-вессон» 38-го калибра. Изрядно поношенный, старый на вид и, вероятно, с порядком стершейся нарезкой, что делало его опасно неточным при стрельбе.

Человек держался за запястье и несколько капель темной крови просочились у него между пальцами.

— Эй, — сказала Джорин каким-то новым голосом. — Дай-ка мне.

Она принялась ощупывать, бинтовать и врачевать рану с искусством, которое поразило наблюдавшего за этим Йенси, а потом дружески позабавило.

Зельда забрала «Смит-вессон».

— Грубый, — сказала она с презрением. — Лучше оставь его себе, Ки.

— Этот револьвер... — начал Йенси.

— Да?

Он заметил, что темные глаза незнакомца пристально рассматривают его.

— Ничего.

— Отвечай на вопросы, — сказала Зельда здешнему обитателю. — Рана твоя — просто булавочный укол, двадцать вторым калибром и кошку не убьешь. Что это за место и... Человек ни разу и не моргнул, пока Джорин перевязывала его. Теперь она выдернула пулю и прервала Зельду словами:

— Мне нужен кипяток.

— Дада! — отозвалась Зельда, не желая отвлекаться от темы, — но...

— Этот мир называется Джундагай, — сказал человек.

— Джундагай!

— Уйя! — радостно завизжала Джорин. — Мы на пути домой!

Она пробежала туда, где еще дымились остатки костра и, чрезвычайно женственно и изящно принялась собирать ветки и угольки в кучу. Раненый принес горшок воды. Не приходилось сомневаться, что раны лечить ему уже случалось. Зельда потянула Йенси в сторону, туда, где их не могли услышать.

— Это хорошее известие, Ки, — сказала она, приблизив к нему лицо. Ее теплое и ароматное дыхание щекотало его щеку.

— Вейн произвел в Джундагае разведку и наши два тупых академика слышали о нем такие блестящие рассказы, что в конце концов решили порвать с графиней. Если хоть сколько-то повезет, я без труда найду отсюда путь обратно в Ируниум.

— Джундагай, — повторил Йенси, не обратив внимания на остальное. — Я слышал, как твой академик произнес это название тогда, в переулке Нью-Йорка.

— Да. Я тебе говорю все это потому... — Зельда с виноватым видом пригладила ладонью рыжие волосы. — Собственно, я не знаю даже, зачем я тебе все это говорю, лопушок. Но...

Йенси сухо сказал:

— В следующий раз, когда решишь кого-нибудь унижить, убедись, что ему об этом известно.

Зельда отпрянула, пытаясь изобразить надменность, пытаясь, как со страстью и с невольной усмешкой увидел Йенси, вновь стать самой собой.

Внезапно, не думая, что он делает, даже не отметив, что гормоны взяли наконец свое, Йенси схватил Зельду за плечи и притянул к себе. Он заглянул в ее карие глаза. Их лица находились так близко, что он видел в ее глазах отражение своего собственного одичалого лица.

Йенси слегка отступил. Губы Зельды выглядели полными, мягкими и полураздвинутыми, чуть влажными — совершенно не похожими на плотно поджатый бутончик, в который она обычно их собирала. И тогда Ки Йенси не мог не наклониться и не поцеловать ее. Он ощутил, как огненный импульс прошел его насквозь, ударил в пах, как кровь прилила к коже по всему телу. Долгое мгновение она страстно отвечала на его поцелуй, потом губы Зельды напряглись, она уперлась коленом ему в живот и Йенси, охнув, грохнулся спиной на рассыпавшуюся каменную кладку.

— Ах ты, Хакимом битый властапранг! Грязный, обмотанный кишками навозный жук! — Зельда энергично потерла ладонью рот. Ее глаза сверкали.

Йенси хихикал.

— Ты просто куколка — когда забываешь, что нужно быть крутой и грубой девушкой-тигрицей.

Зельда панически стрельнула глазами в сторону костра. Джорин заботливо склонилась над запястьем раненого. От воды поднимался пар. Стало быть, они не заметили ее позора.

— Значит, ты собираешься переправить нас снова в этот Ируни... в то место, о котором ты говорила. Ладно. А как насчет того, чтобы доставить меня обратно на Землю?

— Хоть бы ты и никогда не вернулся! Можешь сгнуть здесь — мне дела нет!

Теперь Ки Йенси утратил всякую осторожность. Он забыл, как долго вел себя приниженно только для того, чтобы эти девушки не бросили его среди Измерений.

— Да брось, сестренка! Тебе это понравилось. И мне понравилось. Мы бы вдвоем могли сыграть славную маленькую симфонию. Черт возьми, девочка, если нельзя получить от жизни немного развлечений, какая от нее тогда польза?

— Не знаю, что ты имеешь в виду, но звучит это отвратительно, упадочно и прямо-таки бунтарски! Йенси вновь потянулся к ней. Он положил ладони на ее плечи, чувствуя серебристую ткань и теплую упругую плоть под ней, а Зельда провела удар правой, который сделал бы честь Лонсдейлу Белтеру. На губах и языке Йенси появился вкус крови.

— Убирайся, червь!

Йенси вновь засмеялся и отодвинулся.

— Ладно-ладно. Может, время для этого еще и не подошло.

Просто запомни, Зельда — роль женщины в жизни не сводится к тому, чтобы скакать по Измерениям да палить из пистолета. Понятно?

Но та отвернулась от Йенси, вздернув гладкие плечики, и отправилась посмотреть на Джорин и раненого. Йенси размышлял. Он осознал вдруг огромное значение того, что сделал, и это сознание начинало мучить его. Идиот! Кретин! Сексуальный маньяк! Теперь она точно смоется и бросит его одного! Ну что ж, это означает всего лишь, что ему придется теперь липнуть к ней, как тот пресловутый банный лист, а об ее сексуальной жизни подумать, может быть, несколько позже, в каком-то более удобном месте среди Измерений. Чувствуя себя более в своей тарелке, нежели когда-либо с того момента, как он был выхвачен из Нью-Йорка, Йенси направился обратно к костру, поискать чего-нибудь выпить.

— Его зовут Олан, — сообщила Джорин, поднимая взгляд, — и он не желает нам зла.

Она строго поглядела на раненого, заканчивая подгонять на нем последнюю повязку (от ее одежды к этому времени совсем почти ничего не осталось) и сказала ему с внушительностью, оживившей ее лицо и исключительно позабавившей Йенси:

— А теперь запомни как следует, Олан. Мы не убегаем от твоих друзей. В следующий раз не будь таким торопливым. Мы же могли ведь убить тебя!

Йенси хихикнул. Он и не подозревал, что в Джорин скрываются такие глубины.

Олан сглотнул слюну и пробасил:

— Все жертвы были убиты согласно приказам, и меня оставили здесь подчистить. Прошлым вечером я сжег все до конца и сегодня утром просто развлекался, ожидая рассвета, тут вы и появились. Само собой, я и подумал...

— Вот-вот, — деловито заметила Джорин, забирая чашку с водой из рук Йенси как раз, когда тот собирался напиться и поднося ее к губам Олана. — А что приключилось из-за твоей мысли, сам знаешь.

Она выглядела точь-в-точь, как знатная дама, раздающая благотворительный супчик детишкам в бесплатной столовой. Йенси на миг задумался, так ли уж ему это нравится. Рядом с седлом, стопкой одеял и другим имуществом лежал длинный меч. Рядом с ним находилась куртка из кожи и ткани, аккуратно расправленная, так что легко можно было разглядеть эмблему, украшавшую ее на груди.

Размер куртки был таков, что она как раз подошла бы Олану поверх кольчуги, но для Йенси оказалась бы тесновата. Он слушал болтовню остальных, вбирая и запоминая информацию. Эмблема на куртке очаровала его. Она состояла частью из вышивки цветной нитью, частью из нашитых лоскутков ткани. Изображала эмблема странного вида создание с разинутым красным клювом и высокими рогами, летящее на орлиных крыльях и сжимающее в одной лапе животное, напоминающее овцу, а в другой — животное, похожее на льва. Над гербом ярко блестели пять желтых звездочек, расположенных крестом. Под ней располагались три горизонтальных красных полосы, обозначавших, как догадался Йенси, какой-нибудь ранг. Пока Йенси рассматривал куртку, Олан не отводил от землянина внимательных глаз.

Когда Йенси протянул руку, чтобы поднять куртку и осмотреть ее сзади, Олан резко сказал:

— Осторожно! Не запятнай герба Това Бурки, не оскорби эмблемы Олана!

С опаской поглядывая на Олана, Йенси нагнулся, поднял куртку и перевернул ее. Та же эмблема повторялась и на спине, только увеличенная в размере. Кожа на ощупь казалась мягкой по бокам, плотнее на груди и на спине. Йенси осторожно положил куртку.

— Извини, что всадил в тебя пулю, Олан, — сказал он. — Но мы были вынуждены защищаться. Мы путешествуем по чужой стране, заблудились и...

— Дада, Ки, — нетерпеливо перебила Джорин. — Я это все Олану уже рассказала. Он — второй Глава Загонщиков у одного из Охотников Джундагая и он уже знает, что мы не дичь.

— Дичь? — переспросил Йенси.

— Во всей этой стране, — сообщил ему Олан, — нет Охотников лучше, чем охотники Това Бурки.

— Верю, — легко согласился Йенси.

Он посмотрел на двух девушек. Им пора было трогаться дальше. Йенси приподнял брови. Зельда резко отвернулась. Джорин кивнула. Она переместилась с четверенек на колени, затем встала. Свет костра, горевшего посреди развалин башни, освещал ее полуприкрытое серебристой тканью тело.

— Очень приятно было с тобой встретиться, Олан. Когда вернешься домой, тебе эту рану подлечат как следует. Но нам в самом деле пора отправляться.

Йенси подавил улыбку. Она говорила точь-в-точь, как гость, покидающий вечеринку.

Олан поднял на них взгляд.

— Могу ли я получить обратно свой пистолет?

Зельда не обратила на его слова внимания, нетерпеливо шагая к выходу. Йенси заупрямился. Джорин протянула руку.

— Конечно, Олан. Ну же, Ки! Отдай Олану его пистолет сию же секунду!

Словно школьник, выворачивающий карманы перед учителем, Йенси нехотя протянул «Смит-вессон». Олан засунул его под пояс. Кобуры у него не было. В маленькой брезентовой сумочке, висевшей на поясе, находились, по предположению Йенси, патроны. Он приподнял «Винчестер», но Олан не предпринял ничего, чтобы помешать их отбытию. Твердый парень был этот Олан, с собранным, смуглым как орех лицом в шрамах, говорившем о жизни под открытым небом, с мускулистым телом под кольчугой, намекавшей и на другие обстоятельства его жизни. Йенси бросил взгляд на меч. Олан должен владеть этой штукой со смертоносным искусством.

Все размышления и прикидки Йенси оказались грубо прерваны отдавшимся у него мозгах шумом и звоном и он рванулся к выходу, словно подхваченный рукой гиганта, как только сообразил, что этот неожиданно раскатившийся шум представляет собой крик Зельды, заглушаемый ударами металла о металл. Он увидел массивную косматую фигуру, обхватившую Зельду тремя руками, попирающее сухую землю короткими волосатыми ногами, увидел тело девушки, переброшенное вниз головой через мохнатое плечо, ее открытый в крике рот, кулаки, тшкетно молотящие по спине зверя.

Существо уносило Зельду с невероятной скоростью. Йенси встал на одно колено и начал тщательно целиться, сознавая, что это уже не соревнования по стрельбе — здесь все на самом деле.

Глава 6

— В Зельду попадешь! — закричала Джорин.

— Иккра! — заорал Олан. Он успел подхватить свой меч и теперь тот бесполезно свисал в его костистой руке. Это мог быть... это был самый важный выстрел в жизни Йенси. Он попытался побороть дрожь, охватившую его при виде волосатого ужаса, уносившего Зельду. Йенси вдохнул, задержал дыхание, прищурился, ослабил хватку и свел мушку с прицелом на волосатой спине иккра. Замер на миг, увидев перевернутое лицо Зельды, крики которой уже стихали по мере того, как иккра уносил ее все дальше.

Чего хочет от нее обезьяноподобная тварь, Йенси не мог, попросту не смел думать.

Он перевел прицел на толстые короткие ноги, мелькавшие над пыльной землей. Вновь задержал дыхание, поудобнее взялся за винтовку, выгнал из головы все мысли и спустил курок. Тотчас же Йенси рванул затвор назад и вперед. Вновь прицелился, увидел топчущие ноги, ставшие теперь заметно дальше, и вновь выпустил заряд. Всего он выстрелил четыре раза. Иккра издал звериный вой, как будто сработала сирена охранной сигнализации. Он пошатнулся и опустил одну руку, чтобы поддерживать себя на ходу.

Йенси уже вскочил и бежал, как безумный, с криком, по сухой почве в направлении иккра, который теперь обернулся и рычал, обнажая белые зубы, торчащие из зеленовато-черных десен. Его красные свинячьи глазки пылали, злобно уставленные на Йенси и словно говорящие ему «Нука, отними у меня добычу!».

Йенси бежал, будто за ним гнались все демоны ада, не говоря уж о Псах Хакима. Он смутно сознавал, что Олан и Джорин следуют за ним. Иккра был ранен в ноги. Он опустил вторую лапу и потерял длинную нечесаную шерсть на ноге, а когда поднял ее, пальцы у него были в крови. Зверь издал звук, напоминающий паровозный гудок и полный гнева. Йенси поднял винтовку, готовясь выстрелить, ткнуть стволом или же ударить прикладом.

Мордой иккра напоминал гориллу-олигофрена. Сплошь черно-зеленая, щетинистая, с разинутым красным ртом и желто-белыми клыками, с высунутым языком и налитыми кровью свинячьими глазками, морда эта была опущена ниже массивных плеч, играющих мышцами, и выкрикивала визгливые оскорбления бегущему к нему крохотному человеку.

Длинные белые ноги Зельды месили воздух, словно конечности безумного

велосипедиста. Как бы осознав до некоторой степени, что крохотный человек может иметь какое-то отношение к жалящим предметам, окровавившим ему ноги, иккра пригнулся и принял боевую позу. Он резко сбросил Зельду с плеча, поднял две из четырех верхних лап и атаковал. Йенси остановился, крепко уперев ноги в пыль, и принялся стрелять с такой скоростью, с какой только мог передергивать затвор. Ему удалось выпустить пять зарядов, прежде чем пришлось отскочить в сторону в самый последний момент плавным, скользящим броском.

Четвертая рука иккра была повреждена, обожжена и обуглена и теперь неуклюже висела на обломке кости и сухожилиях. Рана, должно быть, причиняла животному невыносимую боль, пока не потеряла чувствительность. А теперь новые пули вонзались ему в грудь, живот, в морду. И все-таки тварь нападала. Огромная рука грохнула Йенси по спине, заставив его растянуться плашмя и вышибив из него дыхание. Йенси выплюнул изо рта пригоршню пыли и приподнялся. Иккра прыгал вверх-вниз, словно на пружинках, по его голому брюху сочились тоненькие струйки крови. Зверь прыгнул на Йенси. Тот откатился в сторону, потеряв винтовку, ухватился за вонючую волосатую ногу, скрестил руки и дернул. Ошеломленный иккра рухнул наземь. Йенси бросился на него, завернул одну лапу вверх и только было попытался ухватиться за нее половчее, как иккра без видимых усилий вырвал у него лапу, а другой попытался его стукнуть. Йенси уклонился от удара на какой-то миллиметр.

Он подобрался поближе, ища, как бы ловчее ухватить смрадное тело и думая, что это все равно, что пытаться применить дзю-до против локомотива на полном ходу. Йенси получил сбоку по голове удар такой силы, что мир перед ним тошнотворно закачался. Ему не вынести много подобных ударов — нет, поправочка: ему не вынести больше ни одного. Он откатился, увидел, как эти желтовато-белые клыки, сочащиеся слюной, острые, как бритва, промелькнули мимо его лица, и всадил большие пальцы в глаза иккра. Из глазниц плеснула вязкая жижа. Животное нечеловечески взревело. Без малейшего раскаяния, видя неподалеку распростертую фигурку Зельды, Йенси вцепился в уши твари — твердые, плотно забитые густой растительностью — и потянул. Он пинал, бил и колошматил.

Слепо шарившая лапища отшвырнула его в сторону, сбив с ног. Собираясь вскочить, словно распрямляющаяся пружина, Йенси услышал крик Олана: «Не двигайся, Ки!» — а потом пятикратный гром «Смит-вессона».

Иккра изогнулся, вскинув одну из лап как бы в насмешливом салюте. Потом зверя передернуло и он завалился набок. Йенси даже смотреть не стал на то, что осталось от его головы.

Зельда поднялась на четвереньки.

— Ну вот... — сказала она. Затем все ее роскошное тело сотрясло с головы до пят. — Я чувствую себя... оскверненной, нечистой...

Йенси, смертельно уставший, разбитый, исцарапанный, чуть не разорванный пополам Ки Йенси возразил:

— Но ведь это не так, Зельда. С тобой все в порядке.

— Конечно! — она встала на ноги, мигая и потирая синяки и царапины. — Благодаря вот ему, Олану, который застрелил чудовище.

Олан хихикнул.

— Я лишь прикончил его, госпожа. Но вот Ки — он напал на него, как тигр!

— Что ж, — произнес Ки, подбирая два обломка своего драгоценного «Винчестера» и рассматривая интересную геодезическую кривую, которую представлял собой ствол. — Только когти я сегодня дома забыл, вот и все.

— Ох, Ки! — воскликнула Джорин, прижимая руки к груди.

Ее собственный пистолет, как с кислой миной приметил Йенси, оставался в кобуре.

— Что это, по крайней мере, за тварь? — осведомился Йенси, скорее ради того, чтобы скрыть панику, охватившую его при виде сломанного «Винчестера».

— Иккра? — Олан повел их назад, к развалинам башни.

Никто не почувствовал охоты отрезать с мертвого зверя что-нибудь в качестве трофея. — Это — ну... иккра.

— Это как бы отчасти разумная горилла, — пояснила Джорин, изящно пожимая плечами. — Но с четырьмя руками. Ты заметил поврежденную руку?

Олан кивнул.

— Я поговорю об этом с Товом Буркой лично. Кто-то выстрелил неточно и оставил иккра живым, но подраненным, и струсил потом рассказать об этом из боязни показаться глупцом. Ну, а таких делишек Охотники Бурки терпеть не могут! Йенси чувствовал легкое головокружение. Черт! Вообще-то, голова кружилась, как на карусели. К тому времени, как они немного оправились, выпили воды и промыли царапины, ссадины и порезы, недавний эпизод всем уже казался кошмарным сном.

Когда в конце концов они выступили, Олан отправился с ними, как будто это само собой разумелось, без комментариев.

— Дайте только мне рассказать Тову Бурке об этом! — восторгался Олан. — Человек с голыми руками против иккра, врукопашную! Парень, да это же войдет в легенды! Йенси, припомнив знакомые ему рассказы о невероятных заварушках, возразил:

— Никто тебе не поверит, Олан. Вот увидишь.

— Пфе! — фыркнула Джорин.

— Да и все равно, — закончил Йенси, — эта чертова тварь была полудохлой. Рука отсохла, вся продырявлена пулями, оглушена прикладом, глаза... Нет, поединок был не из равных. Олан засмеялся коротким, неприятным лающим смехом.

— Не будь иккра ранен, Ки, тебя бы сейчас с нами не было.

Йенси при этом замечании продрал, как и полагалось, мороз по коже.

В полдень на привале они подрешили из припасов Олана и обсудили свои дальнейшие планы. Олан должен был сообщить Тову Бурке, что закончил свою работу по уничтожению останков после охоты. Рану от пули 22-го калибра в своей руке он словно не замечал, и Йенси, вспоминая благословенный гром «Смит-вессона», перекрывший рев иккра, был за это весьма признателен.

— Я вижу по вашему оружию и одеяниям, — Олан, кстати, воспринял едва ли не полную наготу девушек со стоическим самообладанием, каковым Йенси не мог не восхищаться, — что вы не сырье для добычи. Думаю, что вот Ки легко мог бы получить у Това Бурки место загонщика. Что до вас, дамы...

— Мы ищем дорогу домой, Олан, вот и все.

— Да, и я иду с ними, — решительно прибавил Йенси.

— Извиняюсь. В недавнее время в Джундагае стали случаться странные вещи. Диковинные создания, знахари, бормочущие невнятные пророчества, таинственные исчезновения, кометы в небе по ночам. Мне не помешал бы надежный товарищ. Йенси подумал: «На меня не рассчитывай, приятель». Но, поскольку этот человек был им ранен в руку, а потом спас ему жизнь, вслух он говорить ничего не стал.

— Хотя, — продолжал Олан, задумчиво кривя обросшие бородой губы, — я и не могу понять, отчего ты не воспользовался против иккра ножом.

— Э? — переспросил Йенси, и его рука легла на рукоятку принадлежавшего покойному академику ножа, который торчал у него из-за пояса. — Пожалуй, я просто не из поклонников «холодной стали». Хотя было время, я упражнялся со штыком. После полуденного привала, Йенси, с состраданием посмотрев на остатки тапочек Джорин, настоял, чтобы она разделила с Зельдой седло ездового животного. До тех пор Йенси не обращал особого внимания на скакуна Олана. В конце концов, с него и так уже хватало всяких ужасов и чудес. Теперь, когда Джорин взобралась в седло позади Зельды, а Олан зашагал впереди, Йенси взглянул на животное повнимательней. Оно оказалось четвероногим — уже облегчение. Но вот облик его, хотя и напоминающий в целом зебру, имел в себе слишком много кошачьего, чтобы его носитель был чистым травоядным. Голова, большая и с умной мордой, имела маленькую аккуратную пасть и два темно-синих глаза,

необыкновенно блестящих и смысленых. Тело животного покрывал длинный и шелковистый желтый мех очень тонкого волоса. Оно двигалось изящной рысью, помахивая на бегу хвостом, завершавшимся великолепной кисточкой. Олан назвал животное — «куорн». Небольшое, с мощной мускулатурой, оно выглядело быстроногим, но, может быть, не особенно хорошо переносящим грузы. Впрочем, Олан ничего не возразил против того, чтобы девушки ехали вместе. Пока Олан шел впереди, Йенси и девушки могли поговорить.

— Это, собственно, единственный недостаток новейших переводчиков «Марк Пять Звезда», — заметила Зельда, уже вполне оправившаяся. — Они отлично помогают тебе говорить и понимать на чужих наречиях, но это значит, что тебя понимают, даже когда ты не особенно этого хочешь.

— Все-таки я рада, что наши академики их получили, — возразила Джорин, зевая. — Многие Проводники и почти все люди с барки носят только старенькие «Марк Четыре», а они настоящее старье.

— Не так-то легко графине доставать самые последние модели. Ее влияния только-только хватает, чтобы получать то, что она имеет.

Йенси вдруг спросил:

— На что похож твой мир, Джорин?

— Ах, Кивастрия — чудесное место! По крайней мере, там, откуда я родом. У нас, конечно, есть и пустынные места вроде вот этого, но мой дом... моя мама умерла и я управляю хозяйством моего отца. У нас уже больше пяти миллионов овец. Наша шерсть — самая тонкая из всех. Я смотрю за домом, командую слугами и все организую, — она вздохнула. — А еще я раз в месяц ходила в наш местный рыночный городок — как же мне недостает этих встреч!

— И что же тогда случилось? — спросил Йенси с ехидным предвкушением.

Джорин ответила ему укоризненным взглядом своих синих глаз.

— Мы культурный народ, Ки. Мы пели новые песни, слушали самые последние стихи, устраивали вечеринки и танцевали ночь напролет под желтой луной. О, как мне недостает вечеринок!

— Должно быть, это очень богатый мир, чтобы такое количество овец содержать в одном поместье.

— О да! Мой отец в этом сезоне должен был попасть в Совет. Я предвкушала, как буду его первой дамой на балах и приемах, а теперь, теперь...

— А мой мир, — сказала Зельда, не оборачиваясь, явно стараясь отвлечь Джорин от мыслей об их теперешнем положении, — совершенно другой. Наш мир неласков. Мы вырывали свою цивилизованность у враждебного и дикого окружения. Мы рыли колодцы, прокладывали реки, строили мосты и плотины, возводили города там, где была раньше только пустыня. Мы заставляли песок цвести. И мы — гордый народ. Наша армия не была ни разу разбита. Я инструктор по ведению военных действий с использованием брони...

— Браво, Зельда! — воскликнул Йенси с насмешкой, искренней лишь отчасти. Неудивительно, что бедная девочка такая, какая есть.

— Я испытывала нашу последнюю двухсотмиллиметровую винтовку без отдачи — это если воспользоваться вашими земными терминами — когда в пустыне опустился летучий овал и меня схватили неизвестные. Потом выяснилось, что это матросы графини. Меня отвезли в рабство в Ируниум, пока не выяснилось, что я скрытая... то есть, что во мне скрыт талант переправлять людей через Измерения. Меня отправили в принадлежащую графине Академию Науки Врат. Это время не назовешь счастливым. Там я встретила с Джорин.

— А я, — сказала Джорин, подавляя всхлип, — отдыхала на пляже, когда подплыла небольшая лодка и сетью поймала меня в воде, а потом отвезла в Ируниум. Это было ужасно! Рассказы девушек вынудили Йенси задуматься, не могут ли многие загадочные исчезновения на его родной Земле иметь сходные же гнусные объяснения.

Тяжесть пальто, разбитая винтовка в своем чехле и собственная свинцовая усталость начинали сказываться на Йенси. Олан шагал, будто ноги у него были железными. Наконец

второй глава загонщиков остановился и, подождав, пока они поравняются с ним, сказал:

— Или мы разобьем лагерь здесь, или же дойдем до деревни Эзероун. Если мы выберем второе, то придется идти после захода солнца и до того, как подымится первая луна. Йенси наострил уши. Лун, выходит, несколько?

— О, давайте остановимся здесь! — выпалила единым духом Джорин.

— Я не боюсь идти в темноте, — сказала Зельда, вновь проявляя свою армейскую нестигаемость, разбереженную к тому же воспоминаниями. — Необходимо настоящее убежище...

Джорин накинулась на нее:

— О, Зельда! Подумай о Ки и Олане! Ки едва на ногах держится, а Олан ведь ранен.

Олан поднял голову и в густой бороде его блеснула улыбка.

— Всего лишь царапина, госпожа. Почти всю силу выстрела поглотил рукав кольчуги.

Джорин соскользнула с куорна, завлекательно мелькнув белыми бедрами из-под задравшейся серебристой ткани.

— Мы разбиваем лагерь здесь. Ки не может больше идти, а я хочу взглянуть, Олан, на эту твою царапину. Остальные трое были вынуждены сдаться перед этим неожиданным проявлением организаторских способностей Джорин. Разговор о доме явно возродил ее прежнее умение пресекать беспорядки в стаде. Ки слабо улыбнулся. Они с Оланом — и овцы, двое и пять миллионов!

Для ночлега нашли укромную лошину и вскоре горел костер и вода кипела, на камнях выпекались кексы с сильным и сладким запахом, а по кругу передавали чашки с тем, в чем Йенси едва мог признать кофе, горячее, крепкое и пришедшееся необыкновенно кстати.

— Вот так-то лучше! — заметил Ки Йенси, откидываясь на камень и с удовольствием прихлебывая из чашки. Запах горячих кексов бил в ноздри.

— Расскажи нам про Това Бурку, — попросила Зельда и улыбнулась с профессиональной заинтересованностью. — И про Охотников Джундагая.

Между двумя глотками, Олан поведал требуемое. Охотники, как оказалось, устраивали в пустыне и среди варваров сафари для обитателей здешних цивилизованных городов и замков. Они предоставляли самое лучшее снаряжение, новейшее огнестрельное оружие, оборудование для лагеря, новые телескопические прицелы, новейшие 16-миллиметровые камеры, луки и стрелы, полевые бинокли...

— А на кого охота? — спросила Зельда, жуя горячий кекс. Олан взмахнул руками.

— Иккра вы уже видели. В этом мире попадаются странные животные, каких никто никогда нигде не встречал — может, они изошли из злого царства Фазжа по ту сторону смерти — и великолепные трофеи вроде быко-питона, загрида и куэмлаха. И еще есть к тому же... — Олан умолк, наклонил голову и прислушался.

Солнце село и огонь разбрасывал по его лицу красные красноватые отблески, а в глазах зажигал маленькие звездочки. Вся поза Олана выдавала мгновенную сосредоточенность. Девушки замерли. Йенси потянулся было за винтовкой и тотчас остановился.

Прежде, чем он успел сделать еще что-либо, в лошину прыгнула дюжина темных фигур, безумно вопивших и размахивавших оружием.

Глава 7

Меч Олана ударил едва ли не раньше, чем был выхвачен из ножен.

Йенси услышал лай автоматического пистолета Зельды как раз перед тем, как поднырнул под широко взмахнувший клинок и ударил в диафрагму нелепую фигуру, державшую в руках это смертоносное оружие.

Маркиз Куинсберийский пожал бы при виде этого плечами. Йенси оставил своего противника растянувшимся на земле и стал выбирать следующего.

Перед ним мелькнула смазанная картина Олана, дерущегося сарзу с тремя из напавших посреди ночи, а в ушах бился грохот пистолетов девушек. Затем Йенси вновь пришлось

уворачиваться, на сей раз от бердыша, и вступать с его носителем в более тесный контакт. Этого он покинул со сломанной рукой и заснувшего очень глубоким сном.

Йенси услышал, как Джорин завизжала и пистолеты перестали палить.

— Зельда! — взвыл он, пиная одну из темных фигур в брюхо и вырывая у следующей меч. — Джорин! Йенси отчаянно всматривался в крутящуюся тьму, посреди которой Олан рубил и сек. Девушек не было видно. И слышно не было. Но ведь только что они визжали, кричали и стреляли. Обезумевший волосатый мужик с кривым мечом прыгнул на Йенси и ему пришлось отвлечься на то, чтобы шагнуть в сторону и рубануть ребром ладони по грязной шее. Мужик рухнул наземь.

— Зельда! Джорин!

Олан упал.

Йенси с руганью перепрыгнул через человека с простреленной грудью и кинулся к двоим, собиравшимся заколоть Олана. Охотник лежал, держа перед собой меч и словно пытаясь им прикрыться. Увидев Йенси, он прокричал предупреждение — что-то вроде «посмотри назад», так что Йенси развернулся и брошенный в него ассегай пронзил лишь воздух над плечом. Не обратив на это особого внимания, Йенси напал на противника слева, обрушив сплетенные руки ему на загривок, затем, как пантера, развернулся вправо и ударил в шею и ухо. Оба пораженных им человека свалились. Йенси обернулся. Тот, что кидал ассегай, готовился к новому броску.

Олан закричал:

— Пригнись, Ки! Пригнись!

Йенси увидел, что если он пригнется, ассегай пролетит мимо него и угодит в Олана, простертого на земле. Тогда он поспешно глотнул воздух, изготовился и прыгнул. Его вытянутая левая рука как раз вовремя задела летящее копьё, отклонив его в сторону. Руку словно обожгло холодной, как лед, сталью. Потом Йенси врезался в метателя копий и оба рухнули на землю.

Выведенный из равновесия, Йенси не смог в падении остановить волосатый кулак, обрушившийся на его голову. Из глаз у него полетели искры. Йенси втянул голову в плечи, шаря вокруг себя руками и пинаясь. Совершенно очевидно, что противник его привык полагаться на одну лишь грубую силу. Он обхватил Йенси посредине туловища. Одна рука Йенси оказалась прижата к телу, другая свободна, но хватило и одной. Йенси взял этого типа в оборот и тип заорал. Стиснувшие Йенси руки разжались и он смог нанести противнику удар прямехонько в волосатый подбородок.

— Ну, — сказал Олан, — ты времени не теряешь, Ки. Так что мы теперь квиты.

— Конечно, — пропыхтел Йенси, озираясь вокруг. — Еще кто-нибудь остался?

— Нет. Они убежали, — по тону Олана Йенси уже все понял.

— А девушки?

— Я не видел. Меня сбили с ног, Ки, и едва не прикончили, пока ты разбирался с этими дикарями. Две твоих девушки... боюсь, что их унесли.

В тот момент ни единой капельки эгоистического интереса не зародилось в Ки Йенси. Он чувствовал крайнее потрясение, ужас и глубокую скорбь, что девушек похитили и унесли навстречу судьбе, о которой он мог только гадать. Лишь впоследствии, когда он вновь стал способен думать, Йенси осознал, что это значит для него лично.

— Олан, мы должны их преследовать...

Олан покачал головой. Он принялся вытирать свой меч о рванный плащ метателя ассегая.

— Бесполезно, Ки. Они ведь не ускакали. Я не слышал ни звука копыт куорнов, ни топота ванок — ни единого звука, какие издают знакомые мне животные. Но я слышал... гул, жужжание, и видел, как большой темный силуэт заслонил звезды... Олан заметил выражение лица Ки.

— Не стоило мне тебе этого говорить, я ведь знал, что ты не поверишь. Это одна из тех странных вещей, которые случаются нынче в Джундагае. Я не лгу, Ки, но и не ожидаю, что

ты мневеришь.

— Напротив, Олан. Я тебе верю. И это делает все еще хуже.

Вдруг Олан издал восклицание:

— Клянусь злым царством Фазжа! Это не человек!

Йенси автоматически взглянул. Олан содрал с метателя ассегаев рваный плащ. Но в отличие от остальных дикарей, под ним не обнаружилось тощего, покрытого шрамами голого тела. Этот труп оказался одет в аккуратную синюю рубаху и набедренную повязку. Волосы его были повязаны красным головным платком, а из остроконечных ушей свисали маленькие золотые колокольчики. Олан как раз указывал на эти уши.

— Таких людей мне никогда прежде не встречалось!

— И мне тоже, — буркнул Йенси.

Что значат острые уши среди всего этого арсенала диковин, когда девушки исчезли? Его пропуска, его ключи к Измерениям сгинули, пропали! Теперь он по-настоящему заброшен, потерял — и не между Измерениями, а здесь, в Джундагае. Олан положил руку ему на плечо.

— Здесь у нас загадки нередки, Ки. Но — ты спас мою жизнь. Этого я не забуду. Что же до твоих девушек... — Олан умолк. Он знал, так же хорошо, как и Йенси, что сказать тут нечего.

Случившееся начало, наконец, наваливаться на него всей тяжестью, и Йенси тяжело опустился, даже, пожалуй, плюхнулся на камень, свесив голову между колен и чувствуя себя по-настоящему больным и усталым. Да еще голова так кружилась! Как после целой ночи кутежа с Роки и ребятами... Не будет больше никакого Роки, и никакого Нью-Йорка, никакой Земли для него не будет никогда...

— Олан! — хрипло сказал он. — Я не знаю обычаев вашей страны, но мне кажется, если здесь вокруг бродят эти дикари, нападая, убивая и... и... то нам следовало бы выставить часового!

Охотник посмотрел на него с явным состраданием и жалостью.

— Времена теперь совсем сумасшедшие, Ки, — медленно проговорил он. — В здешних местах вовсе нет никаких дикарей, по крайней мере, на пять сотен миль в округе. Я же говорю, здесь какая-то тайна. Разбивать лагерь было совершенно безопасно, иначе я бы этого не предложил. Но, как и сказала Джорин, ты был измотан и...

— Нечего меня же еще во всем обвинять!

— Я не обвиняю. Вина лежит на том, кто доставил сюда этих дикарей. Этого я не забуду — этой штуки, промелькнувшей на фоне звезд.

Йенси был не в силах ответить. Он чувствовал несправедливость своей нападки на Олана, но был так несчастен, что не смог себя остановить.

Немного спустя Олан задумчиво заметил:

— И снова, Ки, ты не воспользовался ножом...

— Пальцы изобрели раньше вилок, — загадочно отозвался Йенси.

— Лучше бы нам убраться с глаз, — заметил Олан.

Йенси вяло подчинился. Он нашел углубление в склоне овражка, забрался туда и завернулся в пальто. Олан спустя некоторое время присоединился к нему, снова вытирая меч. Йенси открыл было рот, чтобы задать напрашивавшийся вопрос, потом понял и рот поспешно захлопнул. Этот мир — не Земля. Они поспали урывками. К утру, одревеневший и стиснутый, Йенси рад был выбраться наружу. Куорн Олана исчез. Они поели. Йенси ощупал щетину на подбородке и пожал плечами. Затем они упаковали вещи и двинулись дальше. Теперь у Йенси не было в мире Джундагай осмысленной цели. Может быть, самое лучшее — это остаться с Оланом-Загонщиком. Йенси грызло отчаяние, что он не может решительно ничего сделать для девушек, однако он сохранил достаточно рассудка, чтобы понимать, что он должен смириться с ситуацией. Он еще жив. Этот мир может очень многое предложить человеку, твердо решившему не только выжить, но и пробить себе дорогу... на этой мысли Йенси остановился. Почему бы и нет? Что может ему помешать? Только

подумать, что совершил бы Роки при данных обстоятельствах. Они добрались до деревушки Эзероун, состоящей из мазаных домишек и населенную обитателями смирными, кудрявыми и до того тощими, что на их ребрах у них можно было играть, как на ксилофоне. Они испуганно взирали на путников из дверей своих домишек. Всемогущее воздействие оланова герба — летающего создания со львом и овцой в когтях — помогло им обновить здесь свои пищевые припасы, но не могло предоставить им того, чего в деревушке не было — куорнов для езды. Двое скитальцев поневоле поплелись дальше пешком. Немного спустя после того, как они покинули деревню, возле развесистого колючего куста, Олан спросил:

— Долго ты еще собираешься тащить эту бесполезную винтовку со снаряжением, Ки? Она тебя только отягощает.

— Глупости! — энергично ответил Йенси.

Но, понимая разумность замечания Олана, он порылся в земле, вырыл под колючим кустом углубление и зарыл разломанную надвое винтовку и остатки припаса к ней, аккуратно завернутые в брезентовый чехол. Затем он разровнял сухую землю и притоптал сверху.

— Просто на всякий случай, — заметил предусмотрительный Ки Йенси.

Олан хихикнул. Подняв на него взгляд, Йенси почувствовал вдруг, как внезапно разрядилось напряжение, угрожавшее до сих пор разорвать его. Он же предполагал, что, возможно, когда-нибудь вернется сюда и сможет забрать свои вещи. Так отчего ему не попытаться вернуть двух девушек, Джорин и Зельду? Не все еще было так уж потеряно — сейчас, когда светило солнце и с ним был хороший товарищ, и у них были еда и питье, и целый мир лежал впереди, ожидая исследований. По мере их продвижения местность постепенно меняла характер, пока не оказалось, что они идут по высокой траве, а пейзаж приятно оживляют деревья, реки и невысокие округлые холмы. В эту ночь они встали лагерем в укромной долине и Олан, несмотря на замечание Йенси, что ему следовало бы знать, находятся ли они в безопасности, настоял на том, чтобы они стерегли по очереди.

— Ты спас мне жизнь, Ки. Но я не хочу, чтобы тебе пришлось вновь это делать или мне отдавать тебе этот долг так быстро. Тот ассегай... — Олан криво улыбнулся. — Если бы ты увернулся, он пригвоздил бы меня к земле, а ведь острие было сплошь в зазубринах.

— Ложись спать, я буду караулить первым!

Никаких событий за ночь не произошло и на следующий день они добрались до Ундолини, городка, обладающего уже известным, хоть и небольшим, значением, стоявшего у речной излучины. Здесь можно было достать коней.

— Тов Бурка наверняка примет тебя на службу загонщиком, Ки. Клянусь Куанчи! Я буду петь тебе хвалу достаточно громко!

Взгромоздившись на коренастых куорнов, они шли на рысях по-над речным обрывом, и солнце, отражаясь от воды, слепило им глаза. Затем они повернули, оставив реку позади и направившись к западу, и свежий воздух оказал на Йенси такое живительное воздействие, что он почувствовал себя предательски уверенно, бодро и уютно.

Пока ехали, Олан многое рассказал ему о стране и Охотниках Джундагая. Складывая обрывки информации воедино, Йенси пришел к тревожному заключению, что очень многое происходит за сценой, недоступное пониманию простого населения Джундагая, а уж подавно ему, изгнаннику из иного Измерения. Уровень технологии, казалось, почти не превышал самого необходимого для пасторальной жизни. Однако у Олана был «Смит-вессон» 38-го калибра, пусть старый и потрепанный, но все-таки револьвер, изготовленный на Земле. Огнестрельное оружие для людей Джундагая было чрезвычайно ценным, его получали только Охотники, Загонщики и Носильщики, даже вооруженные силы располагали лишь ограниченным количеством, и Йенси не мог не заметить, что Олан в опасных ситуациях тянулся за мечом, как сам Йенси прибегал к винтовке или голым ладоням. Повсюду в этой области мира были разбросаны замки Охотников, доминирующие над городами и городишками, теснящимися или раскинувшимися, в зависимости от местных причуд, за своими стенами и, действуя на основе переговоров, выливавшихся иногда в

желчные перебранки, арендующие у них дикие земли для сафари. Из того, что рассказывал Олан и из того, о чем он умолчал, Йенси вынес твердое убеждение, что клиенты Охотников очень часто происходят из других Измерений. При мысли об этом он почувствовал дрожь. Она давала надежду — слабую, но реальную.

И потом, эта старая железяка, «Смит-вессон» — она кое-что доказывала.

Они продвигались все дальше на запад по приятной местности со множеством ручьев и поросшей хорошим строевым лесом; солнце светило и воздух опьянял, как вино. При других обстоятельствах Йенси чувствовал бы себя чудесно. Ему все время приходилось напоминать себе, где он находится, и что произошло, и что его будущее вовсе не обещает приятного отдохновения среди этих пейзажей, а напротив, в нем маячит черная тень вечного изгнания.

— Этот твой револьвер, Олан, — сказал он, стряхивая с себя мысли и возвращаясь к выуживанию информации. — Как получилось, что у тебя нет кобуры?

Олан скорчил гримасу.

— Такая роскошь — для владык и Охотников. Я должен иметь ручное оружие, чтобы должным образом исполнять свои обязанности второго главы загонщиков. Мне доверяют. Нынешняя Охота вернулась в замок Това Бурки напрямую, на юг, по плохим землям. Я направился в обход по очевидным причинам и смогу объясниться, когда вернусь, — вдруг он угрюмо нахмурился. — С моим отцом все обстояло бы совсем по-другому.

— О?

— Он был верным загонщиком Това Бурки, проложившим путь с самого низа, от простого деревенского мальчишки. Я сейчас — второй глава и надеюсь когда-нибудь стать главой. Оружие моего отца было старым, хотя он тоже должен был иметь его в придачу к своему луку. И все-таки ему не доверяли, как мне, потому что он так и не стал вторым главой. Теперь он уже умер.

Почуввав здесь какой-то намек, Йенси спросил:

— А его пистолет?

— Старый, потрепанный. Он назывался «Кольт» — эти названия нам говорят, но мы их не понимаем. Я его много раз держал в руках. Капсюльный револьвер Кольта, Военно-морская модель 1851 года...

— Ух! — воскликнул Йенси, совершенно очарованный. — А сейчас?

— На нас совершили налет охотники Рова Рангги и забрали его вместе со множеством другой добычи. Они забрали... — и вновь лицо Олана выказало неистовые эмоции при воспоминании, которому он явно не часто позволял всплыть на поверхность. — Они забрали мою обрученную невесту, мою Олзари, и с тех пор я уж больше не женился и не обращал внимания на женщин, разве что для легкого развлечения, ведь для мужчины естественно. Йенси ничего не сказал.

— Теперь мы друзья с охотниками Рова Рангги, по крайней мере, так утверждают. Но мне дела нет до этого союза. Я не люблю их.

— Оно понятно, — мягко заметил Йенси.

Они ехали дальше на запад.

Спустя небольшой период молчания, Олан внезапно сказал:

— Это было давным-давно.

Не в силах более сдерживаться, Йенси спросил:

— А где ты взял свой револьвер, Олан?

— В оружейной Това Бурки, конечно. Откуда же еще?

— Действительно, откуда еще, — пробормотал расстроенный Йенси.

Ему предстояло узнать так много вещей хотя бы для того, чтобы просто выжить в Джундагае, а этот человек, этот Олан должен был служить ему гидом. Не будь при нем сейчас доброго товарища, ситуация оказалась бы настолько мрачней, что Йенси не имел бы в ней особых шансов. Несмотря на солнце, воздух и отличное физическое состояние, на душе у него было мрачно. Им встречалось много других путешественников, которые их приветствовали несколькими различными способами. Раз они миновали длинную вереницу

неуклюжих шестиногих вьючных животных, шлепающих по пыльной дороге мягкими подушечками лап. Проходя мимо них, куорны рычали и дышали несколько тяжелее обычного.

— Ванки, — ответил Олан на вопрос Йенси. — Неудивительно, что ты их не знаешь — они появились на наших рынках недавно и никто не знает места их происхождения.

— Они тащат немалый груз.

К следующему вечеру они достигли постоянного двора, расположившегося среди высоких деревьев и, усталые, расположились там на ужин и отдых. В полусне Йенси заметил, что Олан встал и вышел из комнаты. Вспомнив подававшую им на стол пухленькую девушку в короткой красной юбке с оборками, он улыбнулся и вновь откинулся на подушки. Его очередь еще настанет.

Следующее, что он осознал — это что его схватили безжалостные твердые руки, ударили по голове и небрежно вытолкнули в окно, в черную тьму под звездами.

Глава 8

Йенси был поражен, что к нему вообще вернулось сознание. Последней отчаянной мыслью перед тем, как он полетел вниз головой навстречу забвению было, что вот и пришел конец его пути. Теперь, ранним утром, он бултыхался в завязанном мешке, висащем на боку мерно бегущей ванки и ему казалось, будто при каждом увесистом ударе о землю одной из шести лап в голове у него открывается и захлопывается дверца, а вкус во рту напоминал пепел вчерашней сигары. Йенси застонал. Никто не обратил ни малейшего внимания.

Некоторое время спустя он апатично осмотрелся вокруг. Караван ванок шел рысью по пыльной дороге, по сторонам которой раскинулись поля и рощи. Сияло солнце, это издевательски дружелюбное солнце Джундагая. На боках у ванок болтались другие мешки, в которых сидели другие пленники, мужчины и женщины, и Йенси тотчас же догадался, что с ним случилось в этом чужом и враждебном измерении.

— Ну, — сказал он сам себе, и какой-то клочок прежнего Ки Йенси вяло закопошился в нем, пытаясь выйти на свет. — Надо будет продать себя подороже, только и всего. В полдень пленников развязали и, под строгой охраной людей с жесткими лицами, увешанных разнообразным оружием, позволили им поразмять затекшие мускулы, дали понемногу плохой пищи и воды и предоставили справить нужду. Затем всех вновь повязали и подвесили на бока терпеливых ванок. Когда, наконец, скорбная процессия вступила на мощные улицы городка, проехав сквозь мрачные ворота с толстыми створками и бдительными часовыми, вооруженными алебардами наизготовку, Йенси, несмотря на свое положение и все его неудобства, уже почти задремал. Он дал провезти себя по тенистым улицам, отсутствующе подмечая безразличные лица, созерцающие караван, дал себя развязать и столкнуть вниз по каменным ступеням, и таким образом оказался в камере с дурно пахнущей соломой, где он растянулся во всю длину и заснул.

Проснулся он от того, что громкий голос кричал:

— Я вам покажу, свора недоделанных паршивцев! Вы не смее так со мной поступать!

Опыт Ки Йенси, набранный за время скитаний по измерениям, слишком ясно подсказывал, что не только смеют, но и непременно поступят, да чего там — уже поступили. Поэтому он перекатился на спину, сел, сглотнул, скорчил рожу и закричал:

— Умолкни, приятель, я спать хочу.

В камере было полутемно, только в одном углу вызывающе яркий солнечный свет лился сквозь высоко расположенное зарешеченное окно. Пыль, грязная солома, несколько разбросанных по полу коричнево-черных костей и позеленевшая хлебная корка составляли всю обстановку.

Высокий жалобный голос смолк. Потом, с очень большой осторожностью, произнес:

— Кто ты? Я тебя понимаю. А ты меня понимаешь?

— Конечно, конечно, — ответил Йенси. — Я побит...

— А меня пока не били. Но как... я хочу сказать, все эти типы треплются на каком-то жаргоне, в который я не врубаюсь.

Йенси вспомнил про обруч-переводчик. Тот плотно охватывал его голову, зарылся в волосы и, похоже, никакие побои его не повредили. Мысль об этом странным образом утешила Йенси. Значит, у него есть одно преимущество. Он должен им как следует воспользоваться.

— Как видно, я где-то подцепил знание твоего языка, — ответил он незнакомцу.

— Ну? — человек в соседней камере, должно быть, прижался к решетке, потому что Йенси слышал лязг каждый раз, когда тот двигался. — Как это может быть? Место, откуда я родом, очень далеко отсюда.

— Мое тоже, — кратко ответил Йенси и положил руки на переводчик. Когда человек вновь заговорил, он приподнял обруч.

— Я просто интересуюсь, — сказал этот человек. — Мне все это прямо... Может, ты знаешь, где находится Олд-Кентроуд?

Слова оставались совершенно понятны Йенси даже после того, как он снял обруч переводчика. Впрочем, он тут же снова его надел, не желая расстаться с ним по какой-либо случайности.

— Знаю. Только что теперь в этом проку? Что это за место? Куда нас везут? И что происходит?

— Придержи лошадок, кореш! Если б я все это знал — я бы вмиг... стоп! Снова сюда идут эти козлы. Звон подбитых сталью подошв по камню заставил Йенси подняться. Он скатился с соломы и приник к решетке. Немного спустя соседняя решетка загремела, послышался звук возни, посыпались сочные проклятья и наконец последний удар возвестил о появлении его нового знакомого — подвешенным вверх ногами, словно туша, за лодыжки и запястья. Его волосы подметали каменный пол. Стражники, мрачные, безразличные люди в мешковатых коричневых одеяниях, схваченных у талии широкими поясами, с которых свисали длинные ножи, дубины и топоры с короткими рукоятками, тащили пленника с таким видом, будто он и впрямь был всего лишь куском говядины. Это был молодой шатен среднего роста, с довольно длинной прической и резкими, но в целом приятными чертами. И был он голым, как перст, а коричневые заросли у него на груди — мокрыми. Один глаз у него был подбит. Так, в бессознательном состоянии, его и уволокли.

Йенси вновь опустился на солому и погрузился в раздумья. Стало быть, этот бедолага прибыл с Земли, с той Земли, которую знал Йенси. Чего же от него хотели? И зачем здесь сам Йенси? Йенси знал ответ. Он был до боли очевиден, однако Йенси всячески уклонялся от него, не допуская ответ в сознание.

В течение всего заключения Йенси неплохо кормили. А он хорошо ел. Он отлично понимал, зачем его кормят, и твердо решил поддерживать себя в форме, как и хотели его тюремщики, а когда настанет время — обратить эту форму против них. Однажды днем — ибо солнце насмешливо сияло в том единственном углу камеры, куда проникали его лучи — стражники принесли ему еду, и с ними явился человек, одетый в кольчугу, с длинным мечом на поясе и заткнутым за этот пояс револьвером. Йенси с острым сожалением вспомнил об Олане.

— Умеешь работать мечом, топором, секирой? — отрывисто осведомился пришедший.

Йенси поглядел на него. Ему ответил твердый взгляд человека с твердыми линиями лица, тонкогубым ртом и выражением того, кто привык хорошо делать свое дело.

— Нет, — ответил Ки Йенси.

— Ну, неважно. Тебе дадут то, что надлежит. Ты в порядке? Не болен?

— Нет. Не болен.

Человек не улыбнулся, но выражение его лица неуловимо изменилось.

— Все мы должны жить, сынок, и всем приходится умирать раньше или позже. Тебе дадут отвести душу — последняя ночь: пища, вино, женщины, песни. Не бойся, мы хорошо заботимся о своей собственности.

— Да, — согласился Йенси. — Я и не сомневаюсь.

Человек достал блокнот — обычная бумага, в обычной обложке — и карандаш.

— Как зовут?

— Йенси.

Человек трудолюбиво записал услышанное.

— Завтра, — сообщил он. — А сегодня тебя отведут.

Он протянул руку и пощупал Йенси бицепсы. Йенси отодвинулся. Человек проследил за его движением взглядом темных глаз. Он ткнул Йенси в живот, а потом некоторое время осматривал его ноги и стопы.

— Годишься, — сказал он наконец. — Завтра.

Каждый день Йенси позволялось пару часов поупражняться в узеньком дворике, примыкавшем к задней части тюрьмы. Сегодня он ждал этого часа, предполагая совершить последнюю попытку прорваться. Теперь слова этого человека развеяли его надежду. Человек встал и, гремя мечом, покинул камеру. Железная решетчатая дверь захлопнулась. Йенси сел на солому, чувствуя тошноту. Он не мог есть принесенную ему пищу. Он знал, что предстоит завтра. Четыре часа спустя он снова услышал звон подбитых железом подошв в каменном коридоре. Йенси сел с упрямым видом, прислонившись спиной к стене. Он помнил того молодого человека с Земли. Тот пытался сопротивляться и кончил тем, что его уволокли, словно тушу. Ки Йенси мог кончить точно так же.

Стражники остановились у двери в его камеру, загремел замок, решетчатая дверь распахнулась. Йенси выпучил глаза. Вошел Олан, сияя широчайшей улыбкой, сграбастал Йенси, стиснул его, приподнял над полом.

— Ах ты раззява эдакий! Клянусь Куанчи! Почему ты раньше им не сказал, как тебя зовут? Почему меня не позвал?

— Замечательно, — отозвался Йенси, сопя и переводя дыхание после медвежьих объятий Олана. — Выходит, я в темнице замка Това Бурки, так, что ли?

— Дурень ты, дурень! Ну конечно. А теперь пошли. Ты немедленно должен предстать перед Товом Буркой. Я просил об аудиенции. Скоро он примет тебя в загонщики — вот увидишь! Выйдя из камеры вместе с другом, обрушившимся на него, казалось, прямо с неба или откуда-нибудь из Австралии, Йенси сказал:

— Ну, Олан — черт возьми, это будет получше, чем сидеть в камере и ждать того, что мне предстояло завтра. Голова Йенси казалась пустой и легкой. Они поднимались по бесконечным пролетам каменных лестниц, пересекали внутренние дворики и наконец, войдя в изукрашенные ворота с часовыми по обе стороны, оказались в огромном предзалье, где ожидали, смеясь и болтая, мужчины и женщины в красочном убранстве. Там их встретил мажордом в желто-зеленой накидке, стукнул об пол свои жезлом с посеребренным наконечником и отвел в маленькую комнатку, где седовласый старец в облачении ржаво-красного цвета, похожий на ворону и с чернильными пятнами за ухом, поманил их за собой и, согнувшись и чуть ли не поскрипывая на ходу, ввел в последнюю дверь. Йенси охватил обстановку одним взглядом. Длинная, высокая комната с узкими окнами, каменные стены задрапированы выцветшими гобеленами, изображающими на все лады сцены охоты на диких животных. Комната подчеркивала деспотическую власть человека, коренастого и неласкового, сидевшего в деревянном кресле, возвышаясь над придворными, расположившимися вокруг в ожидании приказов. Согбенный старец подвел их прямо к деревянному креслу, где остановился и произнес надтреснутым голосом:

— Второй глава Загонщиков Олан, на аудиенцию к вашей светлости.

Тов Бурка раздраженно посмотрел вниз. Йенси отвечал ему прямым взглядом, пока Олан не наступил ему на ногу. Йенси моргнул, посмотрел на Олана и, увидев, что этот сильный человек стоит, склонив голову, сделал не без внутреннего сопротивления то же самое.

Лицо Тоба Бурки оставалось на протяжении всего времени твердым, как камень. Он сидел, массивный и коренастый, недобрый, пышно разнаряженный, весь в жемчугах,

изумрудах и кусочках платины. С его лица, смуглого и одутловатого, недовольно хмурился один глаз. Второй был закрыт повязкой, расшитой алмазами. Огромные перстни на его пальцах играли лучами света. В левой руке он держал приклад, надо полагать, автоматического карабина, почесывая мушкой за левым ухом. Правой рукой Охотник ласкал молодую девушку в газовом платье, подносящую ему лакомства, напитки, сигары и отиравшую его лоб и подбородок. Лицо у нее было точь-в-точь, как у белого китайского манекена — лишенным выражения, застывшим, мертвым.

Олан разразился панегириком. В одном месте его рассказа придворные загомонили. Можно было расслышать слово «иккра», произносившееся благоговейным шепотом. Когда Олан закончил, Тов Бурка раскрыл рот, (бледный манекен поспешно вложил туда кисточку винограда) совершил тяжелой челюстью несколько жевательных движений, выплюнул косточки и произнес:

— Очень хорошо. Этот человек по имени Йенси может стать загонщиком для Тоба Бурки. Присмотришь за этим. Помни, что с ним случится, если он меня подведет.

Нетерпеливым мановением пухлых пальцев они были отпущены.

Снаружи Олан обернулся к Йенси, весь сияя, и хлопнул его по спине.

— Это твой шанс, Ки! Став загонщиком Тоба Бурки, ты можешь начать карьеру. Это здорово, что теперь ты мой товарищ.

— Да, — согласился Йенси, намереваясь уже излить весь свой скептицизм. Потом он заколебался. Ведь Оланто — Олан оказывал ему большую услугу. Это было совершенно очевидно. С какой стати портить радость этому человеку, в которого он стрелял и которого ранил, жизнь которого он спас и который спас его собственную?

— Спасибо, Олан, — произнес он, пожимая руку второго главы загонщиков. — Тысячу раз спасибо. И он при этом Ки Йенси совсем не кривил душой, он произнес это совершенно серьезно.

Глава 9

Первое сафари, в котором Ки Йенси получил шанс показать, как он усвоил краткое обучение, преподанное ему Оланом, имело объектом охоты куэмлаха.

Олан возглавил подразделение из полусотни человек, тяжело топавших вслед за его куорном на юг по пыльной дороге. Впереди горы подпирали пышущее жаром небо. В их-то битком набитых растительностью предгорьях, среди речушек, распадков и примыкающих друг к другу холмов, похожих на небольшие хребты и водился куэмлах. Когда его отыщут, загонщики исполнят свои обязанности и рискнут жизнью, куэмлах будет стараться спастись, а охотники, ведомые Охотниками Тоба Бурки, получат свою забаву. Ки Йенси постарался как следует вбить это себе в голову. Он не желал больше думать о реальном положении дел. Когда-нибудь он должен вернуться на Землю. До тех пор, если он хочет остаться живым и здоровым — у него есть дело и он чертовски неплохо будет делать это дело, как под присмотром всех Псов из Ямины Рыжего Хакима. В раздумье, Йенси вздыхал над своими мыслями — и тут же выкинул их из головы, как только Олан, обернувшись в седле, дал своим людям твердый повелительный знак.

Люди рассыпались по сторонам от пыльной дороги. Мимо них на рысях проследовала кавалькада. Йенси разинул рот. Вначале следовали телохранители верхом на куорнах — сильные, крепко сбитые люди в кольчугах, носящие герб Тоба Бурки и вооруженные щитами, пиками, мечами и полуавтоматическими карабинами М-1 производства Соединенных Штатов, вложенными в пустые ножны. Затем послышался гул машин, идущих на низкой скорости, и по пыли протряхали два «Лендровера» цвета хаки. Первый из них был набит людьми, державшими кверху стволами винтовки. Во втором же все внимание Йенси привлек человек, сидевший рядом с водителем. С обожженным солнцем лицом, с ровными белыми зубами, человек этот тряся на сиденье с видом того, кто привык повелевать. Он был одет в белую рубаху, распахнутый воротник которой обнажал крепкую шею. Его лицо,

заросшее густой бородой, выражало собранность, вызвавшую некоторую степень уважения у скептика Ки Йенси, так как он признал за этим человеком элементы характера, весьма ценные для выживания при любых условиях. Шляпа с мягкими полями и заткнутым за околыш изумрудно-алым перышком была отодвинута на макушку и покрывала она длинные, темные волосы.

Один из товарищей Йенси подтолкнул его в канаве локтем:

— Тай Бурка. Старший сын Това Бурки! Значит, охота и впрямь важная.

Йенси не ответил. Он смотрел на лениво тащившийся мимо сиреневый «Понтиак», на подпрыгивающих внутри него пышно разодетых мужчин и женщин и остро ощущал несоответствие всего этого. Перед ним промелькнули белые смеющиеся лица, блестящие глаза, шелк и атлас и сияние драгоценностей. Затем вновь проехали воины на куорнах, с доспехами и оружием, а следом за ними — лагерная обслуга на грузовиках «Дженерал Моторс», набитых пожитками. Пыль за ними оседала несколько минут. Олан вывел своих людей на дорогу и вновь повел вперед.

— Мы должны поспешить, — крикнул он так, что разнеслось по всему строю. — Завтра они будут готовы идти на куэмлах. Мы должны присмотреть, чтобы у них была достойная дичь.

Йенси не слышал в голосе Олана ни малейшего сарказма. По мере того, как охота шла своим чередом, он понял, что никакой сарказм и невозможен для этих людей, посвятивших свои жизни охоте и предоставлению добычи. Первое потрясение, которое он испытал, шагая за своим добрым другом Оланом, едущим на куорне, уступило место смирению, которое Йенси в любое другое время нашел бы отвратительным. Он был загонщиком — низайшим из низких в охотничьей табели о рангах. Двигаясь вместе с остальными на следующее утро по пересеченной местности, когда все выстроились в линию, крича и размахивая кусками ярко окрашенной ткани и каждый загонщик сосредоточился на прочесывании каждого куста, овражка, любого возможного укрытия, Йенси внезапно почувствовал, как в нем закипает совершенно предательское и неожиданное возбуждение. Затем впереди из своего убежища выскочил куэмлах, взвился в гигантском прыжке над кустом и исчез среди деревьев.

— Ого! — благоговейно пробормотал Йенси. — Вот так куэмлах!

Шкура этой твари, зеленоватая, с коричневым узором из ромбов и шестиугольников, мало что позволяла различить на фоне зарослей, кроме округлой пятнистой тени, однако у Йенси осталось впечатление чего-то столь же большого, как взбесившийся слон, с восемью ногами, каждая из которых могла бы проломить футовый слой бетона и с массивной головой, отчасти напоминающей носорожью и снабженную потрясающим набором изогнутых клыков и зазубренных, словно у меч-рыбы, шипов. Зверюга издавала глубокое жужжание, словно циркулярная пила. Те деревья, что поменьше, она переламывала на своем пути, как, несомненно, легко переломила бы и человеческий хребет. Йенси знал, почему загонщики заглядывали в каждый самомалейший куст. Явно ни один куст не спрятал бы такое чудовище, стой оно во весь рост на этих напоминающих поршни лапах. Однако куэмлах имел очаровательную привычку закапываться в землю так, что только спина и голова торчали наружу. Затем он разбрасывал длинные, похожие на хлысты щупики, окаймлявшие его шею и способные подтаскивать жертву к этим кривым клыкам и зазубренным пилам. Славный, очаровательный, просто ненаглядный экземпляр в качестве объекта охоты... Йенси сглотнул и упорно припустил вместе с остальными загонщиками по следу.

Первое несчастье случилось вне его поля зрения. Только что все размахивали тряпками и стучали по кустам, а в следующий миг человеческий предсмертный крик уже взвился в горячий воздух и оборвался хрустом. Олан тяжело задышал, лицо его стало сердитым.

— Осторожней! Осторожней! Здесь их много!

За следующим хребтом лес поредел, превратившись в заросли папоротника с гниющими в них стволами поваленных деревьев. Продвигаться стало трудно и новенькая коричневая рубаха Йенси вскоре пропиталась потом и изорвалась в клочья. Зато новые

охотничьи сапоги из крепкой пластмассы, ничего похожего на которую ему раньше не встречалось, держались хорошо. Загонщики перевалили через холм и увидели куэмлаха, движущегося вниз по склону, словно потерявший управление дальнорейсовый грузовик. К первому присоединились еще два. Отчего бы им просто не залечь, да не послизывать загонщиков, точно хамелеоны — мух, гадал Йенси. Олан взревел и выстрелил из револьвера вниз, по бегущим зверям. Однако взял прицел слишком высоко.

— Если я случайно хоть одного убью, — заметил он Йенси, когда они на миг оказались рядом, — Тай Бурка с меня шкуру снимет.

— Сомневаюсь, — кисло заметил Йенси, — что твой 38-ой их хотя бы оцарапает.

Они остановились на вершине холма. Теперь напротив, над гребнем противоположащей линии холмов, стали видны черные точки. Йенси осознал, что то головы охотников. До него донесся приглушенный расстоянием треск винтовочных выстрелов. Какой-то сумасшедший даже стрелял из лука. Передний куэмлах пошатнулся, но продолжал мчаться вперед. Остальные двое приблизились друг к другу и тоже направлялись к хребту. Олан удовлетворенно улыбнулся.

— Хорошая работа, — проговорил он, кивая. — Мы вышли на них как раз вовремя, пока они еще не успели соединиться. Остальное — дело охотников.

Насколько Йенси мог видеть, охотники как раз все испортили.

Один куэмлах неожиданно повернул под прямым углом, понесся вдаль по распадку и вскоре исчез. Первый куэмлах продолжал мчаться прямо вверх. Его товарищ отвернул несколько в сторону. Винтовочная пальба усилилась, и он, подпрыгнув, покачнулся, резко распрямил все восемь лап и перекатился на спину. Тотчас же зверь вскочил на ноги и продолжал подниматься под углом вверх по склону. Деревья и кусты он попросту подминал под себя. Йенси вдруг понял, что не особенно-то хотел бы находиться сейчас на противоположном холме и стрелять в эти живые многотонные комки костей и мышц, несущиеся прямо на тебя.

— Они бегут! — бросил Олан, как будто Йенси и сам не видел.

Теперь охотники видны были целиком — маленькие, судорожно дергающиеся фигурки, мечущиеся среди деревьев и исчезающие.

— Нам надо поскорей туда! — Олан взревел и замахал руками. — Пошли! За мной!

Йенси, хотя ему это вовсе не понравилось, подчинился. Тяжело дыша, он перебирался через поваленные стволы, продираясь сквозь хлещущие ветками заросли, упал в ручей, шлепая по воде, перешел его вброд и, шатаясь, полез вверх по склону вслед за фигурой Олана, словно из железа сделанного. Алюю тряпку, которой Йенси размахивал, он давным-давно потерял. По вершине холма словно проехала парочка бульдозеров. Под стволом упавшего дерева лежал переломленный пополам человек. Йенси, не задумываясь, подобрал винтовку погибшего, дорогую и бесполезную маленькую игрушку. Это даже был не «Магнум», а калибр — всего лишь 28-й! Остальные загонщики, крича, улюлюкая и размахивая цветными тряпками, пробежали мимо. Олан вел их вперед, не оглядываясь. Йенси отлично знал, что они делают. Ему нужно было как-то укрепить свой дух. Они попросту отвлекают на себя разбушевавшихся куэмлахов, заставляя животных повернуться и напасть на новых противников, оставив, таким образом, охотников в покое. Эти загонщики предлагают свои собственные жизни в обмен на жизни охотников! Йенси очень сильно подозревал, что обмен этот крайне неравноценен. Он оглядывался вокруг, стоя на вершине хребта, когда его окликнул чей-то голос.

Голос был высоким и властным, он не выражал ни малейшей тревоги, но одну лишь полную уверенность, что все, сказанное им, немедленно будет выполнено.

— Эй ты, там! Поди сюда и сними с меня это бревно!

Быстро!

Под упавшим стволом лежала придавленная женщина. Мягкая почва уберегла ее от серьезных повреждений, так как лежала она в своего рода углублении, однако бревно полностью ее обездвижило. Ее одежда — свободные брюки и рубашка цвета хаки — была

перепачканы грязью. Йенси побежал к ней.

— Побыстрой, дурак! Я не хочу пропустить забаву!

— Да уж, забава, — пробурчал Йенси, напрягаясь изо всех сил.

Дерево и не думало даже пошевелинуться. Йенси огляделся в поисках длинной ветки, чтобы использовать ее как рычаг, и вдруг женщина завизжала высоким, пронзительным визгом, полным недоверия и ужаса. Йенси поспешно обернулся. Тот куэмлах, который убежал по распадку, пер вверх по склону прямо на них, его клыки лязгали, длинные щупики бешено извивались, три рубиново-красных глаза горели жаждой убийства.

Руки Йенси сами собой вскинули маленький, словно игрушечный карабин, приклад уперся в плечо, прицел слился с мушкой. Нужно было дать три, всего три, но зато уверенных, точных выстрела, каждый из которых поразил бы по глазу. Он передергивал затвор, жал на спуск и в мире не было ничего, кроме карабина, трех целей и его мастерства. Раз, два, три.

Куэмлах пронесся мимо, жужжа, как гигантская пила, хлеща щупальцами по деревьям, зарослям и земле, громко топая ногами-поршнями, слепой и неудержимый. Потом он перелетел через хребет и кубарем покатился по противоположному склону в долину.

Йенси бросил карабин и схватил ветку, воткнул ее под бревно и навалился всем телом. Немного спустя женщина с его помощью смогла выбраться на свободу. Она встала, обхватила себя руками и произнесла «Ох!»

При ближайшем рассмотрении ей оказалось лет около сорока, но искусные и чрезвычайно высокооплачиваемые косметологи изловчились придать ей облик вечных двадцати девяти. Фигура ее под рубашкой защитного цвета была подтянутой и твердой, ноги сильными. Одна из накладных ресниц отклеилась и висела, будто сорванный ставень. Женщина, ругнувшись, оторвала ее совсем. Ее ярко накрашенные губы, твердые и резко очерченные, кривились. По ее виду вполне можно было предположить, что обычным для нее образом жизни было попивать мартини где-нибудь на Виа Умберто, в наилучших уголках Лазурного Берега или в манхеттенском пентхаузе. Богатая, ухоженная, самоуверенная великосветская женщина. Для Йенси она была просто дорогостоящей дамой другого общественного класса, утонченной, сведущей и испорченной.

Спасибо она ему не сказала.

— Как тебя зовут?

— Йенси.

— Можешь называть меня госпожой, Йенси.

Йенси не ответил. Вместо этого он обернулся, глядя, как возвращаются Олан и кое-кто из охотников. Один из них, низкорослый и багроволицый, с мокрой от пота лысиной, сердито выхватил ружье из рук Йенси.

— Ты не должен был этого делать, загонщик! Теперь тебя...

— Йенси помогал мне, Юсуф. Я не думаю, что тебе захочется в этом усомниться.

Судя по виду Юсуфа, то, что он хотел бы сделать с этой женщиной, лучше всего было делать ночью и в постели, однако он смолчал и ушел прочь. Появился Тай Бурка, спокойный и сдержанный, истинный профессиональный охотник. Женщину стали поздравлять с добытым куэмлахом.

Йенси собрался было что-то сказать, но женщина оборвала его ледяным голосом:

— Спокойно, Йенси.

Олан ободрил Йенси пристальным взглядом.

— Я должен расследовать весь инцидент, Лана, — заявил Юсуф, бесшумно появляясь вновь. Он ядовито рассматривал Тая Бурку, который отвечал ему спокойным взглядом, словно отдыхающий леопард. — Эта смехотворная охота показала, что куэмлах...

— На которого, ваше превосходительство, — указал Тай Бурка, — и был заключен контракт. А вот почему звери не были завалены должным образом...

Женщина, эта дама по имени Лана, резко ответила:

— Мое оружие дало сбой. Это метательное ружье на сжатом газе, 70–54, из

Сликтоттера. Не думаю, что я стану впредь покупать что-либо в Сликтоттере.

Тай Бурка мягко ответил:

— Вы поразили куэмлаха тремя пулями 28-го калибра прямо в глаза, госпожа. Это единственный способ его умертвить такими небольшими пулями. Вас никоим образом не обвиняют в неудаче. Я должен доложить обо всем отцу. Тов Бурка не допускает в своих охотах проявлений некомпетентности.

— А бедного старого Квидди вообще убило, просто переломило пополам! — возмущался Юсуф.

— Я предлагаю всем возвратиться в лагерь, — сказал Тай Бурка и отрывисто бросил уже собравшимся загонщикам и тем из них, кто еще только появлялся из-за деревьев, трясущимся и бледным:

— На сегодня охота окончена.

Глава 10

На последующих четырех сафари, в которых Ки Йенси принял участие вместе с Охотниками Тоба Бурки, не происходило столь беспокойных инцидентов, как в ту первую вылазку. Его представления о времени смешались, каждый день превратился просто в отрезок времени, состоящий из работы и сна или, когда выпадала такая возможность, пьянства, песен и обмена историями в лагере вечером. В промежутках между сафари, случалось, выпадала возможность отдохнуть и приволочнуться за женщинами в кабаках и тавернах каменно-глиняного городка Буркхольм, раскинувшегося под сумрачным замком Тоба Бурки. Йенси получал свою долю развлечений, однако делал это, как лунатик, усыпляемый предательской нереальностью отдыха на фоне полной случайностей реальности своего нового образа жизни.

Олан, несмотря на более высокое свое положение, как второго главы загонщиков, продолжал оставаться хорошим товарищем, наслаждающимся и азартом охоты, и охотой другого рода, которой они предавались в веселых кварталах города. Биение жизни в городке было насыщенным и быстрым, и каждый человек, будь он мужчина, женщина или ребенок, прекрасно сознавал, что все в его жизни вращается вокруг охоты. Без нее, без имущества и денег, поступавших в качестве гонораров, жители Буркхольма обеднели бы и оказались обречены на обычный круговорот крестьянской жизни.

В охотах принимал участие очень странный набор людей. Несомненно, богатые, развращенные, стремящиеся развеять скуку охотой на большую дичь, они могли найти все, чего желали и более того среди Охотников Джундагая. Одежда и оружие клиентов, их образ жизни красноречиво свидетельствовали, насколько их обычаи и мораль отличаются от свойственных населению Джундагая. Гордыня Охотников возбуждала ответную гордость во всех, кто был с ними связан, так что неудивительно, что Йенси втянулся в подсчеты последних охотничьих трофеев, сравнение длин рогов и шипов, прикрепление голов к доскам. Охота была для него теперь таким же всеобъемлющим образом жизни, как и для Охотников Джундагая. Он получил продвижение по службе — стал загонщиком шестого разряда и получил короткое копье, выглядевшее так, будто готово сломаться при первом же использовании. Однако Йенси носил его с гордостью, как символ первого своего шага вверх по служебной лестнице. Он смутно сознавал, что подвергается постепенной промывке мозгов, но оставался к этому безразличен. Мысли о Земле отходили на дальний план. Он даже забывал снимать переводчик в присутствии Охотников и их клиентов на случай, если окажется, что кто-нибудь из этих мордастых людей в дорогой одежде и с винтовками штучного изготовления прибыл сюда с его родной Земли. Пару раз он вспоминал Роки и гадал, сколь сильно этот несостоявшийся белый охотник хотел бы поменяться с ним местами. Про Джорин и Зельду он вспоминал нечасто. Поглощенный этим новым, отнимающим все силы образом жизни, Йенси вспоминал, как еще в Нью-Йорке он постепенно менял свое отношение к охоте. После самых первых оживленных разговоров с

Роки об африканских сафари его охватывала дрожь. Сама мысль о том, чтобы стрелять и убивать животных вызывала у него тошноту. Его представления о стрельбе, как о спорте, сводились к стрельбе по мишени и интересу к оружию; он был воспитан в отвращении к убийству животных. Здесь же он видел, что если этих гигантских и гротескных джундагайских чудовищ не держать под контролем, они разорят всю страну, станут уничтожать деревни и живущее в них население, ищущее защиты у Охотников Джундагая. Животные наподобие ку-эмлаха, иккра, загрида и быко-питона ничем не напоминали животных, на которых охотились на Земле: прекрасных оленей и лосей, вольных диких уток. Их истребление поныне казалось Йенси ужасным. Однако глядя, как стреляют в загрида и зная, какие бедствия может принести это несимпатичное чудовище мирной крестьянской общине, он уже не испытывал подобных сантиментов.

Если бы не Охотники, с Джундагаем, как с местом обитания человеческих существ было бы покончено. А тот факт, что Охотники извлекали из этого выгоду и этим жили, казался чрезвычайно справедливым новому Ки Йенси — загонщику шестого разряда.

В промежутках между сафари Олан любил показывать Йенси город. Хотя, как говаривал себе Йенси с насмешливой терпеливостью, которой с Оланом не делился, смотреть-то было особенно не на что. Обычно их маршрут оканчивался в таверне, называвшейся «Загрид и Зеноша». Что такое Загрид, Йенси теперь знал отлично, а про Зеношу не спрашивал. Они сидели на чисто выскобленных сосновых скамьях, смотрели на девушку, которая плясала, подпрыгивая и щелкая кастаньетами в вихре разноцветных вуалей, словно в морской пене, и Йенси начали приходить в голову всякие мысли. Девушка все постреливала в его сторону глазками, а это всегда многообещающее начало. На следующее утро Йенси проснулся в казармах загонщиков, на своей продавленной койке, занимавшей предписанные уставом двадцать квадратных футов пола, с довольно туманными представлениями о том, что случилось вчера вечером. Он умылся, без аппетита съел завтрак и принялся мечтать о том времени, когда станет загонщиком четвертого класса и сможет ночевать не в казармах, а в гостинице. Что же, черт подери, было прошедшей ночью? Эта плясавшая девушка... Йенси вышел во двор, щурясь на солнечный свет, и как раз собирался свернуть в прохладу, в тенечек, когда по двору прошел Олан, огибая столы со снаряжением и направляясь прямо к нему. Вид у Олана был странный.

— Не знаю, как это ты ухитрился, Ки, — начал он.

— О нет, — простонал Йенси. — Чего это я ухитрился?

Олан отвел его в сторонку, подальше от утренней суматохи (загонщики готовились к предстоящему сафари). Они все чистили, полировали, смазывали и подготавливали снаряжение для лагеря. Лагерная команда состояла из простых слуг.

— Поступил приказ от Тая Бурки. Ты должен явиться — притом немедленно — к госпоже Каллипсии Кольтманн из Бурнташа. Принарядись и отправляйся на ее виллу в Клиентовском Ряду.

— Как это?

— Я уже сказал. Давай, Ки, поторапливайся. Очень плохо заставлять клиента ждать, и еще хуже заставлять ждать Охотника.

— Калли... как бишь ее?

— Каллипсия Кольтманн.

Лицо Олана расколола похожая на трещину улыбка. Его лицо, густо заросшее бородой, не было более волосатым, чем лицо самого Йенси. Не имея в своем распоряжении достойной бритвы из нержавеющей стали, Йенси бритье вообще бросил. Одна из его подружек время от времени подравнивала ему бороду и усы.

— Я не знаю...

— Отправляйся туда, Ки. Живо!

Йенси надел свою лучшую коричневую рубашку, затянул потуже кожаный ремень, расправил мягкую кожаную юбку-фартук, взял свое копьецо и рысцой выбежал наружу. Олан заорал ему вслед:

— Клянусь Куанчи, Ки! Вот теперь ты в норме!

Перед западной городской стеной, за воротами Фатма, ведущая туда дорога была снабжена покрытием и обсажена с обеих сторон рядами широколиственных деревьев, за которыми стояли виллы самых разнообразных архитектурных стилей. Здесь не ослабевало движение на ванках и куорнах, вперемешку с экипажами, происходившими, должно быть, из самых разнообразных Измерений, включая Землю, ибо Йенси попадались «Лендроверы» и «Понтиаки», «Форды» и «Моррисы», разъезжающие туда и сюда по делам своих хозяев. Он разыскал нужный адрес и вошел в разукрашенные ворота.

Охранник в кольчуге и с американским «Энфилдом 30/06» модели 1917-го года привычно обыскал его. Низенький пухлый человечек, обладавший двумя, помимо брюха, выдающимися чертами: огромным дрожащим носом и ярко сверкающим, так что глаза резало, кушаком, играющим всеми красками павлиньего хвоста, вышел навстречу Йенси и провел его между колоннами, вверх по мраморным ступеням.

— Поспешите, Йенси, поспешите. Моя госпожа не любит, когда ее заставляют ждать.

Следуя за коротышкой, проворно перебиравшим пухлыми ножками, Йенси чуть ли не рысью спешил вперед, чувствуя себя здесь положительно неуместным.

— Я Хашим, домоправитель. Ты должен со мной обращаться уважительно.

Йенси не отвечал, сберегая дыхание для ходьбы. За высокой, инкрустированной золотом дверью человек с орлиным лицом, одетый в белую куртку и черные штаны, заправленные в блестящие сапоги и державший оружие, которого Йенси не опознал, освободил его от копья. Обернувшись своим свирепым лицом к двери, этот страж распахнул ее. Хашим, а вслед за ним Йенси прошли внутрь.

Комната удивила Йенси. Мягкие ковры покрывали мраморный пол, между изящных колонн были расставлены статуи, невидимые вентиляторы гнали прохладный воздух, а элегантные столы и кресла указывали, что эта комната предназначена производить впечатление. Йенси из принципа остался равнодушен. Зато большое впечатление произвела на него женщина, поднявшаяся с шезлонга и направившаяся к нему навстречу. Она была одета в элегантную пару изумрудного цвета, юбка очень скромного покроя достигала середины икр. Белые руки блестели драгоценными украшениями. Высоко уложенные волосы цвета воронова крыла выдавали личную разработку парикмахера. В общем, самая несомненная жена какого-нибудь магната прямоком из великосветского календаря, рожденная для роскоши, наследница миллионов, замужем за таким же богатеем.

— Ну, Йенси, ты заставляешь себя ждать, — произнесла она знакомым высоким и пронзительным голосом.

— Э-хм, — отозвался Йенси.

Теперь он ее узнал. Лана. Та дама, которую он вытащил из-под бревна и которой досталась вся честь за его тройной выстрел по глазам зверя. Она ведь даже его не поблагодарила. Лана помахала рукой Хашиму, который поклонился и отбыл. Исчезновение домоправителя было таким внезапным и полным, что Йенси какое-то мгновение раздумывал, не отбыл ли он сквозь Врата в иное измерение.

Госпожа Каллипсия Кольтманн негромко засмеялась.

— Мои приказы хорошо исполняются, Йенси. Иди, сядь сюда, — она похлопала по сиденью кресла, стоявшего в двух шагах от ее шезлонга. Когда он осторожно сел, хозяйка дома вновь устроилась на шезлонге в кошачьей позе. — После того последнего сафари я сижу дома. Муж прислал мне на подпись несколько утомительных бумаг и я воспользовалась этой возможностью, чтобы купить новое оружие. Мне не понравились ощущения, которые я испытала под тем бревном, а куэллах бежал вверх по склону.

— Точно так же и мне.

Дама улыбнулась улыбкой, лишь едва потревожившей косметику вокруг рта.

— Ты должен называть меня госпожой.

— Конечно. Я просто хотел бы знать, для чего вы пожелали меня увидеть...

— Это просто. Я родом из такого места... Впрочем, ты не поймешь. Я охочусь здесь,

чтобы расслабиться и получить удовольствие. Я никак не ожидала оказаться под бревном. Мой муж всегда очень занят своими собственными делами — он управляет корпорацией... ты не поймешь...

— А вы попробуйте объяснить.

Три крошечные вертикальные морщинки между ее бровями разгладились. Очевидно, она оставила попытки добиться от Йенси, чтобы он называл ее госпожой, а это кое-что значило. В душе Йенси начало закипать удовольствие.

— У меня сразу сложилось впечатление, что ты не такой, как другие загонщики. У меня есть причины доверять своим инстинктам, — она потянулась и Йенси не опустил глаз. — Мой муж — очень важный человек и у него много важных деловых обязанностей. Я часто бываю предоставлена для развлечений самой себе.

Ки Йенси начал приходить к определенным выводам и надеялся в тот момент, что он ошибается.

— Мне понравилось, как ты себя ведешь. Я решила взять тебя к себе на службу в качестве оруженосца. С Товом Буркой мы договорились. Он был польщен, — дама улыбнулась, на сей раз уже совсем другой улыбкой. — Ты будешь носить мои ружья, Йенси, и получать приказы будешь непосредственно от меня.

— Э, ну, это...

— И запомни! Когда мы находимся в присутствии кого-то еще, неважно, кого именно, обращай ко мне с уважением, которого требует мой ранг. Я — госпожа Лана Каллипсия Кольтманн из Бурнташа. Ты будешь называть меня «госпожа» или «владычица Бурнташа». Ясно?

— Да, — ответил Йенси. — А как мне вас называть, когда мы одни?

Лана потянулась к кнопке звонка, вделанной в подлокотник шезлонга и за несколько секунд до того, как Хашим выскочил, как чертик из бутылки, ответила:

— Это мы выясним, когда настанет время, — и добавила, уже обращаясь к кланяющемуся Хашиму:

— Отведи Йенси в оружейную и скажи Борозу, чтобы исполнил мои приказы до последней буквы.

Последнее, что увидел Йенси, выходя, была госпожа Лана Кольтманн, закуривающая самую большую сигару за пределами Кубы.

Глава 11

Расклад представлялся крайне взрывоопасным. Йенси не знал, чувствовать ли ему удовольствие и благодарность или припустить в ближайшие горы, подыскать себе там берлогу и постараться как следует в ней окопаться. Бороз в оружейной оказался поистине странным. Кожа у него была белая. Грубая и зернистая, шершавая, как акулья, его кожа была в то же время белой, как у альбиноса. Йенси не замечал ни единого признака, что под ней есть хоть капля крови. Этот человек выглядел так, будто искупался в белой клоунской пудре. Роста в нем было так примерно шесть футов семь дюймов, а весу вполне могло хватить, чтобы потянуть на молодого иккра. Под желтым халатом, который он носил, так и перекачивались мышцы, а толщина и силища его пальцев заставили Йенси торжественно поклясться про себя никогда, ни за что не вступать с этим парнем в пререкания. Лысую пулеобразную голову Бороза увенчивал своего рода хохолок желтоватых волос. Общее впечатление оказывалось таким, что Йенси хотелось засмеяться, однако он посчитал такую линию поведения немудрой. Черные глаза Бороза взирали на него без интереса.

Великан протянул ему желтый халат вроде своего собственного, но на несколько размеров меньше. Натягивая его, Йенси заметил:

— Значит, пару штанов мне не дадут? В этом фартуке сил нет, как неудобно общаться с девушками. Бороз щелкнул пальцами. Появилась девушка, обычная, славная светловолосая девушка с плоской грудью и тонкими ножками, которая глуповато улыбнулась, хихикнула и

вытерла руки о свое желтое платье. Бороз ей кивнул.

— О... э... штаны... — глупо пробормотал Йенси.

Девушка вновь хихикнула и вышла. Вернувшись, она принесла с собой желтые штаны, которые Йенси отлично подошли. Он дождался, пока девушка уйдет, а потом надел их. Затем он наконец оглядел оружейную. И присвистнул. Не хотел бы он, чтобы ему предложили оценить примерную стоимость собранного здесь оружия. Громадное его количество было размещено на штативах вдоль стен — ружья, винтовки, карабины, луки и колчаны со стрелами, пистолеты и такое оружие, которому Йенси даже не знал названия. Одна из стен этой восьмиугольной комнаты была сплошь увешана мечами всяческих разновидностей. Но еще больше всякой всячины находилось в коробках и корзинах, сваленных на полу, и от надписей на этих корзинах Федеральный Инспектор по оружию вполне мог бы сойти с ума.

Девушка вновь вернулась, все также глуповато улыбувшись Йенси, а потом повернувшись к Борозу. Белокожий гигант кивнул. Девушка сказала Йенси:

— Моя госпожа хочет, чтобы ты взял себе ручное оружие.

Можешь выбрать, что хочешь. Бороз — ее хвостик. Так что будь осторожен.

Бороз прошел к двери, поднял винтовку и принялся клацать затвором — клац, клац, клац. Йенси понял намек.

— Что ты этим хочешь сказать — «он ее хвостик»?

— Сам узнаешь, — девушка звонко засмеялась.

— Как тебя зовут? — Йенси поднял девятимиллиметровый «Люгер» и вновь отложил. Слишком мало убойной силы, и слишком большой шанс, что заклинит.

— Фузи.

Йенси прошептал:

— Бороз говорить умеет?

— Конечно. Только нечасто.

Йенси знал, что за работа от него потребуется, как от носильщика оружия. С некоторым сожалением он отложил «Кольт-45-Авто».

— Тебе нравится работать на... э... госпожу?

Ответ последовал очень быстро:

— Конечно! Она очень ко мне добра, ведь в Альтинуме я никак не могла получить хорошей работы... Бороз вдруг ожил. Только что он лениво смотрел сквозь прицел винтовки, а в следующий миг уже поднял Фузи за плечи, развернул и выбежал вместе с ней из оружейной. Девушка только коротко пискнула и взболтнула тощими ножками. Йенси пронзило гротескное воспоминание о Зельде в лапах иккра. Бороз вернулся и сердито ткнул белым пальцем в сторону оружия.

— Выбери и доложи Хашиму.

Говорил он так, будто в горло ему загнали двухдюймовую колючку. Окончив фразу, он сплюнул и потом еще несколько раз конвульсивно сглатывал, вернувшись на прежнее место возле двери.

Йенси слегка погладил «Магнум-44» — нет, черт возьми, он хочет контролировать свои выстрелы — а у «Магнума-357» не такой точный бой, как у 44-го. Тут он заметил красавец «Смит-вессон 41 Магнум» с шестидюймовым стволом — на стенде лежало их три или четыре, и он выбрал самую подходящую модель. Пистолет отлично ложился в руку.

— А патроны? — спросил он. — Я хотел бы некоторое количество обоих типов, высокоскоростных и низкоскоростных. Бороз кивнул в сторону кучи корзин.

Йенси вздохнул и начал там рыться. Наконец он нашел нужные ящики и оторвал с них крышки. Поискав, куда бы сложить патроны, он обошелся в конце концов только что снятой с себя одеждой. Йенси помногу раз зачерпнул обеими руками патронов каждого сорта, срывая предохранительную пластиковую обертку.

Когда, наконец, Бороз нетерпеливо заерзал, Йенси сунул пистолет за кожаный пояс и, перекинув импровизированный мешок с зарядами через плечо, отправился докладывать Хашиму. Чувствовал он себя при этом, как контрабандист, промышляющий оружием.

Что же такого сказала эта девушка, глупенькая недотепа Фузи, что так беспокоило Бороза?

Йенси показали отведенное ему место, маленькая отдельная комната в самостоятельном крыле, примыкающем к главной части виллы, прямо над стойлами. Куорны имели обыкновение создавать много шума, но Йенси рассудил, что к этому он привыкнет. Может, ему даже дадут одного, чтобы ездить. Он вспомнил об Олане. Было достаточно ясно, что Йенси просто перешел в услужение от одного господина к другому, однако эта служба обещала возможности, какие загонщику и присниться не могли.

Владычица Бурнташа держала в Джундагае целое маленькое поместье, включая слуг, поваров, горничных, шоферов, носильщиков и еще разных мужчин и женщин, обязанности которых не были Йенси вполне ясны. Вся компания выглядела достаточно веселой и с искренней товарищеской доброжелательностью приветствовала его в людской столовой. Однако некоторые из них, решил Йенси, были родом не из Джундагая. Альти... как там сказала Фузи? Может быть, это вовсе не в этом мире. Альтидум. Вот как это звучало. Может быть, это еще одно Измерение. Эта мысль дала решающий толчок доселе туманным планам Йенси. Он будет следить за этой Ланой, пока не прознает, каким способом она возвращается домой. Несколько дней спустя, в течение которых Йенси практиковался с «Магнумом-41», выпуская из него низкоскоростные пули, они получили приказ готовиться к сафари. На сей раз предстояло охотиться на наджуков, а из того, что говорили его товарищи, Йенси заключил, что наджук — зверь достаточно гнусный. Целое стадо этих зверей вытаптывало поля к юго-западу от города и крестьяне в деревнях были в отчаянии. Тов Бурка имел права на ту территорию и объявил большую охоту. Поутру, перед тем, как выступить, все выстроились во дворе виллы. Лана Кольтманн вышла, одетая в хорошо пригнанный костюм цвета хаки и держа в руках чудесную шляпку для сафари. Следом за ней появился Бороз. Он следовал за ней неотступно, пока это только было в его силах, так что Йенси понял, почему его называли «хвостиком госпожи». Великан нес винтовку, при виде которой у Йенси глаза полезли на лоб.

Какую-то незначительную долю времени Йенси, как идиот, воображал, будто это огромный двуствольный дробовик. Не думая о том, где и в какое время находится, он подался вперед, откровенно рассматривая винтовку. Это был здоровенный британский двойник: «Уэсли Ричардс» и, вероятно, «Нитро-Экспресс 600», с искусной резьбой и арабесками на замке и стволах; он выглядел по-настоящему красивым. В руках Бороза, прижатая к его массивной груди винтовка смотрелась примерно так же, как обычное ружье у нормального человека.

— Какими патронами вы пользуетесь? — спросил зачарованный Йенси. — Фабричными — или же набиваете сами? Хотел бы я попробовать...

— Йенси! — гаркнула Лана Кольтманн. Йенси подпрыгнул.

Один из людей оружейной obsługi выступил вперед и сунул Йенси в руки винтовку. Лана Кольтманн нахмурилась.

— Ты здесь для того, чтобы носить мою винтовку, Йенси, а не болтать глупости. Не желаю больше слышать от тебя ни слова, пока сама не разрешу, — она сбежала вниз по ступеням и с надменным видом села в сиреневый «Понтиак». За ней последовало множество ее гостей, живших в противоположном крыле виллы, и кавалькада тронулась. По крайней мере, обиженно подумал Йенси, хоть прокачусь. Он влез в кузов грузовика и уселся, несколько рассерженный, на деревянное откидное сиденье. Винтовку — это была «Марлин-444» — он поставил между коленями, слишком возбужденный, чтобы оказывать оружию то внимание, которое ему, несомненно, причиталось.

Отчего-то вид этой прекрасной британской двойной винтовки разбудил в Йенси все его притупившиеся были инстинкты. Он знал теперь, что Бороз, в качестве «хвостика госпожи», будет следовать за ней повсюду. При любом повторении этой макабрической истории с атакующим куэмлахом Бороз разрядит в зверя содержимое обоих стволов и две летящих на низкой скорости пули, весом около 700 гран каждая, надежно остановят чудовищное

создание. Более владычица Бурнташа не желала никаких глупостей с 28-м калибром.

Однако Йенси начал размышлять о доме, о Земле с некоторым подобием прежней решимости. Грузовик щелкнул коробкой передач и трясся теперь по грунтовой дороге. Водитель имел довольно слабое представление о своей работе. Солнце начинало превращать кузов грузовика в пекло, и Йенси высунулся наружу, чтобы глотнуть свежего воздуха. Все остальные сидели стойко. Для окружения Ланы Кольтманн, вообще, свойственна была малая разговорчивость. Сидевший напротив Йенси человек с пустым лицом, в неизменной желтой рубашке и шортах, державший двуствольный «Марлин-444», таращился себе в ноги, опустив сильные плечи.

Йенси попытался было завязать разговор, но Брапа не заинтересовался — отломил щепку, да и сидел себе, ковыряя в зубах.

Кавалькада миновала бредущих пешком загонщиков и Йенси успел наскоро помахать Олану, который ответил блеском белозубой улыбки среди черных зарослей бороды. Может быть, лучше все-таки было бы остаться загонщиком шестого разряда. Охота развивались согласно плану. Загонщики успешно гнали дичь, а охотники стреляли. Йенси стоял сбоку и чуть сзади от Ланы Кольтманн и протягивал ей «Марлин», как только она опустошала магазин своей винтовки, натренированными пальцами быстро вкладывал четыре заряда, дожидаясь, пока Брапа сделает то же самое, чтобы не прерывать цепочку перезарядок, и вновь протягивал оружие.

Выгоревшая трава курилась под солнцем, горизонт распахнулся во всю ширь, крошечная разоренная деревушка у реки дрожала в потоках жаркого воздуха, а наджуки все мчались и мчались навстречу ружейным выстрелам. Как развлечение это едва ли стоило даже записи в дневнике. Усталые и мечтающие о воде, они все прибрели в лагерь и, рассевшись вокруг костров, ели, пили и пели песни. Кое-кто из загонщиков, работавших на других охотников в отряде, принялся хвастаться успехами своих хозяев; но группа Ланы Кольтманн помалкивала. Йенси ел, пока не почувствовал пресыщенность, затем поискал свой рюкзак и улегся. Четыре дня спустя добычу погрузили на грузовики, лагерь свернули, загонщикам предоставили позаботиться о трупах и охотничий караван вернулся домой.

Йенси остался разочарован.

Лана Кольтманн никак не общалась с ним, помимо того, что протягивала опустошенную винтовку и принимала другую, с полным магазином. Она попросту старательно избегала его. Что это мне дает? — размышлял Ки Йенси, пока они тряслись в кузове грузовика, направляясь обратно на виллу в Клиентовском Ряду в Буркхольме.

Свита Кольтманн собралась тем вечером в людской столовой, предвкушая пищу и питье: все знали, что их хорошо накормят в виде своего рода награды за их услуги на охоте. Столы ломились от снеди, девушки-подавальщицы с раскрасневшимися лицами и растрепавшимися от усердия волосами бегом подносили огромные фляги вина. Мужчины ревели песни и отмачивали грубые шуточки. Для любого простого обитателя Джундагая это было седьмое небо.

Потом Йенси испытал вдруг сильнейшее потрясение. По кафельному полу, шатаясь, вошла молодая девушка в обычном мешковатом одеянии, с босыми кровотокающими ногами и изможденным лицом, тащившая огромное ведро воды. Она расплескала воду и мужчины с руганью принялись хлестать ее. Девушка уклонялась. Ее светлые волосы падали на лицо, которое, вспотевшее и напуганное, оставалось в то же время белым, как ремень стражника. Йенси тотчас вскочил и потянулся к ручке ведра.

— Эй! Фузи! Это работа не по твоим силам, — потрясенно проговорил он.

Объявился Хашим, весьма представительный в своем кушаке и с трясущимся носом, рывкнул на Фузи и погнал ее из людской столовой обратно на кухню.

— Что это все значит? — возопил Йенси.

— Садись и пей свое вино, Йенси. Исполняется то, что приказала госпожа Кольтманн. Нечего тебе ломать голову из-за этой недоразвитой девки!

Йенси в отвращении покинул зал. Он был полон бешенства. Пусть эта Лана —

испорченная и ненасытная великосветская сучка, но это не дает ей права настолько мерзко обращаться с таким ребенком, как эта Фузи. Худые ручки и ножки Фузи совершенно не годились для тяжелой домашней работы. Толстые, грубые, ражие кухонные девки одной рукой могли забросить это ведро воды куда угодно, но Фузито нет. В задумчивости, Йенси решительно вышел из помещений для слуг, миновал лампы под абажурами и поднялся по мраморным ступеням, припоминая дорогу. Охранник двинулся вперед, но Йенси не стал тратить времени на объяснения. Бесшумный прыжок, удар отвердевшими пальцами по горлу — и Йенси, подхватив стражника, мягко опустил его на узорный мраморный пол. Все вроде было тихо. Йенси полагал, что знает, на какой риск он сейчас идет. Причиной же, почему он делал именно то, что делал, было общее чувство неудовлетворенности такой жизнью; бедная маленькая Фузи послужила просто предлогом. Если он сейчас наткнется на Бороза... В безмолвном предвкушении Йенси добрался до высокой, инкрустированной золотом двери. Здесь по-прежнему стоял охранник с орлиным лицом, в черных штанах и белой куртке. С ним Йенси обошелся вежливей и оставил в сидячем положении у стены. Толчком он отворил дверь.

Пригашенные светильники заливали эту претенциозную комнату уютными красками, золотисто-розовыми и бледно-бледно зелеными, углублявшимися в пульсирующем ритме до изумрудного. Лана Кольтманн поднялась со своего шезлонга и щелкнула выключателем. Маленький киноэкран погас и втянулся в потолок. Она встала, приложив одну руку к груди, а другую держа у талии. Лана была одета в белое полупрозрачное платье, волосы ее были распущены и рассыпались по плечам блестящим эбонитовым ливнем.

Полностью сохранив самообладание, она сказала:

— Ты понимаешь, что мне следует приказать тебя казнить за проникновение сюда?

— Возможно, — твердо ответил Йенси шагнул вперед. — Тебе нравится карать, не правда ли — как бедняжку Фузи, например. И всего лишь за то, что она проговорила, что ты из Альтинума. Ну, ты ведь не думаешь, будто сам я из этого мерзкого Измерения, а? Из Джундага? Это же просто смешно!

Глава 12

Коробочка с линзами в руке Ланы Кольтманн, снабженная рукоятью и рамкой для спускового крючка, несомненно, была оружием. Йенси поборол тошнотворное ощущение, грозившее подняться из его живота и выплеснуться сквозь стиснутые зубы, и кивнул на загадочное оружие:

— Одна из ваших альтинумских штучек-дрючек? Надо полагать, технология у вас довольно развитая.

— Садись-ка сюда, Йенси, — по-кошачьи промурлыкала женщина. — Придется мне разобраться в тебе потщательней, чем я собиралась. Что, фрак побери, тебе известно об Измерениях?

— Только то, что я побывал в нескольких из них. И хочу вернуться домой.

— А где твой дом?

Йенси поразмыслил. Он не забыл горделивых слов Зельды о том, что Эттор должен произвести чистку Измерений. Но терять ему мало что оставалось, а приобрести можно было все.

— Земля.

Лана засмеялась.

— Эта помойка! Неудивительно, что ты так интересовался нашим оружием. Мне нравится устаревшая технология этого Измерения, тамошние прадедовские изделия. Вот хотя бы этот твой револьвер — какая чудесная архаика.

— Он способен превратить в месиво все, что...

— Ну конечно. Но это так грубо. По-моему, вращающийся барабан существовал у вас уже на заре производства огнестрельного оружия. Я видела очаровательный кремневый

револьвер в коллекции вашего лондонского Тауэра, а в целом самовзводящийся револьвер с металлическим патроном доведен до совершенства — если можно так сказать о столь несовершенном оружии — свыше ста ваших лет назад.

— Но они до сих пор стреляют.

— И еще они исторгают пламя и дым, и еще гремят, и еще стреляют шесть раз, а потом начинается вся эта морoka с их перезарядкой. Почему, как по-твоему, я выбрала для стрельбы винтовку «Марлин-444»? Для забавы. По той же самой причине мой муж предпочитает лук и стрелы. Мы любим воссоздавать сцены примитивной охоты...

— "Марлин" отличное ружье! Оно способно стрелять большой пулей...

— Конечно, конечно. Но пока я не найду Измерение, продукция которого понравится мне еще больше, до тех пор буду держаться вашей смешной старенькой Земли. Тот экземпляр из Сликоттера, из которого я так неудачно выстрелила и который... ну, ты помнишь... так вот, это было преднамеренно изготовленное по старым образцам оружие. Как и любая копия, в тяжелых обстоятельствах оно подвело.

— Стало быть, ты бывала на Земле. Я хочу вернуться.

— С какой стати я буду тебе помогать? — Лана положила оружие рядом с собой на шезлонг и указала на поднос с графином и рюмками. — Я думаю, нам обоим не повредит выпить, Йенси. Ты мне нравишься. Я не ошиблась, подумав, что ты не такой, как все.

— И еще, — сказал Йенси, наливая, — я бы хотел, чтобы ты вернула бедняжку Фузи на более подходящую работу, как, например, горничной. Ты бы только взглянула сейчас на бедное дитя.

— Она проявила неповиновение. Обитателям Альтинума неизвестно про Измерения — и они никогда не должны про них узнать. Мой муж держит чрезвычайно интересное агентство, продающее нашу продукцию в миры разных Измерений...

— Уяснил, — сказал Йенси, протягивая ей рюмку. Он налил в каждую по тройному скотчу. — Но я как же?

— О, думаю, что я могла бы это устроить. Но... — Лана откинулась в шезлонге, держа в одной руке рюмку, а другую закинув за голову. Геометрический узор ее тела чрезвычайно заинтересовал Йенси. Он глубоко вздохнул, опрокинул свою рюмку, произнес «Бррр!» и взялся за дело. Десять минут спустя, тяжело дыша и испытывая некоторое головокружение, Лана выпрямилась и оттолкнула его.

— Не опережай события, Ки: мне нравятся утонченные мужчины.

Йенси выплюнул кусок кружев с ее платья и сел. Она до сих пор еще лакомый кусочек, нет сомнений, хоть и вынуждена расточать тысячи на косметическое воздействие.

— Само собой. Я не жиголо, Лана, и я специально использую это старое слово. Ты мне нравишься. Ты настоящая женщина. Но я обнаружил, что охота на Джундагае — это не мой образ жизни.

— Ну, на какое-то время тебе придется с ним смириться.

Я здесь на отдыхе, пока муж за мной не явится. У меня нет средств путешествия меж Измерений...

— Ты хочешь сказать, среди твоей свиты нет Проводника?!

Лана покачала головой.

— Нет.

Очевидно, это ее глубоко задевало.

Йенси потер подбородок, вновь созерцая дезабилье Ланы, ощутил сухость в горле и снова пошел в атаку. На этот раз он продержался до полного своего удовлетворения, однако Лана, как и подобало женщине ее положения, потребовала большего. Зная, что в ней заключен для него единственный шанс вернуться на Землю, Йенси повиновался. Он надеялся, что у него хватит сил продержаться, пока не явится ее муж с Проводником.

— Уф! — только и сказал он, когда Лана откинулась, мечтательно улыбаясь, и показала жестом, что хочет одну из своих огромных сигар. Йенси дал ей прикурить, а потом, извлекая все выгоды из своего нового положения, закурил и сам. Ароматный дым приятно щекотал

рот.

— С Земли? — спросил Йенси.

— Да.

Циничному Ки Йенси казалось, что он понимает ситуацию. Богатая и неудовлетворенная женщина, муж в отлучке, инстинкты изголодавшейся по сексу самки — она просто должна дать себе какую-то отдушину. Однако, как ни странно, он обнаружил, что она ему в самом деле нравится. Впоследствии она дала указания освободить Фузи от черной работы и вернуть ей положение, при котором ее тонкие пальчики могли, как им и подобало, работать с иглой и ниткой. В последующие дни Лана с Йенси спорили об оружии. Лана знала поразительно много и сообщала Йенси такие вещи, о которых он не имел понятия — как об оружии, так и о сексе — а имя Дж. Дафта, лондонского оружейника, изготовлявшего кремневые револьверы еще годах в 1650-х, так и летало взад-вперед между ними, словно ядовитое стрекало.

— В Альтинуме, надо полагать, сплошь лазеры да лучи смерти! — бросил в сердцах однажды Йенси.

— Лазеры? Мой дорогой, как ты старомоден!

И так далее.

Они побывали еще на двух охотах — на загрида и опять на наджуков — и хотя Йенси ни разу не сделал ни выстрела, он не возражал. Ему удалось выпросить у Ланы «Рюгер Блэкхок-357 Магнум» для Олана, а потом в последний момент подменить его на «Смит-вессон 41 Магнум» с шестидюймовым стволом, ту же самую модель, что и у него самого. Теперь он носил револьвер в подобающей кобуре на поясе.

— Ого, Ки! — воскликнул Олан в благоговении, когда Йенси протянул ему револьвер. — Ты встаешь на ноги!

— Или на какую-нибудь другую часть моей анатомии, — улыбнулся Йенси. Повидаться с Оланом было приятно. — Я чуть не принес тебе с односторонним действием: совсем забыл, что ты привык к двустороннему, как и я. К нему два типа зарядов: один для мелкой дичи, 1100 футов в секунду, а другой — для того, что похлеще, как куэмлах, например: 1500 футов в секунду. Убойная сила у него неплохая, не то, что у «Магнума-44», конечно, но зато из этого вернее попадешь. Олан должным образом поблагодарил его и они завернули в «Загрида и Зеношу», где Йенси пришлось уклоняться от внимания его прежних подружек, попытавшихся утопить этого блудного сына в проявлениях своего внимания. Вернувшись в комнатку над стойлами, Йенси вздохнул. Когда он вернется в Нью-Йорк, ему наверняка будет не доставать старины Олана.

Одна из вещей, которые Олан сказал ему в этот раз, несколько поколебала его оценку Охотников Джундагая.

— Охота Рова Рангги, — произнес Олан, презрительно кривя губы. — На той неделе они устраивают облаву на человека.

— На человека?

— Ну да. Это же ясно. Мы тоже делаем это иногда, но совершенно по другим правилам, чем Ров Рангга, вырви Куанчи его черное сердце!

Когда Лана сообщила ему, что они отправляются охотиться на особую дичь, Йенси почувствовал тошноту. Потом, однако, она прибавила:

— На крагора. Быстрый и гибкий, с двенадцатидюймовыми клыками, которыми эти звери любят бить вверх, выпуская из тебя кишки. Когда такой на тебя бросается, весь — хищные челюсти да злобные глазки, ты должен уложить его с первого же выстрела.

— Я не слышал про такого. Олан их не упоминал.

— Они происходят из другого Измерения, называемого Венудайн. Чтобы перевезти их сюда нам на забаву, требуются немалые затраты.

Забава, насколько мог Йенси судить, когда кавалькада выступила на охоту, должна была проходить примерно в том же порядке, что и все остальные. Единственная разница для него заключалась в том, что ночью он навел Лану Кольтманн в ее палатке. Она, казалось,

никак не могла им пресытиться. Пока что это продолжало Йенси нравиться; впрочем, мысль о возвращении на Землю поддерживала в нем рвение, освобождая от необходимости притворяться.

Если он верно разыграет свои карты, то вернется в Нью-Йорк, к своей конторе. В эти дни Йенси почти не поминал недобрым словом свою недостающую четверть дюйма. Ему даже почти казалось, что он подрастает.

Вначале Йенси беспокоило, знает ли Бороз о происходящем, но вскоре он пренебрег проблемой белокожего великана. Когда Лана и Йенси сходились, Бороза никогда не оказывалось поблизости. На третий день охоты они пробирались по длинной неглубокой долине между изветренными обрывами. Долина сплошь заросла густой растительностью, защищенной здесь от ветра и обильно орошаемой рекой — как Йенси было сказано, прекрасное место для крагоров. Шагая с заряженной «Марлин-444» наготове, Йенси готов был поверить этому утверждению. Он непрерывно всматривался в каждое подрагивание листика, прислушивался к малейшему треску сучка.

К полудню Бороз и Йенси с идущей за ними Ланой оторвались от основной части охотников и пересекли речной рукав, выйдя на островок, где деревья достигали большей высоты и образовали над ними нечто вроде собора. Там встретил их Олан, совсем один, озадаченно качая головой.

— Мои загонщики, должно быть, пошли другим рукавом реки. Но здесь поблизости есть крагоры, я уверен. Вчетвером они оглядывали поросшее травой открытое пространство под покровом деревьев. В дальнем его конце появился человек. Он бежал, шатаясь в изнеможении, как пьяный, изорванная одежда на нем свисала лохмотьями. Ноги до колен были выпачканы в крови.

— Что за фраковщина здесь происходит? — бросила Лана.

Олан издал звук, выражающий отвращение.

— Ров Рангга, Куанчи его заberi! Этот человек — дичь на Охоте у Рова Рангги! Они это называют забавой. В дальнем конце открытого пространства появились люди и собаки — маленькие, судорожно передвигающиеся, преследующие с улюлюканьем шатающегося человека. Угрожающе блестело оружие. Йенси поднял было свою «Марлин», но Олан крикнул:

— Не надо, Ки! Это бесполезно!

— Спокойно, Йенси! — скомандовала Лана Кольтманн. — Если ты сейчас воспротивишься Охотникам Рова Рангги, то вызовешь свеженький конфликт между ними и Товом Буркой. И во всем обвинят меня.

Это было разумно — и все-таки, все-таки... Ведь этого бедолагу затравят псами до смерти. На его побелевшем, мучительно искаженном лице была написана мольба. Он воздел изможденную руку в просительном жесте. Йенси судорожно стискивал винтовку. Он чувствовал себя маленьким, бесполезным и в полной мере заслуживающим презрения.

— Помогите мне! — закричал беглец. — Помогите мне, и вас щедро вознаградят. — Он остановился, кашляя и тяжело дыша, и вновь побежал. — Графиня наградит вас богатством, какого вы и представить себе не можете!

— Что он такое говорит? — удивился Олан.

— А ты как думаешь? — кратко ответила Лана. — Просит о помощи.

Не в силах больше выносить этого, Йенси вскинул «Марлин», глянул в прицел и выбрал переднего пса, злобно обнажавшему белые клыки над вываленным красным языком. Пули взбили грязь у ног бегущего и он из последних сил рванулся вперед. Йенси не заметил, чтобы у него было какое-то оружие. Йенси мягко потянул за спусковой крючок, передний пес взвыл, взвился на задние лапы и был отброшен, кувыркаясь от удара большой пули в 240 гран весом.

— Недоразвитый! — вспыхнула Лана. Бороз выхватил у Йенси винтовку, прищепив ему палец и заставив вскрикнуть от пронзительной боли. Силище великана бесполезно было сопротивляться. Йенси с бранью сунул палец в рот. Псы почти уже настигли бегущего. Он

бросил отчаянный взгляд через плечо, закричал и снова ускорил бег. И вдруг между преследуемым и псами из ниоткуда появился человек. Ударил луч фиолетового света. Псы горели и обугливались. Все новые люди возникали из пустоты. Они появлялись, словно... И тут Йенси понял. Они проходили через Врата, они появлялись из других Измерений.

Он увидел человека огромного роста в каких-то черных доспехах, с мечом у пояса и с блестящей серебристой цепочкой, отходящей от левого запястья, ведущей к шее полуголой девушки... Увидел людей в синих рубахах и набедренных повязках, с красными платками, повязанными на агатово-черных волосах и с позванивающими в остроконечных ушах золотыми колокольчиками... Он увидел женщину, сплошь одетую в белое — в длинное белое платье, облаком окутавшее ее роскошное тело, с розовым бутоном рта и огромными голубыми глазами, драгоценностями, мерцающими в темных ухоженных волосах. Он увидел блестящую цепочку, прикрепленную к ее левому запястью и гротескного человечка, кривлявшегося на конце цепочки... Он увидел все это, попытался перевести дыхание и закашлялся.

— Графиня! — вскричал беглец громким, надтреснутым голосом.

— Ты же не думал, будто я бросаю своих друзей, верно, Грэхем? — спросила женщина сладким, как сахарный сироп, голосом.

Человек в черных доспехах и со свирепым лицом злобно засмеялся и выстрелил из своего энергетического оружия в охотников Рова Рангги — и охотники падали и корчились, обугливались и горели на траве под деревьями.

— Довольно, Вейн, — приказала женщина. — Соломон, немедленно доставь нас обратно. Достаточно с нас этого Джундагая. Пришельцы начали исчезать.

Йенси с ужасным криком бросился вперед.

— Зельда! Джорин! — вопил он.

Но прошедшие между Измерениями исчезали и задолго до того, как добежать до Врат, Йенси оказался одиноко стоящим на траве, глядя на пустое место.

Из Охотников Рова Рангги осталось в живых два человека, и эти двое убегали назад в гущу деревьев, будто за ними гнались все Псы из Хакимовой Ямины.

— Давайте уйдем из этого проклятого места, и поскорей, — лицо Ланы Кольтманн выражало бушующий гнев и изрядное беспокойство. — И чтоб никто из вас ни словечком обо всем не обмолвился.

Четверо быстро вернулись обратно по своим следам, перешли ручей и направились вдоль другого рукава реки, где вскоре воссоединились с остальными охотящимися, а также с крагорами. Но Лана, после того, как были убиты первые несколько зверей, отбыла вместе с сопровождающими в лагерь, сославшись на головную боль в ответ на заботливые расспросы Тая Бурки и бросив многозначительный взгляд Олану. Она не обращала внимания на нервное поведение Йенси и ничего не сказала о его криках.

Йенси же не мог забыть ту девушку, прикованную к великану в черной кольчуге. То была Зельда! Он был в этом совершенно уверен. И Джорин тоже находилась среди них, прикованная к нелепо разряженной фигуре академика. Он уверен! А может быть, и совсем наоборот. Но две девушки-Проводника там точно были, и Йенси чувствовал, как жесточайшее разочарование и возбуждение жгут его изнутри, словно огнем. Ведь он был тогда к ним так близко. А теперь, похоже, он вновь обречен гнить в Джундагае вечно. Он почувствовал облегчение, что Лана не призвала его в свою палатку той ночью. Он пролежал много часов без сна, без отдыха, ворочаясь и метаясь, весь кипя от разочарования и несбывшихся мечтаний, не желая посмотреть в лицо ожидавшему его будущему.

Глава 13

В тот же день, как они вернулись в Буркхольм, Фузи передала Йенси известие, не переставая при этом глупо хихикать и бросать на него искоса хитренькие взгляды. Он ласково потрепал ее по щеке, поблагодарил и послушно отправился в «Загрида и Зеношу».

— Конец нам, Ки, — сказал Олан, когда они уселись на выскобленную скамью, поставив перед собой меха с вином.

— Что такое?

— Да все эти двое из людей Рова Рангги, те, что спаслись, вырви им глаза Куанчи! Они нас заметили и донесли. Твоя госпожа, владычица Бурнташа, конечно, избежит неприятностей — она ведь очень влиятельна и к тому же клиент. Но нам с тобой крышка, Ки.

Первое, что заметил Йенси в своем товарище, было отсутствие матерчато-кожаной куртки с горделивым гербом Това Бурки. В этот недобрый день Олан, второй глава загонщиков, был одет поверх кольчуги в обыкновенную кожаную одежду.

— Что это все значит, Олан?

— Тов Бурка и Ров Рангга договорились между собой. Нужна жертва, какой-то козел отпущения... — Олан щелкнул смуглыми пальцами. — И это мы с тобой, Ки.

— Но ведь Лана, то есть моя госпожа, конечно же, вступится за нас? Олан весело улыбнулся.

— За тебя — может быть. За меня нет. С какой стати?

Йенси понял. Он не мог сказать Олану, что должен оставаться у Ланы, потому что это теперь его единственная надежда на возвращение домой. Однако даже эта надежда казалась тем призрачной, чем он больше об этом думал.

— Думаю, мне придется покинуть Буркхольм, — сказал Олан невесело, осушая свой мех.

— Обожди, — посоветовал Йенси. — Дай мне время до вечера.

Вечером он явился незванным в роскошную комнату за инкрустированной золотом дверью. Страж с орлиным лицом нехотя пропустил его. Лана лениво подняла взгляд.

— Ки! Как я удивлена. Я думала, ты уже бежал в горы.

Йенси разинул рот, будто какой-нибудь здоровяк вроде Бороза двинул его в солнечное сплетение.

— Я же не убивал всех этих типов с их псынами! — взвыл он.

— Неужели? — Лана изящно затянулась сигарой, выпустив пышную струю дыма. — Я объяснила все Тову Бурке и он смог уладить дело с Ровом Ранггой. Я знала, что ты пошел в город — Фузи славная девочка, хотя несколько недалекая — и должна признаться, что вовсе не думала тебя вновь здесь увидеть.

— Ах ты гнилая мелкая... — начал было Йенси.

Грудь Ланы поднялась и опала с силой, которая Йенси совсем не понравилась. Она ткнула в его сторону длинной сигарой.

— Ты всего лишь бедняга, заброшенный в чужом мире, Ки.

Нам с тобой было весело. Я не выдам тебя Тову Бурке. Но и не желаю, чтобы ты здесь впредь околачивался. Понятно?

— Когда-нибудь, Лана, мы с тобой еще встретимся. Быть может, тогда я dokonчу этот разговор, — Йенси подошел к шезлонгу, наклонился и разодрал на ней платье. Он стоял, глядя на ее роскошное нагое тело. — Следи за собой, дорогуша, — хрипло проговорил он. — Ты начинаешь толстеть. Йенси быстро вышел. Брошенная ему вслед сигара ударилась об инкрустированную дверь и осыпала ее дождем искр. Йенси направился прямо в оружейную, где снарядился с большим разбором. Он содрал с себя желтую рубашку служителя, нашел рубашку и штаны цвета хаки, прихватил запасные для Олана, еще раз все проверил, снял со стены меч и вышел. Ему пришлось оглушить двух стражников, которые поинтересовались, что это за... (далее следовало односложное ругательство) происходит. Из конюшни, находившейся под его комнатой, он вывел четырех первоклассных куорнов, одного оседлал, а остальных провел в поводу мимо пооткрывавших рты конюхов.

— Все нормально, — крикнул он им через плечо. — Госпожа об этом знает. Конечно же, она все знает. В «Загриде и Зеноше» он нашел Олана уже вспотевшим.

— Пошли, Ки. Я уж думал, ты никогда не придешь. Давай выбираться отсюда.

— Мне сдается, Тов Бурка, если он обязан тебе хоть какой-то верностью, не станет

чинить этому так уж много препятствий.

Олан хмыкнул, наполовину убежденный.

— Должно быть, ты прав. Иначе меня бы давным-давно арестовали. Но мы непременно должны убраться до восхода. Выйдя из таверны, Олан направился к своему куорну. Йенси вскочил в седло и Олан присвистнул.

— Да у тебя целый караван, Ки. Откуда?..

— Прощальный дар; откуп; подарок довольного клиента. А теперь поехали. Вместе они покинули Буркхольм.

Чуть позже, когда они ехали в прохладной ночи, а обе луны уже стояли высоко в небе, Олан сказал:

— Я, по-моему, догадался, почему этот здоровенный злодей в черных доспехах перебил всех людей Рова Рангги, — он довольно хихикнул. — Не скажу, чтоб я против этого возражал...

— Так почему?

— Его зовут Вейн и он клиент Рова Рангги. Каким образом он этак вот неожиданно появился, я не знаю. Наверное, они все ждали на охоте в засаде, а потом все пошло наперекосяк. Йенси легко мог понять нежелание Олана признать то, что он видел своими глазами. Для него люди просто не могут появляться из ниоткуда. Он же не знает об Измерениях.

— Ну, двое из них спаслись. Так что Вейну придется кое-что объяснить.

— В этом-то, должно быть, все дело, — кивнул Олан. — Он переложил на нас вину.

Они ехали рысью в ночи, и Йенси предоставил Олану выбирать направление. Это его мир, и он лучше знает, какой путь теперь предпочтительней. Когда они оставят позади любое преследование, что, насколько Йенси понимал ситуацию, будет достаточно легко сделать, он собирался разыскать Вейна в замке Рова Рангги. Следовало получить ответы на кое-какие вопросы, и этому жестокому верзиле в черных доспехах ответы были известны.

Некоторое время они ехали молча, потом Йенси с деланной небрежностью спросил:

— Скажи, Олан, ты, кажется, не очень расстроен, что покидаешь Буркхольм? Я хочу сказать — это ведь, все-таки, твой дом.

Олан покачал головой.

— Это не дом для меня с тех пор, как похитили Олзари.

Мне кажется, сейчас у меня по-настоящему нет дома. Поэтому я так ценил свободную жизнь загонщика. У меня есть мой куорн, мой меч и моя свистулька. Этого достаточно.

— Значит, ты не возражал бы вовсе покинуть эти места?

— Не возражал бы. Да похоже, что все равно придется, возражаю я или нет.

— Золотые слова, — согласился Йенси, встряхивая поводьями.

Они ехали большую часть ночи — небыстро, щадя куорнов, но и не останавливаясь, пока, наконец, Олан перед рассветом не нашел укромную полянку в лесу, поодаль от проезжей дороги, где можно было привязать животных и подумать о еде. Костер они погасили, как только испекли на нем лепешки из мягкого теста. Усевшись поудбней и чувствуя, как уходит из души горечь, Йенси хотел еще попытать Олана об его чувствах. Но Олан закрыл глаза. Потом, открыв их, он сказал:

— Если ты в самом деле хочешь найти этого Вейна в замке Рова Рангги, значит ты или дурак, или идиот. Однако, поскольку я, видно, идиот не меньший, я к тебе, пожалуй, присоединюсь.

— Да не надо, Олан. Я просто...

— Хватит. Скажу тебе, однако, вот что. Про замок Рова Рангги и город Рангхольм поступали странные сообщения, которые, по-моему, связаны с диковинными предсказаниями знахарей. Я слышал, как один человек рассказывал, будто он видел в Рангхольме человека с головой, сделанной из золота.

— Голова из золота? Да брось, Олан!

— Так он сказал. Человек в иноземном костюме и со сверкающей золотой головой.

— Кому другому рассказывай, — Йенси откинулся спиной на ствол дерева. — Если ты идешь со мной в Рангхольм, нам надо поделить оружие. У меня есть здесь, из чего выбрать, старина.

Олан кивнул.

— Такое оружие я видел в руках у охотников, у клиентов.

Мне и не снилось, что сам буду таким пользоваться.

— Я выбирал земное оружие, то есть, тьфу... ну, такое оружие, которое нам понятно, — Йенси сделал оговорку, но выкрутился и продолжил:

— Вот это «Марлин-444». Настоящая красotka. Стреляет пулями для «Магнума-44» с мягким концом, в оболочке, по 240 гран весом. Скорость 2400 футов в секунду. Не слишком быстро. Отличная тяжелая пуля, кости ломает, — Йенси вспомнил огромный «Уэсли Ричардс» Бороза и улыбнулся.

— Прекрасно! — воскликнул Олан, с энтузиазмом оттягивая затвор.

— И еще я прихватил пару дальнобойных — для начала. Вот это «Уэзерби Марк-5» с прикладом «Монтекарло». И с прицелом «Леопольд X-4». И с подушкой от отдачи «Пачмайр». Целая пушка, да и только.

Олан удивленно присвистнул.

— Да, — сказал Йенси с несколько преувеличенной воинственностью. — А вот старушка Каллипсия Кольтманн держит их в чулане вместе с бумерангами и метательными копьями.

— А вот это? — спросил Олан, не обращая внимания на последнее замечание Йенси. Он был занят делом, совершенно пропуская мимо ушей то, что говорил его не так давно обретенный товарищ, чем немало забавлял последнего. На сей раз он выбрал горизонтальную двустволку «Босс-12».

— Ну, надо же было прихватить дробовик, — ответил Йенси. — А самые лучшие из них — английские. Чуть не взял автозарядник «Браунинг», но ведь мы же в диких местах и... ну, неважно.

Не выдержав, Йенси засмеялся, глядя на Олана, озиравшего оружие, составляющее поистине крезово богатство для этого простого, необразованного человека.

— Рыжему Хакиму ведомо, что не бывает одного ружья, идеального во всех отношениях. Но мы же не можем таскать с собой «Харперз Ферри» и «Спрингфилды». Так что мне пришлось быстренько выбрать, что попало под руку; я как раз торопился.

— А вот эти?

Улыбка Йенси сделалась еще шире.

— Пара молотилок может понадобиться, если мы встретимся с враждебно настроенными личностями, — с этими словами он похлопал по прикладу «Томсона». — Я же не знаю, во что мы можем ухитриться влипнуть.

Он показал Олану, как управляются с автоматом.

— Это для горяченьких ситуаций, Олан. Остальное все — просто развлечение.

Когда вечером они оседлали куорнов и приготовились ехать, Олан сказал:

— Так ты действительно собираешься в Рангхольм?

— Да.

Олан кивнул и втянул щеки. Борода его ошетичилась.

— Очень хорошо. Тогда с этой одеждой цвета хаки, которую ты принес, с куорнами и с таким количеством ружей мы вполне сможем сойти за клиентов. Не думаю, что кто-нибудь меня или тебя узнает. Мы же, в конце концов, были незначительными личностями — загонщик и оруженосец, — он задумчиво хлестнул куорна поводьями. — Главная проблема — деньги.

— Как всегда.

Они ехали дальше, направляясь к Рангхольму.

— Можем продать «Босс-12». За него дадут хорошую цену.

Сможем продержаться то время, какое нам нужно.

— Нужно для чего?

— Я должен поговорить с этим Вейном. Он знает кое-что, что я хочу выяснить. Я тебе все объясню, когда он объяснит это мне. Идет?

— В данное время, — со спокойной иронией сказал Олан, — у меня никаких других планов нет.

По мере того, как они продвигались на запад, характер местности изменялся. Пышная растительность редела, земля становилась суше и тверже.

— Мы сейчас проезжаем вдоль края диких земель, — заметил Олан. Теперь они были уже уверены, что никакие преследователи их не нагонят, и поэтому ехали днем, а спали ночью. — Когда мы встретили Охотников Рова Рангги, они уже забрались далеко-далеко. Я думаю, этот человек, за которым они охотились, должен быть просто исключительным, чтобы так долго держаться.

— Или еще что-нибудь им помешало, добавил Йенси. Он беспокоился из-за того, что слышал когда-то от девушек, Джорин и Зельды. Что-то насчет Джундагая и разведки в нем. Конечно, они ведь дали ему много информации. Они упоминали какую-то графиню, не так ли? Злую графиню? Ну, она ведь явилась из ниоткуда, чтобы спасти того бедолагу, так что сам Йенси к ней относился довольно благожелательно. Перелески сгустились и стали лесом, а на горизонте с юга начали подниматься горы. Олан с Йенси пробирались лесными долинами и прогалинами, оставив пустыню позади и к северу от себя. Наконец они выехали в прерию с отдельными купами деревьев и ленивыми реками, ярко блестящими под солнцем Джундагая. Олан глубоко вздохнул. Приподнялся в седле. И показал вперед.

Йенси кивнул.

— Вижу. Чертовски огромный замок на скале, а внизу город. Рангхольм?

— Да. Рангхольм.

— Помни, Олан. Как бы ненавистны ни были тебе эти люди, как бы ты ни стремился уничтожить их всех — мы играем роль клиентов. Мы должны вести себя любезно.

— Знаю. Это будет нелегко. Но я не сниму свою винтовку с предохранителя.

Йенси вспомнил об автоматах и вздохнул. Но если ему придется использовать эти автоматы против Охотников Рова Рангги, поколеблется ли он?

Он вспомнил о человеке, бегущем с окровавленными ступнями, вспомнил его отчаянное лицо, лай псов и кашель винтовок этих людей из Рангхольма и решил, что, может быть, этот набор образов придаст сил его пальцу на спусковом крючке. Они въехали в Рангхольм массивными каменными воротами под аркой, где скалились в гротескном веселье ряды резных каменных черепов.

Они выбрали для этого час перед самым приходом ночи. Им удалось найти таверну с конюшней для своих куорнов и, не выпив ни капли, они прошли в верхние комнаты. Револьверы они держали под рукой, дверь заперли на засов и отошли ко сну, уверенные в том, что прошли первое испытание в качестве простых клиентов Охотника Рова Рангги.

Глава 14

Ки Йенси, так и не приобретший упрямо недостающей четверти дюйма, покончил для себя с охотой. Он любил огнестрельное оружие за точность в работе, за требования, которые оно предъявляло к уму того, кто им пользовался, чтобы достичь в стрельбе наилучших результатов. Но он не желал иметь с ним ничего общего, если это нужно для убийства животных. Конечно, он мог бы завалить загрида или быко-питона, если это животное терроризирует простых крестьян, но убийство ради забавы для Йенси больше не существует. Теперь ему предстояло посмотреть в лицо тому неприятному факту, что он должен заполучить Джорин и Зельду, что на пути его будет стоять Вейн, что Охотники Рова Рангги постараются вмешаться и что ему, может быть, придется стрелять, убивая не животных, но людей.

Вот только люди, в отличие от животных, тоже будут стрелять в ответ.

Олан на следующее утро прибежал в их комнату, широко улыбаясь.

— Я продал дробовик. Ну и сенсацию же он произвел! Теперь у нас достаточно денег, чтобы некоторое время жить с удобствами. Конечно, если его увидит кто-нибудь из людей госпожи...

— Я собираюсь к тому времени закончить свое дело. Я беспокоюсь лишь о тебе, Олан. Олан продолжал улыбаться.

— Обо мне можешь не беспокоиться. Я знаю, что Олзари ушла навсегда, на этот счет у меня нет романтических иллюзий. Но если я смогу нанести хороший удар людям Рова Рангги, то буду счастлив. А потом — ну, Джундагай большой и хорошие охотники в нем всегда нужны.

— Вот славный мальчик, — одобрил Йенси. Однако продолжал беспокоиться.

На следующий день они познакомились с городом и видели множество Охотников и их клиентов. Одетые в хаки, с бронзовыми, бородатыми лицами, они не вызвали никаких разговоров. Очевидно, в Рангхольме клиенты были куда более разнообразными, чем в Буркхольме. Йенси видел мужчин и женщин, которых можно было назвать людьми лишь с большими оговорками, и дивился на спокойствие, с которым принимали их обитатели города. Как видно, решил он, и здесь бизнес есть бизнес. По городу ходили странные слухи. Люди видели, якобы, тревожные знамения. По ночам над землей проносились диковинные создания. Все ждали, что на город обрушится какая-нибудь ужасная катастрофа. Йенси приписывал это все Вейну и его деятельности среди Измерений. Они прошли по Клиентовскому Ряду Рангхольма.

— Если мы хотим играть по правилам, Ки, нам нужно повидать Рова Ранггу и снять здесь виллу. Это потребует куда больше денег, чем мы выручили от продажи ружья. Но Йенси хотел приступить к делу иначе. Девушки все рассказали ему об этих блестящих цепочках, которыми они были прикованы к академикам. Когда он увидел наконец Вейна, с высокомерным видом входившего в таверну высокого класса недалеко от центральной площади, то вовсе не удивился, что цепочки на Вейне не было. Очевидно, верзила, сопровождаемый группой пьяных и заигрывающих с девицами спутников, вышел на вечерние развлечения и пьянство. Йенси кивнул Олану.

— А теперь мы будем весьма любезны с этим властапрангом, — сказал он, хихикнул, подавил смех и решительно шагнул в таверну.

Вейн и его дружки расселись за широким столом у окна, смеялись, шутили и бражничали, вытянув ноги в высоких сапогах на посыпанный песком пол. Девушки-подавальщицы сбивались с ног, выполняя их заказы: поднося меха пенной браги, нагромождая на блюдах горы мягких лепешек. Кроме того они смеялись, хихикали, подставляли свои зады для щипков и явно готовы были на любые услуги. Очевидно, Вейн платил хорошо.

— Я ни слова не понимаю из того, что они говорят, — пробормотал Олан, когда двое товарищей нашли себе место в уголке потемнее.

Йенси осторожно приподнял обруч переводчика. Люди, сидящие у окна, говорили на шипящем наречии, состоящем из односложных слов, которого он не понимал — за исключением одного человека с гранитным лицом, щеткой серо-стальных волос, скорбно опущенными уголками рта и широкими квадратными ладонями, которыми он ласкал автоматический «Кольт» у себя на поясе. Этот человек говорил по-английски. Йенси словно электрическим разрядом прошило. Вот как! Он вновь натянул обруч поглубже на голову, так, чтобы его прикрывали пышные волосы, и прислушался к ленивой беседе. Он рассудил, что эти люди носили переводчики «Марк Четыре» — вероятно, преднамеренно, чтобы им можно было разговаривать между собой, а жители Рангхольма их в то же время не понимали. Может быть, у них даже совсем новая модель, какой-нибудь «Марк Шесть», которая позволяет им включать или выключать перевод по необходимости. Вейн, кажется, достаточно важная личность, чтобы обладать таким правом. Он был по-прежнему одет в черное: куртку, штаны и высокие сапоги, однако свои грозные черные доспехи скинул перед

ночным кутежом.

Веселье пирующих заметно контрастировало с общей атмосферой тревоги, пропитавшей беззаботную, в общем, жизнь обитателей Рангхольма. Эта тревога стала в последнее время распространяться на другие охотничьи холмы; все верили, что какой-то страшный рок навис над Джундагаем. Из странного многозначительного замечания, оброненного в общей болтовне приятелей Вейна, Йенси вывел несколько интересных заключений. Эти люди работали на Вейна на основе личной верности и, судя по тому, что они говорили, хотя они в самом деле почитали и боялись графиню, но преследовали в этой игре главным образом свои личные цели. Они выполняли какую-то работу для графини. То были в самом прямом смысле слова кондотьеры, наемники, люди, согласные сражаться за плату.

Они происходили из множества разных Измерений. Они прибыли сюда, в Джундагай, чтобы раздобыть для графини нечто, небрежно называемое ими ВЖП. Вейн должен был дожидаться наступления определенного времени, а потом пойти в замок Рова Рангги и забрать этот загадочный ВЖП. Йенси потихоньку пил и прислушивался. Олан тоже пил и глазел на девушек. Йенси, далее, заключил, что в этих людях просыпается нетерпение. Они хотели действовать. Они, кроме того, считали, что их слишком мало, чтобы наверняка прорваться в замок, преодолев сопротивление охотничьих сил Рова Рангги. Все, что осталось после этого сделать Йенси — это правильно разыграть свои карты, и он сможет добиться своего. Как только представилась возможность, он дал аккуратную подножку девушке-служанке, возвращавшейся снаружи, так, чтобы вино из кувшина, который она несла, выплеснулось на колени человеку, говорившему по-английски.

— Ах, ты, тупой ублюдок! — взревел этот джентльмен, вскакивая и безуспешно пытаясь вытереть рубиновое пятно. Девушка в ужасе закрылась руками.

Йенси вскочил, вынимая из кармана платок.

— Тысяча извинений, друг мой! Это моя вина, я от всего сердца прошу прощения! Прошу вас, позвольте мне вновь наполнить вашу чашу — а за одежду я, конечно же, заплачу... Десять минут спустя все они, уже в компании Олана, смеялись, орали и заливали в себя хмельное. Йенси не упустил из виду, что каждый незаметно поднес руку к голове и пошарил пальцами в волосах, несомненно, для того, чтобы переключить переводчик и сделать свои речи понятными для слушателей. Определенно, «Марк Шесть».

— Мы прибыли сюда поохотиться, — экспансивно объявил Йенси, стараясь подражать поведению Роки. — Но это чересчур нудно. Мы были бы не прочь поучаствовать в чем-нибудь более энгергичном, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Мы как раз знаем, где найти нечто подобное, — ответил землянин, представившийся как Трэверс, но имени не назвавший. Он хрипло засмеялся. — Эй, Вейн, как насчет того, чтобы принять этих двоих? Они с виду ребята довольно крепкие, и пушки при них.

Йенси едва мог поверить, что все прошло так гладко. Он не переставал тревожиться весь остаток буйного вечера и даже хихикающий Олан не мог полностью его успокоить. Такие вещи никогда не бывали легкими для Ки Йенси с его недостающей четверть дюйма — не бывали, и он просто не мог поверить, что когда-нибудь будут.

— Мы с тобой угодили в банду, Ки, вот и все, — Олан зевнул. Они уже вернулись в свою комнату. — Что за вечер! Они замышляют какое-то разбойное дело. Должен признаться, что не имею ни малейшего понятия, чего ты хочешь добиться, но...

— Но мы участвуем в этом деле, Олан! Вот и все.

— Они имеют вид довольно злобной компании. Но вот тот, которого называют Трэверс, он что-то совсем особенное.

— Да. По-моему, он собирался сначала выстрелить, когда я облил его вином, — Йенси уронил голову на подушку и поворочался, устраиваясь поудобнее. — Спокойной ночи, Олан. Завтра узнаем больше.

— Если они намерены совершить налет на Рова Ранггу, то я в любом случае участвую. Да, клянусь Куанчи! Спокойной ночи!

За последующие дни Йенси хорошо понял, отчего этих людей так раздражает задержка. Он не знал, что именно нужно им в замке Рова Рангги, что это за загадочный ППЖ, и, в общем, знать не хотел. У него была своя цель — а точнее, целых две симпатичных цели — и он пообещал себе, что сделает что угодно, лишь бы освободить их от Вейна. Должно быть, девушек держали на вилле Вейна в Клиентовском Ряду, потому что Йенси ни разу не встретил их в Рангхольме. Мысль о том, чтобы ворваться туда, он отверг сразу же, так как это место слишком хорошо охранялось.

Люди, наиболее близкие к Вейну, такие, как Трэверс, как Чи'инг Парва и бронзовокожий гном с рыжими волосами, которого остальные называли Стрыка, держали рот на замке относительно своих планов, однако все они, казалось, стремились нанять побольше людей. За следующие несколько дней были завербованы еще трое или четверо закаленных вольнонаемных охотников и загонщиков, и Йенси перестал беспокоиться о слишком легком своем и Олана проникновении в банду. Он был в достаточной степени реалистом, чтобы понимать, что когда дело будет сделано, Вейн со своими присными тотчас бросят наемных помощников на произвол судьбы.

Раз или два Йенси испытывал вспышки внезапной тоски по дому, думая о Земле и о том, где он теперь находится относительно Соединенных Штатов. Каждый раз, когда они перемещались по Измерениям физически, а не прыгая из одного мира в другой, то неизменно двигались к западу и толику южнее. Раздумывая над этим и чувствуя облегчение, что они не направились на восток — это означало бы, что переместившись на Землю, он окажется где-то над Атлантическим океаном — Йенси решил, что должен сейчас находиться где-нибудь в Миссури, даже, может быть, возле самого Канзас-Сити. Боль в натертом о седло задю служила хорошим подтверждением пройденных миль. На сей раз ему не хотелось держаться прямолинейной линии поведения, какую Йенси принял в отношениях с Ланой Кольтманн (которую он редко вспоминал в эти дни), и сообщать Вейну, что он — путешественник между Измерениями. Случай был совсем другой. Вот только Олан — Йенси снова и снова ломал голову над судьбой, ожидавшей этого крепкого, бородатого человека со скорбью в душе и с губной гармошкой. Вейн назначил в полночь сбор, на котором все должны были проверить оружие, и был достаточно хитер, чтобы местом его проведения выбрать заброшенный и покосившийся старый амбар на окраине города, чтобы в Клиентовском Ряду не заметили ничего неподобающего. Таким образом от Йенси ускользнул еще один шанс. Широкоплечий, бронзовокожий карлик Стрыка был ошеломлен автоматами Йенси и Олана. Он ласкал их с таким видом, словно то были не железные орудия убийства, а танцовщицы, исполняющие зажигательный танец живота.

— Они нам самим нужны, Стрыка, — сухо заметил Йенси.

Карлик нехотя вернул автоматы. В амбар вошел Трэверс, его малосимпатичное лицо светилось эмоциями, которые Йенси нашел отвратительными. Посмотрев на наемников, он сделал знак Вейну, а потом пошарил пальцами в волосах. Вейн сделал то же самое.

— Ну?

— Известие поступило. Графиня подтверждает. Чернок перешел. Завтра ночью. В Дуросторуме их крепко потрепало и до сих пор все висит на волоске. У них были затруднения с поиском подходящих Врат. Чернок точно знает, что делать...

— Да уж он должен бы, — буркнул Вейн. — Мы здесь ждем и держим ВЖП под наблюдением, пока не настанет нужное время. Да еще приходится дожидаться, пока они достанут, что следует, в Дуросторуме.

Йенси, прислушиваясь, испытывал спокойное удовлетворение. Они, конечно, не имели ни малейшего представления, что он способен их понимать, и ему приходилось прилагать усилия, чтобы его лицо сохраняло бесстрастное выражение. Но пока будет продолжаться вся эта дурацкая затея с загадочным ППЖ, ему должен подвернуться случай похитить Зельду и Джорин! Наверняка подвернется, во имя всех Псов Рыжего Хакима!

— Как только Чернок там все закончит, мы переносимся к нему. Ров Рангга будет недоволен — ха! — да он просто посинеет от злости! Мы даже могли бы пробиться, но

перенестись в Дуросторум будет легче и чище.

— Факт.

Трэверс поглядел на охотников, чистящих и смазывающих оружие в старом амбаре, и его унылый рот изогнулся в гримасе гротескного удовольствия.

— Утрясать делишки с Ровом Ранггой мы оставим этих недотеп. Прямо жаль, что нельзя будет посмотреть на это. Вейн засмеялся своим мерзким наждачным смехом и Йенси еще раз осознал, до чего они с Трэверсом милая парочка. Вейн переключил обруч-переводчик, созвал всех вместе и кратко изложил план.

— Мы отправляемся в такое место, что вы, может быть, удивитесь. Но я выбрал вас, как людей, которых не так легко испугать. Когда мы окажемся в замке, добычи хватит, чтобы сделать вас богачами до конца жизни. — При этих словах охотники, носильщики и наемники довольно засмеялись. Бедные обманутые простофили, подумал Йенси с жалостью и презрением. — Стреляйте без колебаний. Ров Рангга никого из вас не помилует, если вы попадетесь. Если же вы меня подведете, то можете быть уверены, что я тоже не пощажу.

Если кто-нибудь из этих людей, похожих на волков, и подумал о том, как они будут выбираться из замка Рова Рангги, то вслух они этот вопрос не произнесли. Очевидно, они предполагали, что выйдут примерно так же, как и войдут. Никто из них не знал об Измерениях.

На следующий вечер они собрались в гараже, примыкавшем к снятой Вейном вилле. Лишь одна луна разливала в небе лимонно-желтый свет, отчего все казалось призрачным и умытым. Каждый предмет окаймлял дрожащий ободок света. Люди молча погрузились на средство транспорта, которое Йенси поначалу принял за автобус «Грейхаунд». Его заблуждение было рассеяно отсутствием колес. Однако, он сел на плюшевое сиденье рядом с Оланом, напряженно подался вперед, а потом вздрогнул, когда автобус снялся с места и бесшумно поплыл по воздуху.

— Что!.. — начал было Олан.

— Все нормально, — презрительно бросил Трэверс. Пассажиры успокоились. — Мы полетим, чтобы побережь ваши ноги.

— Это, должно быть, один из летающих экипажей, — выдохнул Олан.

— Да, — коротко ответил Йенси.

Олан настоял, чтобы каждый из них взял «Уэзерби Марк V Магнум-300», и винтовки были сейчас брошены у них за спину, так что руки оставались свободными для автоматов. Ноги Йенси подгибались под весом снаряжения (он до сих пор дивился, какое количество набрал в тот набег на оружейную Ланы Кольтманн). Да, в ту ночь старина адреналин сильно бежал по венам, да и сейчас он уже начинал подкачиваться в кровеносную систему. Автобус плыл сквозь ночь в сиянии одинокой желтой луны. Земля лежала внизу, темная и чужая. Впереди, рядом с креслом водителя сидел человек, которого Йенси до сих пор не видел — невысокий, коренастый, толстый человечек с пышными белыми кудрями и круглым луноподобным лицом, залитым потом. Йенси мрачно заметил, что он прикован к Чи'ингу Парве одной из этих блестящих цепочек. Отчаяние обрушилось на Йенси. Он то ждал... Потом он увидел, что цепочки отходят также от Вейна и Трэверса и ведут к двум фигурам, завернутым в мрачные черные плащи, совершенно скрывающие их внешность. Йенси отчаянно вглядывался вглубь неосвещенного прохода летательного аппарата. Не Зельда ли и Джорин — эти загадочные фигуры? В горле пересохло, спина зудела. Он ставил на то, что девушек-Проводников непременно возьмут на дело, а теперь вот еще и этот третий... Поступательное движение замедлилось и машина опустила на землю.

— А ну, валяйте, делайте дело, глупые стихлы! — прокрипел Вейн. — Все вместе, если уж иначе у вас не получается. Йенси почувствовал толчок.

Значит — слабые Врата.

Но в то же время — достаточные, чтобы пропустить летающую машину с двумя десятками сорвиголов внутри. Машина полетела обратно, и на этот раз в небе сияли три оранжевые луны, а в воздухе пахло сандаловым деревом. Йенси с приступом животного

страха понял, что они перемещаются в ином мире... Когда машина остановилась в следующий раз, последовали некоторые препирательства относительно того, как ее расположить. Сиденья под ними вздрогнули — машина чуть-чуть переместилась. Наконец...

— ПОШЕЛ!

Каждый раз, когда они переносились из одного Измерения в другие, Йенси испытывал приступы тошноты. Он судорожно разинул рот, а потом выглянул в окно и увидел каменные стены, гобелены и высокий крестовый свод.

— Всем выходить! — бросил Вейн и, дернув за цепочку, выпрыгнул из летающей машины. Все последовали за ним. Они стояли в сводчатом проходе под угрюмым замком Рова Рангги.

Йенси вынужден был признать, что Вейн отлично все организовал. Налетчики, должно быть, предполагали, что их доставили сюда обычным способом, проникнув через какие-то тайные ворота в стене над рвом. Теперь они следовали за Вейном, ведущим их по коридору. То, что случилось в действительности, выходило за пределы их понимания.

— Если что-нибудь шелохнется, — произнес Вейн освященную временем формулу, — стреляйте!

Пытаясь держаться поближе к переднему краю, чтобы можно было перехватить хоть какое-то словечко, какую-то весточку от этих двух загадочных фигур, Йенси оказался поневоле подгоняемым вперед напором людей, бегущих рысцой по каменному полу. Олан держался с ним рядом. Они бежали молча. Возле первой ведущей вверх лестницы к ним внезапно обернулись два стражника — обернулись и умерли. Налетчики бежали дальше. Они продвигались все выше и выше. Гроза наконец разразилась. Теперь Охотники Рова Рангги знали, что к ним вторглись незваные гости. Коридоры кишели охранниками. Пышно обставленные комнаты и залы наполняла кислая пороховая вонь и вспышки выстрелов. Трое или четверо налетчиков пало. Остальные бежали дальше, подгоняемые проклятьями и ударами Трэверса, бросая раненых. Они высыпали в длинный коридор, вдоль которого шли узкие окна и высокие двери. Вейн бросился к двери, на которой стоял символ — скрещенные секиры — лучше всех замков и засовов указывавший на то, что вход туда воспрещен.

Оружие Вейна исторгло фиолетовый луч высокой разрушающей энергии, прошивший насквозь замки и засовы. Пинком обутой в сапог ноги Вейн распахнул дверь внутрь. Трэверс поспешно упал на колено, дернув вниз за цепочку фигуру в черном плаще, и дал внутрь длинную очередь. «Шмайссер» в его руках истерически заливался. Трэверс опустошил магазин и крикнул:

— Автоматчики!

Йенси с Оланом прыгнули вперед. Из рваного отверстия валил дым. Внутри двигались какие-то фигуры. Стрела пурпурного пламени развалила архитрав, обрушив вниз беспорядочный град оплавленных камней. Олан не колебался. Автомат грянул в его руках. Йенси прицелился пониже и дал очередь. Потом Трэверс вставил новый магазин, «Шмайссер» в его руках вновь ожил, а Стрыка, пригнувшись совсем уж низко, метнулся внутрь, молотя из своего «Кольта-45». Все ворвались в комнату. Дым развеивался. Один или два человека кашляли, но живых в этой комнате кроме налетчиков не осталось. Вейн выкрикивал приказы. Несколько человек побежало охранять вышибленную дверь. Йенси посмотрел на то, что осталось от находившихся в этой комнате. Люди с гордыми и суровыми лицами, одетые в куртки с высокими воротниками, на которых вышиты драгоценностями магические узоры, сейчас, впрочем, покрытые пятнами и разодранные спереди. Мертвые ладони бессильно роняли энергетические пистолеты с решетками на стволах и коническими ствольными коробками. В общей суматохе Йенси поднял один и сунул под рубаху.

Олан прошептал:

— А это-то что такое, во имя Куанчи?

Йенси посмотрел. «Это» было отверстием в стене фута в два шириной и пяти футов в высоту, плоскостью абсолютной черноты, немыслимой пустотой. Кабели соединяли ее со стоявшим на столе пультом управления размером с магнитофон. Где-то гудели мощные

генераторы, так что пол сотрясаясь под ногами. От этого мрачного аппарата зябко веяло безразличной ко всему мощностью.

Вейн и Трэверс обратили неразбериху в порядок. Были поставлены люди, чтобы охранять коридор. Маленький толстячок с белыми кудрями, прикованный к Чи'ингу Парве, а стало быть — Привратник, в раздумье водил руками по пультам управления.

— Это он, — кивнул человечек и хихикнул. — Тот сликоттер говорил правду. Графиня будет довольна. Это — Врата Жизни Порвонов.

— Отлично, Харллон. Сейчас ничего не делаем, пока Чернок не устроит все на своем конце. — В своих черных доспехах Вейн выглядел огромным и подавляющим. Он обнажил меч. — В Дуросторуме культура, ориентированная на меч, так что будьте готовы. А Чернок лучше пусть поторопится.

— Ров Рангга, должно быть, собирает людей, чтобы вышибить нас отсюда, — сказал Трэверс и похлопал по своему «Шмайссеру». — Ну что ж, пусть приходит. Несколько мгновений спустя черное отверстие, ведущее в пустоту, заколебалось, замерцало и несколько пригасло, так что Йенси показалось, будто он может различить просвечивающие сквозь него камни стены. Трэверс шумно выдохнул из себя воздух.

— Чернок сделал это! — проскрежетал Вейн. Он дернул за блестящую цепочку. — Теперь вы, глупые стихлы, не так уж будете нужны графине!

Фигура в бесформенном черном одеянии изогнулась и упала. Вейн свирепо дернул за цепочку. Пронзительный крик, мелькание белых рук и ног, и Зельда оказалась распростертой на полу поверх распахнутого черного плаща. Вейн выругался, повернул рычажок и Зельда содрогнулась, грудь ее натянула тонкую белую материю блузки, руки и ноги напряглись, а тело выгнулось в агонии.

Йенси бросился вперед, толкнул Вейна и попытался выхватить у него браслет с цепочкой. Вейн зарычал и ударил его тыльной стороной ладони по лицу. Йенси почувствовал, что его губы разбиты в кровь. Он ударился спиной о стену и услышал звон в голове. Выплюнув кровь, он попытался подняться, и тут Трэверс продемонстрировал ему дуло своего «Шмайссера».

— Тупой ублюдок! — с удовлетворением сказал Трэверс. — Так в чем твоя игра, приятель?

Йенси покачал головой. Он все испортил! Все сделал не так, как надо. При виде распростертой Зельды он утратил всякий самоконтроль. Он вновь попытался встать, но Трэверс толкнул его вниз стволом автомата.

— Говори, приятель. Расскажи нам, что здесь к чему, а потом мы тебя убьем, но не до конца, и отдадим Рову Рангге!

Глава 15

Йенси понимал, что он все разрушил. Ствол «Шмайссера» ткнулся в его лицо и, отдернув голову, Йенси вновь ударился затылком о стену. Перед глазами его плясали разнообразные созвездия. Он чувствовал тошноту. Винтовка бесполезно висела у него за спиной, а автомат валялся на каменном полу. Задолго до того, как Йенси сможет выхватить свой «Смит-вессон» или странное энергетическое оружие, спрятанное у него под рубашкой, он уже будет мертв, прошитый пулями «Шмайссера». Карлик Стрыка держал под прицелом Олана. Олан не шевелился. Но глаза его... в его глазах светилось глубокое и жадное обещание.

Зельда вновь застонала и начала подниматься. Она увидела Йенси.

— Ки! — на ее побелевшем лице читались замешательство и непонимание. — Как, как ты здесь оказался? Трэверс засмеялся.

— Ты понял, Вейн? Это, должно быть, тот парень, которого дикари тогда видели вместе с двумя Проводницами. Знаешь, Вейн, а ведь этот остолоп, должно быть, и правда собирался их спасти!

При этих словах Вейн, Трэверс и остальные отвратительно засмеялись.

— У нас был для выполнения этого задания собственный Проводник — Харллон. Но получить в подарок еще парочку — двух Проводниц, сбежавших из Академии — пойманных дикарями под командованием матросов графини, — это же была просто прелесть. А теперь, — Вейн снова хихикнул, вращая своим мечом так, что сталь рассыпала во все стороны блики, — а теперь мы поймали еще и вас двоих.

Йенси облизал губы и прошамкал:

— Нет! Олан здесь ни при чем. Он ничего не знал.

— Но ты-то знал, гад?

Йенси не ответил.

В двери просунул голову бандит, стоявший на страже.

— Они валят сюда, и очень шустро. Ров Рангга собрал сотни людей... — Тут он добавил, с таким видом, будто эта мысль пришла ему в голову впервые:

— Как мы отсюда выберемся?

Вейн презрительно бросил через плечо:

— Выберемся. Прорвемся. Бери, что хочешь. Весь замок твой — грабь. Но не раньше, чем я подам команду.

— Конечно... но...

— Никаких «но», дружок. Возвращайся на пост.

Чи'инг Парва поднял взгляд от пульта управления, на котором его привратник, толстячок Харллон, что-то деловито переключал.

— Все готово, Вейн.

Трэверс с усмешкой смотрел на Йенси. Джорин на конце его цепочки усталым жестом откинула черный капюшон, опустошенно глядя на Йенси, Олану и Зельду. Ее мягкие губы были безвольно распущены от сознания поражения, глаза туманились.

— Там и правда становится горячо, Вейн, — сказал гном Стрыка. — Лучше бы нам...

— Да, Стрыка! Когда я скажу, так и сделаем. Убери свою пушку. Все спрячьте оружие. Приготовьте мечи. Помните, что нам говорили о Дуросторуме.

Когда Вейн потащил Зельду к Вратам, из тех уже исчезли все следы черноты: Харллон закончил свое дело. Теперь на ее месте была видна обычная каменная стена. Но Йенси знал, что на самом деле там Врата, ведущие в иной мир. Вейн толкнул Зельду.

— Переноси нас.

Вейн и Зельда исчезли.

В тот момент, когда Чи'инг Парва поволок Харллона к Вратам, приговаривая своим чирикающим горловым голосом: «Вот мы и попрощаемся со знаменитой охотничьей избушкой Рова Рангги» и посмеиваясь, Йенси поймал глазами взгляд Джорин. Он отчаянно показывал ей глазами на цепочку, соединявшую ее шею с запястьем Трэверса.

— Я исполню свое обещание с величайшим удовольствием, — произнес Трэверс. Вид он имел уродливый и злобный и явно необыкновенно наслаждался тем, что делал. — А Ров Рангга получит немало радости, медленно отделяя тебя от твоей шкуры. Он переложил «Шмайссер» в левую руку, как бы выполняя отчасти приказ Вейна, и теперь правой обнажал меч. Встал, изготовился вонзить этот меч в Йенси. Джорин завизжала и бросилась в сторону, натягивая цепочку, сжимая ее обеими тонкими ручками, откидывая голову. В ее крике звучала неподдельная мука.

Трэверса шатнуло в сторону.

Йенси выхватил «Смит-вессон 41 Магнум» и всадил в Трэверса две больших пули. Из рта урота выплеснулась кровь. Он рухнул вбок, прямо на Джорин.

— Хватай ключ! — крикнул Йенси.

Карлик обернулся, вскидывая свой 45-й, и Олан свалил его подножкой. Чи'инг потянулся за оружием и Йенси, промазав по нему первый раз, всадил вторую пулю в ногу этому худощавому человеку.

Со стороны Врат раздался громкий, свирепый рев. Там материализовался Вейн,

бранясь и не замечая поначалу сцену, разыгравшуюся по эту сторону барьера меж измерениями.

— Измена! Предатели!

Из воздуха появилась Зельда, а затем еще один человек, большой, со злым смуглым лицом и с черными вьющимися усами. Вывалившись из ниоткуда, он ударился об пол и вскочил на ноги с кошачьей ловкостью. Он был одет в доспехи из кожи и бронзы, в левой руке держал коробку управления, в точности такую же, как та, которой занимался Харллон, а в правой огромный двуручный меч, красный от крови. Затем на краткую долю секунды в комнате повисли тишина и неподвижность.

Йенси увидел, что цепочка Зельды разорвана как бы какой-то огромной силой, и металл на порванных концах оплыл каплями.

— Что здесь происходит, Вейн? — заорал новоприбывший, одной рукой поднимая свой огромный двуручный меч. — Назад пути нет, как тебе известно!

Йенси поднял «Смит-вессон». В барабане оставалось еще два патрона. Олан наставил свой автомат. Йенси хихикнул.

— Похоже, когда культура меча встречается с культурой огнестрельного оружия, у последней есть некоторое преимущество. Спокойно!

Рука Вейна остановилась на полпути к оружию, заткнутому за пояс.

Новоприбывший со злым лицом сплюнул.

— Я прошел через ад и уцелел, клянусь Черным Наспурго!

Я делал для графини такие вещи, что должен был обеспечить себя на всю жизнь — а теперь вы с этой стороны все испортили!

— Заткнись, Чернок! Ты со своей стороны тоже влип в неприятности, не так ли?

— Все, что я знаю — это что графиня должна получить эти Порвонские Врата Жизни.

Джорин встала и сдернула с шеи железный ошейник. Зельда присоединилась к ней. Йенси осторожно поднял свой автомат, затем так же осторожно отложил, перезарядил револьвер, спрятал и опять подобрал автомат.

— Олан, мы сейчас уходим. Вы, девушки — с нами. А из вас, ребята, если хоть один шевельнется, я вам потроха покрошу, словно мясник требуху!

Они двинулись к двери. Чи'инг Парва что-то бормотал и повизгивал, держась за пробитую ногу. Чернок смотрел на них, весь кипит от гнева.

— Клянусь Черным Наспурго! Еще один наподобие старины Дж. Т.! Надеюсь, он-то выберется с целой шкурой — а также Шарон и Гангли.

В коридоре головорезы Вейна сдерживали огнем наступление людей Рова Рангги. Олан, Йенси, Джорин и Зельда промчались по коридору в противоположном направлении, как будто за ними гнались все Псы из Хакимовой Ямины.

— Окно! — выдохнул Йенси. — Есть какие-нибудь признаки Врат?

Девушки, сберегая дыхание для бега, покачали головами. Они нашли окно и исхитрились пролезть сквозь эту щель в толще камня, а потом двинулись боком по карнизу вдоль стены, стараясь не смотреть вниз. Ночной ветер завывал, а земля и город Рангхольм были далеко-далеко внизу. Они продвигались медленно, отягощенные оружием, но в конце концов достигли одного из контрфорсов. Здесь Олан остановился, сдвинул на бок висевший у него на груди автомат, и одним плавным движением выхватил револьвер и выстрелил по сердитому лицу, высунувшемуся вместе с рукой из окна пониже.

— Этим путем они больше не полезут, — крикнул он, перекрывая вой ветра.

— Что нам теперь делать? — прокричала Зельда.

— Найти чертовски здоровенные Врата, и побыстрее убратся из этого мира, только и всего.

— О чем это ты, Ки? — спросил Олан.

— Скоро узнаешь, старина — как только мы окажемся в безопасности.

— Я нигде не чувствую Врат, — задыхаясь, выговорила Джорин.

— По-моему, вы утверждали, будто они часто встречаются группами — здесь

где-нибудь должны быть еще одни!

— Обождите, — прошептала Зельда. — Мне кажется...

— побыстрее же, ради Уботха, Куанчи, Дяди Тома и всего прочего!

Йенси, конечно же, был на взводе — да и немудрено! На крепостной стене над их головами появились огни. Ветер силился оторвать их от поверхности каменной кладки. Пальцы, которыми Йенси держался за стену, были как ледышки.

— Мы можем спуститься на нижние укрепления, — выдохнул он. — Нам не продержаться здесь долго.

— Теперь все люди Рова Рангги гонятся за нами, — ответил Олан таким тоном, будто это доставляло ему огромное удовольствие. — Да. Мы спустимся. Там снова можно будет пустить в дело эти чудные тарактелки. Если б только моя Олзари была знакома с изобретением Том-сына, когда напали на нее эти дьяволы Рова Рангги!

Они спустились вниз, радуясь, что наклонная стена оснащена множеством уступов. Теперь они находились на нижней крепостной стене и лихорадочно озирались вокруг. Тени и ночной ветер, звон доспехов и лязг оружия...

— Врат все нет, девочки?

— Ничего, Ки, — простонала Джорин.

Зельда промолчала. Она поворачивала голову из стороны в сторону в той особой манере Проводников, которой сама так редко пользовалась. Она напрягала каждую струнку этого чудесного и загадочного дара до крайней степени. Ее лицо при гаснущем свете желтой луны было белым и прекрасным. Ее взгляд все время возвращался к точке посреди воздуха, находившейся в пяти футах от стены и футов на десять ниже зубцов.

Йенси увидел этот взгляд, увидел выражение на ее лице и понял, что оно предвещает. Он задрожал и почувствовал, как его внутренности сначала собираются в комок, а потом размякают.

Черт! Ведь не могут же они... или могут?

Все они собрались тесной группой в тени уступа.

— Слушайте, — сказала Зельда, тщательно выбирая слова.

— Когда нас захватили эти дикари и матросы графини, мы узнали очень многое о том, что происходит сейчас между Измерениями. Когда мы пришли сюда, мы должны были подняться и опуститься. Вы помните мир с тремя оранжевыми лунами и запахом сандалового дерева?

Йенси кивнул. Олан промолчал.

— Это мир, откуда пришел Чернок. Это был Дуросторум, а насколько знает любой Проводник, Дуросторум — единственное измерение, которое можно назвать «концом цепочки». Из Дуросторума всегда возвращаешься только в те же Измерения, сгруппированные поблизости, из которых в него приходишь. Так вот. Я не могу сказать, куда ведут эти Врата — те, что находятся там, посреди воздуха...

— Ох, Зельда! — простонала Джорин. — Мне тоже показалась, будто я там что-то обнаружила. Но ведь не можешь же ты... не можем же мы... придется же прямо в воздух прыгать! Если мы не попадем во Врата...

— Тогда мы разобьемся о землю.

— А если мы пройдем, то куда...

— Не знаю! — голос Зельды сделался хриплым от раздражения. — Но или мы схватимся за этот шанс — или попадем в руки Рова Рангги, где уже никаких шансов не будет! Йенси поглядел через край укреплений и сглотнул. Падать вниз было далеко. Он не питал пристрастия к прыжкам вслепую.

— Нет ли какого-нибудь другого?.. — начал было он.

— Нет! — сердито бросила Зельда.

Послышался грозный топот сапог по камню. Зазвенел металл. Плясали и вспыхивали огни. Разносились крики и вопли, частое стаккато выстрелов прорезало ночь.

— Ответ за тобой, Ки!

Йенси подпернул на себе оружие. Легонько стиснул бицепс Олана.

— Ничего не поделаешь, старина. Придется тебе вместе с нами. Сейчас спрыгнем все вместе и вместе перейдем.

— Перейдем? — переспросил Олан. — Просто прыгнем туда, навстречу смерти?

— Нет, нет! Вот увидишь. Зельда! Джорин! Давайте приступим, пока у меня еще осталось храбрости хоть с наперсток. Я просто не смогу это сделать, если мы еще промедлим.

— Я тоже! — прошептала Джорин немеющими губами.

Они обхватили друг друга руками. Потом, как единое целое, забросили ноги на каменный парапет, нагнулись — и прыгнули.

Они падали все вместе, одновременно кувыркаясь, сквозь ночной ветер, падали сквозь пространство, глядя, как вокруг них переворачивается мир, странный мир Охотников Джундагая. Падали, крутились, вращались, стиснув друг друга в последнем объятии, как утопающие.

Тошнотворный страх застрял у Йенси в глотке. И тут же на него обрушилось странное явление, часто характерное для падения между Измерениями. Это было, как будто мчаться вниз головой по спиральным пролетам Эйфелевой Башни. При этом человек смеется, не в силах себя остановить. Поэтому Йенси в своем вращательном падении между мирами начал смеяться. И Олан смеялся тоже, и Зельда, и Джорин, все они смеялись ликующим смехом, кувыркаясь в зазоре между плоскостями бытия и прекрасно зная, что они могут возникнуть в новом мире навеки замурованными в толщу земли, или упасть и разбиться о твердую поверхность, или угодить очертя голову в любую из миллионов возможных опасностей.

Яркое солнечное сияние ударило им прямо в глаза. Смех Олана оборвался булькающим звуком, выразившим полнейшее недоверие своим глазам.

Они упали с высоты, может быть, футов пяти и погрузились в теплую пресную воду. Задышавшись и отплеываясь, они вынырнули на поверхность. Широкая тень заслонила над ними солнце.

Веселый голос пропел:

— Эй, там, в воде! Похоже на то, что мы опоздали. Шарик улетел!

Проморгавшись от воды, Йенси увидел аккуратный зеленый катамаран, наплывающий на них, развернув паруса, тарахтя мотором и разрезая корпусами пенящуюся воду. Йенси выплюнул воду и чьи-то сильные руки помогли ему перелезть через борт. Некоторое время он лежал, совершенно выжатый, распростершись на своей коллекции оружия, и с вялым любопытством рассматривая странное приспособление, установленное над центральной перемышкой катамарана.

— Да говорю вам! Борода, конечно, и все такое, но разве вы не видите?..

Другой голос — девичий, смешливый и приятный:

— Конечно, он! До чего интересно. А насколько он по-другому выглядит, весь такой загорелый, свирепый и бородой оброс. Но это Ки Йенси, точно.

— Клянусь Маком Черным! Раз уж он здесь — значит, он не какая-нибудь размазня, кормежка для грифов. Настоящий путешественник в Измерениях!

— Ах, ты, здоровенный фигляр! — взревел еще один веселый голос. — Все ведь должны с чего-то начинать, не так, что ли!

Самый первый голос, веселый и вежливый, произнес:

— Вы нас направили тогда в неверное Измерение, той ночью, в нью-йоркском переулке. Потом мы все выяснили. Те, другие, должно быть, прошли в примыкающие к этим Врата — вы, очевидно, в то время не могли вспомнить точное место...

— И неудивительно! — со смехом сказала Сара.

Ки Йенси устало сел, роняя капли воды на снежно белую палубу. Олан таращился на всех так, словно из злого царства Фазжа вышел вдруг Куанчи во всей своей славе и величии. Зельда и Джорин пытались расправить облепившую тела материю своих платьев, что отнюдь не делало их соблазнительные изгибы менее явственными.

— Там, в Джундагае, уже все кончено, — твердо сказал Йенси. Он кивнул в сторону приспособления, похожего на длинный кран, установленный на треножнике. — Если вы надеялись с помощью этого добраться до укреплений Рова Рангги через Врата, можете забыть эту затею.

— Но...

— Ребята графини сделали то, зачем приходили.

— Значит, они забрали их?

— Что бы это такое ни было — да.

Этого замечательно крепкого и атлетически сложенного человека в очках без оправы звали Боб Престайн. Да, Йенси вспомнил. А девушку — Сара. Теперь на палубе было целых три сногшибательных красотищи. Человек великанского роста и с секирой — это Оффа. А тот, что пониже — Йенси отлично помнил этот живой заряд динамита, которому никак не годилось слово «маленький» — Фезий. Йенси догадался, что они здесь делают, и не было ни малейшего шанса, что ошибся. Престайн начал расстегивать свой пояс, с которого свисал набор самого разнообразного смертоносного оружия.

— Дэйв будет разочарован. Если графиня получила свои ВЖП, значит, один — ноль в ее пользу. — Престайн задумчиво покачивал поясом, держа его в одном кулаке, потом вдруг рассмеялся. — Однако мы живы и сможем сразиться с ней в другой раз. Похоже, что вы были бы непрочь выпить, мистер Йенси. А эти юные леди — им, я полагаю, не мешает переодеться. Что до вашего друга-варвара...

— Обращайтесь с Оланом помягче, — бросил Йенси. — Мы должны все ему объяснить. Где мы хотя бы?

— Кверкветиан. Довольно большое внутреннее озеро, один два дружелюбных любящих рыбу народа и целая прорва совершенно недружелюбных и не любящих рыбу чудовищ.

— Так вот, Олан не знает об Измерениях.

— Но выто знаете, а, мистер Йенси?

— Золотые слова.

— Мы ему объясним. А потом постараемся доставить вас всех домой.

— В Эттор, — сказала Зельда.

— В Кивастрию, — сказала Джорин.

— А Олана? — спросила Сара, улыбаясь.

Пальцы ее левой руки сплелись с пальцами Фезия, возвышавшегося над ней менее, чем на дюйм. Йенси вспомнил, что забыл про свою недостающую четверть дюйма. Теперь это было неважно...

Олан покачал головой, выжимая воду из бороды.

— Мне все равно. Пока я могу сражаться рядом с Ки и пользоваться оружием Том-сына.

Фезий и Оффа слегка нахмурились и Оффа потрогал свою секиру, а Фезий похлопал по Миротворцу в ножнах, висевших у него на боку. Олан заметил это и понял. Он тоже похлопал по своему мечу.

— Я уже был свидетелем столкновения двух культур, по выражению Йенси, у себя дома, в Джундагае. Полагаю, что знаю, какую выбрать.

Когда они спустились вниз, чтобы выпить и сменить одежду, в атмосфере смеха и крепнущей дружбы, Престайн заметил Йенси:

— Когда-нибудь, Ки, когда графиня... когда все это кончится, надо будет нам всем съездить на сафари с Охотниками Джундагая.

Йенси ответил ему не сразу. Он думал. Затем, тщательно подбирая слова, но без сожаления, сказал:

— Ты можешь охотиться, если пожелаешь, Боб. Но я... Для меня с охотой уже покончено.